

На край Земли.

Необходимое вступление.

Со времён Геродота, столько всего написано о странствиях, открытиях и приключениях, что нового открыть, практически невозможно. И всё же после долгих раздумий пришло решение взяться за перо. Свои записки я назвал просто - «На край Земли». Не потому, что цель повествования – поиски и описание какого-то края Ойкумены, которого так опасались и который так стремились увидеть наши далёкие, и не очень далёкие предки. Край Земли для каждого человека свой. Кому-то для полного счастья вполне хватает края садового участка или кусочка пляжа на черноморском побережье. А кто-то всю жизнь ищет смысл жизни, ищет себя в этой жизни и готов идти хоть на край света, для того, что бы получить ответ на этот извечный вопрос. Стремление к физическому, а с ним и духовному совершенствованию, потащило меня на работу в Хабаровский край, на Байкал, а затем заставило сесть на велосипед и крутить педали по городам и весям, по странам и континентам. Именно это стремление заставляет перелопачивать горы литературы, заставляет искать смысл бытия. В этом пути мне постоянно кто-то помогает, кто-то всегда выступает в роли учителя. То случайный попутчик, то ученики, то неземной силы восход солнца... Путешествия подарили встречи с самыми различными людьми, с уникальными местами нашей и не только нашей страны.

При подборе материала, я, в первую очередь, ориентировался на молодых людей. На обычных школьников. Впрочем, не совсем обычных. На тех, в ком живёт дух романтики. На тех, кто не боится встречи с настоящими трудностями, и желает разобраться в себе, убедиться в прочности своего характера, проверить дружбу и поверить в неё.

Эта книга, думаю, будет интересна тем людям, которых ещё не до конца съел быт и неустроенность, людям, которые стараются не пережить время, а жить в этом времени.

Глава первая. В ожидании приключений.

Рассказы первой главы я объединил под общим названием «В ожидании приключений». Место действия – Хабаровский край, Приамурье. Время – начало восьмидесятых. С моим очень хорошим другом, москвичом Владимиром Долинским, мы решили попутешествовать по настоящей тайге. Хотелось испытать всамделишных приключений, хотелось проверить свою физическую закалку и выносливость. Отыскали лесоустроительное предприятие города Хабаровска и устроились туда на работу. В составе одной из экспедиций этого предприятия мы и работали в тайге целый сезон. Нашу экспедицию забросили далеко – на границу с Китаем в отроги Большого Хингана. Сначала восстановили старинный лагерь геологов, а затем начались, так называемые «заходы», - походы в тайгу, во время которых мы должны были рубить топорами узкие просеки и наносить их на карту. Сразу по приезду в глухомань, мы остановили часы и спрятали подальше «гражданку» - городскую одежду. Только записная книжка была со мной всегда, и каждый день я записывал туда всё, что с нами приключалось. Для нас эта работа была всего лишь своеобразным походом. Именно здесь мы учились жить в палатке, учились передвигаться по горам, преодолевать ручьи и реки. Именно в этом путешествии я впервые начал вести записки, которые впоследствии превратились в те миниатюры, которые и представляю сейчас на суд читателя. Остаётся добавить то, что всё, о чём я пишу, происходило в действительности. Основа вполне реальная. Что получилось судить вам...

Встреча.

Мы бредём по едва заметной лесной тропинке. Именно бредём. Переставляем ноги в такт друг другу. В сапогах хлюпает. Толи от пота портянки влажные, то ли при переправе через последний ручей пришлось зацепить воды за голенища. Не до этого. Жарко, не смотря на то, что солнышко вот-вот закончит свой дневной путь. Позади трудный день. С раннего утра мы рубились через самую гущу леса – устанавливали визиры. В руках топор, на поясе компас – буссоль и планшет с картами. Наша задача рубить просеки в тайге и наносить эти просеки на карту. Просека неширокая – всего-то полметра. Лишь бы плечи идущего человека проходили. И рубить её нужно строго по прямой линии, по определённому азимуту. За день мы отмахали несколько километров по горам, распадкам, даже довелось на вершину хребта вскарабкаться, что добавило остроты к впечатлениям сегодняшнего дня. И вот вечер и мы возвращаемся в базовый лагерь. Говорить не хочется. Говорить, это значит тратить дополнительную энергию, а где её сейчас взять, энергию?

Кто проложил эту тропинку неизвестно. Скорее всего, лесные обитатели – олени, лоси. У меня глаза городского жителя, не особо внимательные и острые, но каждый день я с ними встречаюсь. Чаще – утром, у ручья, в тех местах, где олени себе водопой устраивают. Иногда днём, хотя жару и олени не любят. Тропа вьётся вдоль горного хребта, старательно огибая скальные выступы, обходя поросшие мохом, полусгнившие стволы деревьев, упавших от старости или ветра. Тропочка, то приближается вплотную к скалистым стенам уходящего вверх склона, то теряется вовсе среди камней. По другую сторону тропы бежит ручей. Неглубокий, - вода, хоть и упорный строитель, но здесь, в краю многолетней мерзлоты нелегко ей продолбить себе глубокое русло, поэтому ручей берёт шириной, местами разливаясь до нескольких метров от берега до берега. Вода в ручье студёная и сейчас, несмотря на жару, едва взглянешь на поверхность ручья – мурашки по телу бегут, до пяток пробирают. Вечерком предстоит ополоснуться у ручья, смыть пот, который сейчас, кажется, пропитал всю одежду насквозь, но уже от одной этой мысли холодно. Тропу перегораживает кусок скалы, видимо, отломившийся когда-то, от края уходящего вверх склона. Это огромный в два с половиной метра высотой валун, с ребристыми шершавыми краями и плоской вершиной. Тропа забирает вправо, в обход камня, а затем, резко огибая его, сворачивает налево. Как за угол здания. Оборачиваюсь, бросаю взгляд назад. Капюшон куртки-энцефалитки у моего друга опущен почти на глаза и даже стянут шнурками так, что только часть лица – нос и щёки наружу выставлены. Комары приучили. Идёт – голову опустил. Огибаю скалу, одновременно возвращая взгляд на тропу.

- У-а-а! – тропу перегораживает что-то большое, круглое и мохнатое. Володя врывается в меня, к счастью ноги мои приросли на мгновение к земле, и этот толчок лишь вывел меня из секундного оцепенения. Что медведь нашёл у края тропы – не знаю. Но делом был занят важным – не услышал нас, не учуял. Стоял, как дачник над картофельной грядкой во время сбора колорадского жука, выставив кверху огромный косматый зад. Развернулся зверюга, почти не распрямляя полусогнутых задних лап, в полуметре от моего лица промелькнули когти передних лап его, сверкнули чёрным глаза. Видимо, истощный крик мой никак не ожидал здесь услышать мишка. Мой рюкзак пополз вниз... Я стою на верхушке камня – валуна. В одной руке нож, в другой – топор. Володя рядом со мной, с топором в руке и без рюкзака. Капюшон на спине, рука дрожит. Медведь что есть мочи убегает гигантскими прыжками через чащобник куда-то к реке – лишь зад мелькает. Ещё три прыжка, он врывается в заросли орешника, стоящие стеной за ручьём, исчезает из виду.

- Ты как сюда попал? – спрашивает меня Володя, оценивая высоту камня и пытаясь как-то соразмерить гладкий бок валуна с нашими физическими возможностями.

- А шут его знает, помню только, как рюкзак мой куда-то вниз пополз, – пытаюсь говорить связанно, но мои зубы стучат самопроизвольно, мешают говорить. Меня бьёт нервная дрожь, пот, холодит лопатки.

- Вот и я тоже никак не помню – как оказался здесь, наверху, - говорит мой компаньон и добавляет – а топорами мы бы много не навоевали. Он вон какой, огромный, мишка-то. Он ведь был на самом деле, или почудилось?

- Почудилось! Его следы у лужи видишь? Ничего себе – почудилось.

- Давай как-то слезать отсюда.

Мы ещё раз осматриваемся по сторонам, стараясь не упустить из виду ни одной ложбинки, бросаем топоры вниз и, помогая друг другу, спускаемся на тропу. Ещё раз обхожу камень, провожу рукой по его боку. Гладкий, действительно гладкий. Володя сидит на корточках перед лужей, рассматривает медвежий след, измеряет его, сравнивает отпечатки когтей с величиной пальцев своей руки.

- Одинаковы по длине, - он поднимает свою руку с растопыренными пальцами. В глазах удивление, смешанное с восхищением. Собираем топоры, накидываем на плечи вмиг ставшие непригодными рюкзаки. Накатывает усталость. Неожиданная, тяжёлая.

Мы вновь идём по тропе, глядим по сторонам, прислушиваемся к каждому шороху. До базового лагеря недалеко.

Столбик.

- А помнишь, как бревно тащили? – лицо моего старинного приятеля Володи сияет удовольствием. Это потому, что сейчас ничего взваливать на спину и тащить из пункта «А» в пункт «Б» не надо. Не надо продирается что есть силы через цепляющийся мёртвой хваткой за одежду кустарник, карабкаться по горам и скалам. Мы сидим и вспоминаем наши таёжные приключения. Сидим у меня дома, уютно устроившись в креслах. Попиваем душистый чаёк, включающий все необходимые составляющие – и лимон, и варенье, и достаточное количество сахара. Пьём чай и заедаем его печеньем.

- А помнишь, как через ручей переправлялись? – спрашивает Володя, и я вспоминаю о переправе, которая заняла у нас целых три часа.

- А медведя встретили!? Ты тогда сиганул на скалу как молния.

- А сам-то. Тоже мне, критик. Когда я взлетел наверх, ты уже там стоял да поплёвывал.

- Это точно. А всё же с бревном у нас интересно получилось, - прихлебывая чай, говорит мой друг, и мы начинаем вновь перебирать и смаковать эту историю.

В то лето мы решили основательно познакомиться с амурской тайгой. Для того, что бы не прослыть дармоедами и тунеядцами, мы устроились рабочими на сезон в Дальневосточную лесостроительную контору. Это предприятие обещало снабжать нас продуктами и снаряжением (а именно топорами, компасами, картами, палатками и спецодеждой), мы же должны были взамен рубить просеки и наносить их на карту. В конце сезона начальство грозило даже выплатить нам денежное вознаграждение. В Сибири лесная просека имеет ширину не два метра, как в средней полосе, а пятьдесят сантиметров. Плечи проходят, и хорошо, достаточно. И направление строго определено – с юга на север и с запада на восток. Но столбы квартальные, они должны быть обязательно чётко срублены и поставлены на местах пересечения просек. Так же, как и в Центральной России.

Приамурье. Горы, тайга. Горы не очень высокие, но по ним нужно вверх-вниз карабкаться – просека не выбирает - склон, или равнина, куда стрелочка компаса показывает, туда и идти приходится. День жаркий выдался. Но куртку не сбросишь – комаров тучи, вмиг растащат по кускам. А компас показывает направление на вершину хребта. Где-то там, на гребне нами должен быть поставлен столб.

- Что делать будем? – спрашивает меня Володя, оценивая сложность предстоящего восхождения.

- Рюкзаки со скарбом – палатками и продуктами оставим внизу, а сами будем рубиться наверх. Я так думаю, - это уже я отвечаю, ибо освободиться от рюкзака хочется. На Дальнем Востоке влажность высочайшая, отчего жара ещё нестерпимей кажется. Мокрая от пота куртка липнет к телу, двигаться мешает, снять рюкзак – облегчение.

- Ну, давай, - после небольшого раздумья, Володя со мной соглашается, мы сбрасываем рюкзаки и начинаем прорубаться вверх по склону. Склон очень крутой, но подлеска не очень много, и работа продвигается довольно быстро. Ближе к вершине хребта склон становится ещё круче, но последний рывок и мы наверху. Ух! Можно перевести дух. Сейчас соорудим столб, закопаем, и вниз, готовить ужин и наслаждаться покоем.

- Вид отсюда удивительный. Стоило столько сил потратить, чтобы красоту эту увидеть.

- Это точно. Но давай столбом займёмся.

Мы осматриваемся по сторонам. Ищем пихту. Пихта – дерево мягкое, легче всего его для столба использовать. Естественно, Высматриваем валежину. Живое дерево рубить не хочется, жаль. Подходящего дерева нет. Пихта растёт ниже, метров на триста.

- Что делать будем?

- Давай спустимся, найдём пихту, подготовим столб и принесём сюда.

- Попробуем.

Мы спускаемся далеко вниз до тех пор, пока не встречаем нужное нам дерево. Готовим столб, причём первым делом удаляем кору, чтобы ствол легче стал. Ошибку свою понимаем только после того, как работа закончена. Столб готов, его нужно тащить наверх, но с содранной корой он стал гладким и скользким. Сырой и тяжёлый вдобавок. Раз – два, взяли. С заплетающимися ногами, мешая друг другу, делаем несколько шагов. Нет, так дело не пойдёт. Бревно слишком короткое, чтобы нести его вдвоём. Перекур. Столбик падает на землю, мы садимся рядом.

- Давай поодиночке, сначала ты, потом я. По сто шагов. Чтобы друг другу не мешать.

- Давай.

Взваливаю дурацкую колоду на плечо. Пошел. Считаю шаги. Неужели только тридцать шагов пронёс? Долго топаю, наконец, долгожданная цифра «сто» прекращает на несколько минут мои мучения. Передаю столбик компаньону. Считаю его шаги. Теперь время пролетает незаметно, отдышаться не удаётся. Сидеть некогда – солнце заходит, нам ещё ставить палатку, готовить ужин. Ташу я, затем снова Володя. На вершине – вдвоём, вместе, почти юзом, на карачках.

- Скорей копаем яму, ставим столб.

Как же, не тут-то было. Мерзлота. Топором не прошибить.

- У-у! Чёрт побори!

Остервенело машем топорами. Десять минут работы не приблизили к цели ни на шаг. А солнце уже вот-вот коснётся соседней горы. Уже лучи его стали видны очень ясно. Лихорадочно ищем выход.

- Давай камнями привалим.

- Мысль хорошая, ищем камни.

Ни одного камня поблизости.

- Я видел несколько подходящих булыганов на склоне, когда бревно тащил.

Побежали вниз. Уже и рукава у куртки пропитались потом. Есть! Камни есть. Сто метров – туда, сто метров – сюда. Не поймёшь что проще – вниз ли бежать, вверх ли с камнем подниматься. Солнце коснулось горизонта. Устанавливаем столб. Укрепляем принесёнными камнями. Солнце почти зашло. Отдельные лучи освещают дальнюю горную грядку. Берём топоры – вниз. Успели.

Сидим, друг против друга, пьём чай, вспоминаем. Интересно.

Ручей.

- Вот, наконец, и ручей!
- Надеюсь, здесь яму копать не придётся, - мой друг скептически осматривает открывшийся нашим глазам распадок. Где-то там, внизу наше спасение – чистая, свежая вода. Я понимаю, о чём он говорит. Лагерь предыдущим вечером пришлось разбить у малюсенького ручейка. Дальше идти смысла не было – ночь наступила. Кудесничали – кудесничали вокруг источника, и так и эдак. Пришлось копать ямку, что бы кружку подставить под крохотную – с иголку толщиной - струйку воды. Утром так и не удалось умыться, едва – едва водички нацедили, что бы завтрак приготовить. Чайку лишь по кружечке досталось.
- Это ничего, что воды было немного. Нужно держать количество выпитой воды под контролем, что бы быть более выносливым, - без особой уверенности в голосе говорит мне Володя. У него чёрный пояс по карате, он занимается постоянно, даже здесь, в лесу. Каждое утро обязательно делает восточную гимнастику, растяжку. – Если много воды пить, трудно тело держать в боевой готовности.
- У нас, на Волге, - хриплю в ответ, - чай пить любят, одним бокалом чаепитие не заканчивается. – Язык стал большим и неповоротливым. Во рту еле-еле помещается. Жара нестерпимая. Одежда прилипает к телу как в жарко натопленной бане. Вначале пот, пропитав повязанный на голове платок, стекал по бровям на щёки липкими струями, привлекая многочисленных слепней, пропитывал куртку не только на спине и груди, но и на рукавах. Сейчас, похоже, лишней влаги не осталось совсем, до доньшка вся вышла, плюнуть нечем. И вот сейчас – к концу дня, с трудом преодолев очередной гребень, мы подходим к спасительной воде.
- Интересно, банка наша на месте? – оглядывая берег не видимого с высоты склона ручья, мы шагаем вперёд. Скорость ходьбы увеличивается по мере приближения к ручью до максимальной – таково желание утолить жажду. Я вспоминаю о банке, которую мы оставили здесь на берегу, когда неделю назад уходили в тайгу. Наш инженер расщедрился и угостил грушёвым компотом. В базовом лагере мы компот не стали есть, взяли с собой. Трёхлитровая стеклянная банка оказалась очень неудобна для переноски в рюкзаке и на первом вечернем привале мы этот компот съели. Банку оставили на берегу, предполагая захватить её на обратном пути. Вот он – ручей. Неширокий, можно перепрыгнуть, что мы и делаем и ещё некоторое время идём вниз по течению. Там, чуть впереди есть прекрасная полянка, даже немного песку на берегу. Там и лежит наша банка.
- Вот она, на месте. Всё, сегодня дальше не идём. Давай палатку ставить. – Мы отходим на несколько метров от ручья, я сбрасываю рюкзак на землю, достаю палатку, разворачиваю её, и начинаю устанавливать – укрепляю накомарник, растягиваю тент. Володя в это время собирает дрова и разводит костёр. Ручей журчит, а мы, в предвкушении, смотрим на него и чуть-чуть тянем время. Всё, теперь можно и к ручью подойти.
- Кто первый? – спрашивает мой друг.
- Давай жребий тянуть. Что бы по справедливости.
- Давай. – Володя вынимает из грудного кармана спичечный коробок, вытаскивает две спички, отворачивается на миг. Вновь повернувшись ко мне, протягивает руку вперёд. – Тяни! – Тяну. Длинная!
- У, везунчик, - говорит Володя, берёт банку за горловину и наполняет водой. Ему первому пить. Значит, я могу ещё постоять мгновение в предвкушении удовольствия. Хорошо. Как хорошо постоять, посмотреть на прохладные, кристально чистые струи. Смотреть на воду, которая наливается сейчас в банку и знать, что всего через пару минут, и я буду также наливать её в эту посудину. А потом просто запрокину голову, и буду пить, пить, пить....

- Володя, - говорю, - не пей много, выносливость береги, - я не могу удержаться и не съязвить, когда вижу, с какой быстротой исчезает вода.

- К чёрту! – на секунду оторвавшись и переводя дух, отвечает мой компаньон, - вода – это жизнь. – Последняя капля выпита. Володя по-кошачьи жмурится, улыбается и протягивает мне банку. Затем выпрыгивает на носках вверх несколько раз, стараясь определить – булькает у него в животе, или нет. – Нет, - с удивлением и даже некоторым удовольствием констатирует он, - не булькает!

Наливаю воду и пью, пью. Это надо же, какое наслаждение. Считаю глотки... Такое чувство, что вода просто не доходит до желудка, растворяется, испаряется где-то в груди. Всё. Три литра. Опускаю голову, ставлю банку вниз, на песок. Прыгаю, - точно, не булькает. Вот чудеса!

Солнце заходит. Набираем котелки водой, ставим варить ужин.

- Сегодня попьём чайку по-нашему, по-волжски, - говорю я, и Володя ничего не возражает в ответ. Ничего не говорит про выносливость, улыбается. Ветерок обдувает нашу полянку, отгоняет вредных комаров. Каша поспекает в котелке, чай на подходе, наши тени в отблеске костра, становятся, всё ярче видны. Ещё один день позади.

Кабарга.

- А кабаргу помнишь? – лицо моего друга мрачнеет:

- Как не помнить. Михалыча, живодёра этого, навек запомнил. Охо-отничек. А клык олений до сих пор у меня. Вытащу иногда на свет, посмотрю. Все мытарства наши одним махом перед глазами пробегут. А кабаргу жалко.

Мы тем летом работали в Приамурской тайге рабочими Хабаровского лесоустроительного предприятия. Отделением экспедиции командовал инженер с тридцатилетним стажем, крестьянского сложения человек, коренастый, медлительный, с короткими ногами и огромными, мясистыми кистями рук, которого рабочие называли просто по отчеству – Михалыч. Он принимал такое обращение, без каких бы то ни было обид, и через пару дней и мы, несмотря на солидную разницу в возрасте, легко перешли в общении на «ты». Так и остался в моей памяти и дневниковых записях этот человек без имени и фамилии. У инженера не было правого глаза – напоминание о разорвавшемся в руках ружье. Что случилось два десятка лет назад, я не запомнил – то ли ружьё новое неудачно опробовал тогда, то ли патроны какие-то заморские, только ослеп он, и с тех пор глаз его был закрыт. Михалыч был, видимо, страстным охотником, опытным – ружьё срывал с плеча вмиг, и прекрасным стрелком. В этом нам пришлось убедиться вскоре после приезда на место.

Нас забросили вертолётном далеко в тайгу. На то место, где несколько лет назад был лагерь геологов и почти целую неделю мы восстанавливали полуразрушенные деревянные хижины под складские и жилые помещения, и под баню. Отныне на целый сезон это место становилось так называемым «базовым лагерем» нашей экспедиции, местом, откуда уходили рабочие на лесоустроительные работы в тайгу. Уходили подвое, в так называемый «заход», чаще на неделю, но иногда на десять дней. Перед походом в лес Михалыч скупно отсчитывал продукты – тушёнку, крупу, сухари, немного сахару. Продукты и палатку распределяли по рюкзакам, тщательно упаковывали, остро точили топоры, в планшетку под плёнку запикивали выкопировку с карты – «стометровки», на которую был нанесён нужный маршрут. Инженер оставался в лагере. Отправив группы по маршрутам, он чертил карты, считал пройденные километры, рыбачил – недаром на складе, доверху забитым продуктами стояло четыре ящика с пустыми консервными банками под икру – Михалыч ждал нереста. После «захода» нам полагался отдых – два или три дня ничегонеделания, баня и прочие прелести полудивилизованной жизни. После одного из очередных походов в тайгу, Михалыч попросил нас поучаствовать в отводе делянки – нужно было сосчитать деревья на контрольном участке леса. Выбор инженера

был неслучаен. Мы в группе рабочих были самыми молодыми и восприняли приглашение поработать в свой законный выходной день безропотно. Рано утром вышли в путь, взяв с собой продукты на обед. Шли друг за другом, разговаривали негромко, расспрашивали бывалого лесовика о долгой работе в тайге, о животных, погоде и прочих мелочах. Он отвечал охотно с едва заметной усмешкой. Неожиданно, неуловимым движением Михалыч вскинул ружьё к левому плечу, сверкнув вороньим глазом зло и пронзительно остро. Повёл стволом куда-то вправо - вверх. Бах! И вслед за первым выстрелом второй - Бах! Вижу - вверх по заросшему густым кустарником склону улепётывает крупный бурый медведь. Бежит что есть силы, оглядывается, головой трясёт и повизгивает от боли.

- Эх, дьявол! Дробью патроны заряжены, думал рябчика какого подцепить, – тут медведь попался. Теперь проходу не даст – видишь, как разозлился! – негромко бормочет Михалыч, старательно вытаскивая пустые гильзы из казённой части ружья и меняя патроны. – Теперь заряду картечью, авось ещё один попадётся.

- Зачем стрелял, Михалыч? Ты же знал, что у тебя дробью заряжено ружьё-то?

- А-а! Развелось их тут. Нечего им здесь сидеть, пусть шарахаются в сторону при нашем приближении. Но вы теперь по этой тропке осторожней ходите.

- Ну, вверх бы выстрелил, если пугануть решил, а то на тебе, Миша, подарочек, - Володя качает головой и разводит руками в стороны.

Дальше идём молча. Какой-то непонятный он. Злой что ли? Мысль покоя не даёт весь, оставшийся до места работы путь. Молча скидываем рюкзаки, берём топоры и начинаем отмечать границы площадки. Она не очень большая – с гектар всего, но нужно по компасу отмерить углы, отбить границы – визиры, сосчитать на этой площадке общее количество деревьев. Работы много. Инженер рядом с нами, что-то подсказывает изредка. Лицо у него опять какое-то добродушно - беспечное, только глаз сверкает время от времени недобрым блеском. Внезапно тень мелькнула где-то сбоку.... Я напрягся и начал поворачивать голову вслед этой тени. Боковое зрение выхватывает плавное движение рук инженера.... Бах! Дуплетом по скользящей тени выстрел! Детский душераздирающий крик и плач вслед за выстрелом. Плач страшной неожиданной боли! Как в старинном фильме, где все кадры движутся с некоторыми остановками, поворачиваю голову назад – Михалыч спокойно перезаряжает ружьё. Встречаюсь с глазами своего друга – в них недоумение и боевая злость. Бежим туда, где крик переходит в рыдание, это рядом, несколько шагов всего. Маленький, - чуть больше зайца оленёк - кабарга, увидев нас, пытается уползти на передних ногах, оглядывается, рыдает и плачет от нестерпимой боли и обиды – за что?! Весь зад оленя разбит до кости, видна часть позвоночника, кровь потоком стекает с остатка ноги.

- Она под пеньком сидела, пряталась, стерва, - говорит Михалыч. Он подошёл, оказывается, я не заметил когда. Выхватывает у меня топор, рукоятка свободно выскальзывает из руки, я не могу её удержать. Срубает толстую ветку орешника, и вырезает из неё увесистую палку. – Заряда жалко, что зря добро изводить. Хорошая картечь – вишь, как её разорвало, – подходит к умирающей кабарге и несколько раз бьёт ей по голове, пока не прекращаются рыдания. - Не плачь Володя, это жизнь, - говорит он, глядя мне в глаза. Теперь я вижу его настоящее лицо. Даже подбородок почему-то показался загнутым снизу вверх, и в облике появилось что-то от старой хищной птицы, готовой рвать мертвечину просто по злобе и природной ненависти. - Мясо у неё несъедобное. Есть нельзя, не сварить.

- Так зачем же ты палил, дурак? – Я еле-еле разжимаю челюсти, чтобы произнести эти несколько слов.

- Патроны новые снарядил, проверить надо было, всё польза от этой бестолковой кабарги какая-то, - утвердительно – равнодушно говорит наш начальник. - Её всё равно бы волки съели. Закон жизни.

- Так то же волки. Сволочь ты, однако, - Володя подходит к убитому оленю, наклоняется и поднимает клык, длиной пять – шесть сантиметров. Он выпал из челюсти кабарги, когда охотник добивал её.

- Да ладно тебе, нашёл о чём жалеть, - деловито и спокойно говорит Михалыч. - А мясо выкинуть надо, - инженер широко зеваает, - нельзя его есть – как резина, не сварить.

Работать не хочется. Пропало желание. Усталость навалилась. Встречаюсь взглядом со своим другом. Он молча кивает головой и суёт топор под ремень, затем поворачивается к инженеру:

- Мы в лагерь, Михалыч.

- Мы же не начали ещё почти. Я двойную цену заплачу за сегодняшний день!

- Мы в лагерь, Михалыч, потом.

Забираем рюкзаки и топаем по тропе назад, на «базу». Молчим. Я вижу, что и Володя переживает, и нет да нет – посмотрит на клык, что взял там, на месте убийства....

Сколько лет прошло с тех пор?! Сколько таких же людей как наш инженер я встречал за это время!

- Не прощу себе, что морду не набил ему в тот день. Всё хорошеньким быть хотелось. – Наш чай остыл давно, хочется встать и вновь поставить чайник, но, что-то всё сижу и сижу, не встаю. Мы сидим у меня дома спустя много лет.

- Ты думаешь, он бы изменился, если бы ты побил его тогда?

- Не знаю, но, пожалуй, мне бы сейчас было легче.

Переправа.

Едва сил хватило вчера дотащиться до этого ручья. Только палатку раскинули - ночь нас накрыла, да так стремительно, будто солнце спешило куда-то. Ужин готовили и пили чай уже при свете костра. Утром сразу оценили всю сложность возникшего на пути препятствия. Позавтракали, одновременно оценивая обстановку. Ручей течёт по какой-то глубокой ложине, шест двухметровый до дна не достал – пробовали с берега глубину. Воды много в ручье, не только она ложину затопила, но и вширь разлилась, метров двенадцать, не меньше. Кое-где кочки торчат из воды. Вода бежит быстро – всё-таки с гор. На противоположном берегу поляна-пропелшина. Неширокая, но длинным краем своим уходит в нужном нам направлении. Это значит, что не махать нам топорами, а пройти праздными наблюдателями, до самого конца поляны. Это вдохновляет. Придаёт прыти. Но сейчас нужно переправу налаживать, на другой берег переправляться.

- Вода ледяная – вплавь не осилить.

- Да уж. Утопишь спальники с палаткой – пиши, пропало. Продукты, опять же.

Вопрос о поисках брода отпадает сам собой. По дикой тайге ходить трудно, кустарник стеной, да как лианами в джунглях всё перевито лимонником. Есть ли брод где-то поблизости – вопрос, лишних сил терять не хочется.

- Может быть, с разбегу на кочку перепрыгнуть? – не пойму, подначивает меня Володя своим вопросом, или дело предлагает.

- Где мы тут разбежимся? Почва мягкая, ни толчка, ни разбега. Плюхнешься в воду носом.

- Придётся срубить какую-то лесину, перебросим с берега на кочку, там - на следующую, что ещё делать остаётся. Время идёт.

Будем налаживать переправу. Решено.

Легко сказать - лесину срубить. Её сначала найти надо. Вокруг столетние лиственницы и ели. Огромную ель рубить не будешь. Во-первых, жалко. Во-вторых, у берега нет такого дерева, чтобы поперёк ручья легло, а протащить ствол ели двадцать метров и через ручей перебросить – силёнок не хватит. Ничего лучше, чем ствол чохлой берёзы найти не

удаётся. Срубили. Диаметр чуть больше пятнадцати сантиметров. Еле-еле жердь получилась длиной пять метров.

- Ну, что, подтащим к берегу, поставим «на попа» и плюхнем на кочку. - А до кочки метра четыре.

- Попасть ещё нужно – на кочку-то. Течение сильное.

Жердь сырая, тяжёлая, кривоватая. Упереть конец не во что, приходится напрягать все силы, чтобы жердь, наконец, приняла вертикальное положение. Обутые в кирзовые сапоги ноги медленно уходят в мягкий податливый грунт вместе с концом жерди.

- Стоп! Кто первым будет переправляться? Давай ты, ты – ловчее, - говорит мне Володя. Ловчее. Вот подхалим. У моего друга чёрный пояс по карате, ему ловкости не занимать. Спорить не хочется. Попытаюсь. – Не получится у тебя, я попробую, - продолжает Володя. – Я буду жердь держать, чтобы она не кувыркалось.

- Ладно. – Мы прицеливаемся и роняем жердь на кочку, зелёным островком маячащую впереди. Верхушка падает точно на кочку, но другой конец слегка подлетает вверх, обдав нас жидкой грязью, течение ручья подхватывает ствол и, презрев наши усилия, выносит жердь почти на середину потока. Успеваем ухватиться за «хвост» жерди, вытаскиваем на берег и всё начинается сначала. На сей раз, жердочку кидаем выше по течению ручья и вершину лесины прибывает к кочке. Володя всеми силами пытается избавиться её от вращения, я, стараясь не терять времени, осторожно наступаю на мокрый, скользкий ствол. Делаю несколько очень коротких, осторожных шажков, стараясь сохранить равновесие. До кочки – первого перевалочного пункта, - остаётся метра полтора, я начинаю терять равновесие, ища опоры, наклоняюсь вниз и ухватываюсь за жердь. Зад кверху, ноги почти прямые, руки вцепились в шаткую опору впереди. Держусь. Равновесие восстанавливаю. Только было дыхание перевёл, чувствую, - жердочка затряслась мелко-мелко и начала потихоньку поворачиваться вокруг оси. Изловчился и посмотрел назад – что там мой надёжный друг? А он вот заливается – смеётся. Взглянет на меня и вновь его охватывает такой приступ смеха, что он вот-вот конец жерди отпустит.

- Брось ржать, - кричу, - держи бревно! - Куда там. Новый взрыв уже нескрываемого хохота буквально вырывает конец нашего моста из Володиных рук. Я делаю отчаянный прыжок к спасительному островку, наступаю на него одной ногой, зачерпывая за голенища сапог воды по ведру, ухватываюсь за траву руками и пытаюсь осторожно подтянуться. Мне это удаётся и я, на карачках, вползаю на кочку. С берега слышу уже не смех, а какое-то хрюканье. Это Володя, схватившись за живот, пытается остановить приступ смеха и удержать уплывающую жердь. Наконец, он выживает её, вытаскивает на берег, распрямляется и глядит на меня.

- Ну что, Робинзон? Как там, на острове дела? Что дальше делать будем?

Я, с трудом балансируя, выливаю воду сначала из одного сапога, затем из другого.

- Цирк устроил. Жердь давай! Дальше есть куда её пристроить.

Володя пускает берёзовый ствол выше по течению, я его благополучно перехватываю. Впереди целый архипелаг из сросшихся друг с другом болотных кочек. Недалеко – метра три. Налаживаю импровизированный мост, переползаю осторожно вперёд. Здесь уже чувствую себя поувереннее – опора какая-то более надёжная под ногами чувствуется. Ещё немного времени – и я на другом берегу. Почва здесь как кусок толстенного поролон – мягкая. Подаётся под тяжестью тела, уходит куда-то в глубину. Делаешь шаг, а трава и ягодные кустарнички становятся, будто выше ростом, и не по колено уже, а чуть ли не до пояса. Ногу протасить через растительное хитросплетение невозможно, настолько крепка эта природная сеть-преграда. Для того чтобы шаг сделать, нужно колено почти к самому уху поднять, тогда только вперёд продвинуться получится.

- Ну, что! – кричу, - давай вещи перебрасывать?

- Давай, - Володя распределяет нашу поклажу так, чтобы удобнее было через ручей перекидывать. - Лови! – И летит ко мне туго свёрнутая и надёжно скрученная верёвкой

палатка. Бросок точен, мне удаётся поймать её на лету. Таким же образом в мои руки попадают спальные мешки и рюкзаки с продуктами. Складываю аккуратно на берегу все наши припасы и снаряжение. Отхожу подальше, и Володя перебрасывает топоры и нож. Я их отыскиваю в густой траве и складываю у рюкзаков. Затем беру нашу жердь и последовательно перебираюсь назад, на «кочку Робинзона». Переправляю один конец Владимиру, а другой стараюсь понадежнее закрепить на островке. Володя берёт в руки шест, которым мы утром мерили глубину и, как канатоходец идёт вперёд. Успеваю схватить протянутый шест, чем восстанавливаю, потерянное было равновесие вновь испечённого канатоходца. Совершаем уже знакомый мне путь до противоположного берега, разбираем снаряжение и, как две цапли, высоко поднимая ноги, медленно пересекаем поляну. Наш путь продолжается.

Совет.

Чуть не ткнулся в спину идущему впереди меня Володе, - так внезапно он остановился. Я пытаюсь идти, глядя под ноги, старательно обходя каждый торчащий из земли сучок. Споткнёшься, - растянешься во весь мах, сколько сил потеряешь?!

Ух, какая жара! Кажется, будто тайга вот-вот задымится, вспыхнет порохом и сгорит моментально в адском пламени. А прилипшую к телу одежду не сбросить – комары и слепни не дремлют – съедят живьём моментально.

- Что остановился? Что случилось? – я едва отрываю язык от нёба.

- Сам смотри, - облизывая губы и слегка покачиваясь от усталости, говорит мой друг, чуть посторонившись на узкой тропе и пропуская меня вперёд. Тропу, нами же несколько дней назад старательно прорубленную через дикие таёжные заросли, перегораживает упавший ствол огромной сосны. Сосну повалило ветром, вырвало с корнем из земли. Корень под стать дереву - могучий, перевитый узлами и наростами. Толстые сучья не дают сосне стволу коснуться земли. Вершина лохматится где-то далеко в зарослях справа.

- Да... Что решим?

- Чего решать, обойти надо.

- Смеёшься! Через этот чапыжник? – Володя бросает взгляд влево – лимонник накрепко, будто паутиной связал деревья друг с другом, не забыв прихватить для строительства живой непроходимой стены кустарник.

- Да, рубиться через заросли.... Топором как следует не взмахнёшь, рюкзак цепляется за ветки, сучки.... Метров сорок верно будет. Минут двадцать точно промаемся.

- Если не все тридцать. Тьфу! Комара проглотил, чтоб ему.... Хоть рот не открывай. Топором не поработаешь, это точно.

- Может быть, попробоваться вскарабкаться наверх? – лезу, сконцентрировать силы нелегко, нога скользит по гладкой коре, рюкзак тянет вниз, пот заливал глаза.

- Под деревом придётся ползти, вот здесь, между сучьями. Рюкзак снять, но на землю не класть – потом его поднимать на плечи тяжело будет, на ствол положить. Проползти осторожно, а затем рюкзаки опять на плечи зацепить. – Владимир рассуждает, глядя на мои тщетные старания.

- Да, пожалуй, это лучший вариант, - помогаю скинуть лямки рюкзака с плеч друга, вдвоём перебрасываем пожитки на противоположную сторону преграды. То же делаем и с моими вещами. Встаю на четвереньки. Мышцы за день настолько привыкли держать тело, утяжелённое рюкзаком в вертикальном положении, настолько одеревенели, что едва меняешь вид движения, они просто отказываются работать. Не без труда удаётся согнуться, сложиться и проползти под стволом. Мурашки бегут по спине, едва я случайно сдираю верхний слой лесной подстилки – рука скользит по льду. Мерзлота. То-то вода в ручье ледяная, - как бы не хотелось по жаре в ручей нырнуть, только подойдёшь поближе – озноб бить начинает такой, что моментально всё желание купаться попросту

улетучивается. Выползаю на противоположную сторону. Помогаю Володе накинуть рюкзак. Сделать это нетрудно – вещи все на стволе готовые стоят, ждут хозяина. Поворачиваюсь спиной к стволу, на котором лежит в готовности мой рюкзак. Володя помогает накинуть его ляжки мне на плечи. Преграда позади. Сегодня нас ждёт ещё несколько трудных километров пути по горам. Я знаю, что пройдёт какое-то время, и мы будем вспоминать наши приключения с удовольствием, ведь всё, что случилось здесь, в Приамурье - это наше знакомство с последними уголками Дикой Природы.

Бегство.

- Знаешь что, давай поедem домой. Прямо сейчас, всё бросим – и поминай, как звали.
  - А как же юг? На юг ведь хотели смотаться в октябре. Месяц осталось.
  - Да, надоело всё. Домой что-то хочу. Дикое желание уехать.
- Мы лежим в палатке. Вечер. Сегодня работали как всегда, ни о каком отъезде и не помышляли вовсе, и вдруг такой разговор, такое решение. Утром собрали свои вещи, упаковались тщательно и повернули назад, в базовый лагерь. Три дня выбирались из таёжного «захода». На сей раз далеко забрались, даже в одном из ручьёв песчинки золота попадались. Умываешься, зачерпываешь пригоршнями воду – а вода блёстками сверкает – хватай лоток, чего рот открыл!
- Здесь и золотоискателя встретить можно, - сказал нам инженер перед «заходом», - бродят с лотками, совсем как на Клондайке. Будьте осторожны. Всякие люди попадают.
  - Люди нам так и не попались. Но мы сейчас возвращаемся. Решили. Устали, наверное, не хочется ждать окончания сезона. Вечером третьего дня сидим в хибаре инженера. Он уговаривает нас остаться. Предлагает продукты, которые приберёт на «чёрный» день - сгущёнку, сухое молоко, конфеты, печенье. Вскрывает банку икры – рыба шла на нерест, пока мы были в тайге, начальник наш даром время не терял, сеть работала исправно.
  - Нет, Михалыч, решено. О чём же раньше думал?
- С утра, ещё солнце не взошло, мы уже готовы отправиться в путь. Нам нужно выйти на лесовозную дорогу.
- Сегодня суббота, - напоминает нам инженер на прощанье. - Лесовозов будет только два, пойдут из делянки назад на станцию часов в двенадцать. Не провороньте! А то пилить пешком до станции больше ста километров. Часы заведите – в мир возвращаетесь.
  - Сколько здесь до лесовозной дороги?
  - Километров тридцать. По тропе идите вон на ту гору, - показывает рукой направление Михалыч – инженер наш, - тропа выведет вас. Не промахнётесь, выйдете на накатанную лесовозами дорогу – это и есть то, что вам нужно. Не во время собрались. По радию передали – муссон надвигается. И вообще, - оставались бы.
  - Нет, Михалыч, уходим.
  - Неволить не могу. Удачи вам.
- Рюкзаки привычной тяжестью легли на плечи, силы есть, настрой хороший – как никак домой возвращаемся! Покидаем лагерь. Тропа не обманывает, и через несколько часов довольно быстрой ходьбы, выводит нас к разбитой тяжёлыми машинами лесной дороге. Кое-где – колеи, но в основном укатанная грунтовая дорога. Глина, песок. Дождь пройдёт – не выйти. Но сегодня, слава Богу, сухо. Поворачиваем по направлению к станции. Рюкзаки изрядно поднаедали – тяжёлые. Да и есть хочется. Часов шесть мы в пути.
- Давай перекусим, - предлагает Владимир. Я с радостью соглашаюсь – тридцать километров позади, аппетит нагулял волчий. Мы садимся у обочины, Володя развязывает рюкзак. Шум двигателя заставляет прекратить, начатое было занятие. Вскликаем на ноги, смотрим по направлению шума. Точно! Так и есть! Лесовоз идёт.
  - Я думал – опоздали, - глаза моего друга сияют, - потом перекусим.

Я тоже боялся, что мы пропустили лесовозы, но нет, успели. Тяжело гружёная машина останавливается. Помогаю Владимиру вскарабкаться в кабину, прилаживаем с внешней стороны кабины рюкзак, затем – на всякий случай – второй.

- Двоих возьмёшь? – спрашиваю водителя.

- Чего жаться зря, следом второй лесовоз идёт, он тебя подхватит. Втроём запаримся.

Жму руку Володе: – До встречи на станции! - Спрыгиваю с подножки машины на дорогу. Уходит лесовоз. Провожая его взглядом. Иду в сторону станции потихоньку. Минут через пять появляется вторая машина. Вдыхаю с облегчением, останавливаюсь, поднимаю руку вверх. Водитель один, место есть. Лесовоз не сбавляя скорости, пронесётся мимо. Машу руками, кричу – мои усилия тщетны.

- Чёрт возьми! – ору что есть мочи, хватаю палку, бью, сколько силы есть о землю до тех пор, пока в руках не остаётся ничего, кроме маленького осколка. Швыряю его в сторону. Меня разбирает смех. Глупейшая ситуация! Володя – уехал. Рюкзак – уехал. Ни еды, ни одежды, ни палатки. Перекусить не успели. Сто километров до станции. Сегодня суббота, завтра лесовозы не ходят. Снимай штаны и пой разлуку!

Ну, ладно. Пора оценить ситуацию трезво, не напрягаясь. Итак. Что мы имеем. Спортивный костюм, кроссовки – переоделся сегодня утром в лагере, чтоб полегче было двигаться. Дистанция, которую нужно преодолеть – сто километров. Всё. Выход один - вперёд. Как там звучит совет тем, кто хочет похудеть? Физические упражнения уменьшают желание поесть на какое-то время? Проверим на практике. Худеть мне некуда, но и поесть нечего. Побежали. Руки почти максимально согнуты в локтях, нога после толчка расслабляется максимально и в расслабленном состоянии выносятся вперёд, центр тяжести находится на одном уровне, ни в коем случае не выпрыгивать вверх – энергию беречь. Использовать её только для продвижения вперёд. Дыхание равномерное, обращать внимание, прежде всего, на выдох. И главное не нервничать. Бегу. Дорога тянется вдоль реки, то, выходит к самому берегу её, то убегает далеко в сторону, поднимаясь в горы. Вот ползёт всё выше и выше. Справа стеной уходит склон, поросший лесом, слева склон исчезает вниз обрывом, открывая бескрайние дали. Тайга, горы, небо.... Приостанавливаюсь на миг, - дух захватило. Красота! Бегу. Сорок минут в пути, час. Солнце всё выше поднимается, палит, жарит вовсю. Неожиданно лес обрывается. Голый песок на километры вперёд. Тяжёлые трактора - трелёвочники, по самую крышу увязшие в мягкой, податливой почве уныло стоят под палящим солнцем. Не слышно птиц, не слышно привычного потрескивания деревьев – обычного лесного разговора. Трактора не наши, скорее всего японские или корейские – на жёлтых боках иероглифы. Края делянки не видать. Как есть пустыня! Бегу, не видеть бы! Большая делянка, большая. Лишь минут через двадцать я оставляю её позади. Дорога сбегает вниз, к ручью. Ручей небольшой в реку впадает. Водичка чистая. Попил с удовольствием. Сколько отмахал? Километров двенадцать? Что там с желанием поесть? Дудки! Не работает система. Есть хочу, как из ружья!

Мотор? Или почудилось? Да нет, точно звук мотора. Так и есть. От реки поднимаются на мотоциклах люди. Рыбаки, видать. Трое. Поднимаю руку, не может быть, что бы мимо проехали. Останавливаются. «Минск», «Восход» и «ИЖ» с люлькой.

- До станции возьмёте?

- Ты откуда такой спортсмен. И одет что-то не по форме.

- Да из экспедиции я. В город возвращаюсь. Друг на лесовозе уехал, вещи увёз, а я остался случайно. Не взяли на второй лесовоз, а на станцию надо бы попасть, - понимаю, что в мои объяснения трудно поверить, но продолжаю говорить. – Захватите меня до станции.

- Ты, может быть, из тюрьмы сбежал, вон и стрижка у тебя короткая. Может быть, шпион какой, граница рядом, - говорит тот, которого рыбаки называют Мишей. Он – водитель «Минска». Очки снял, в глазах нескрываемое презрение и недоверие. - Поехали, мужики. Пошёл он к чёрту!

- У нас рыба в люльке, - говорит тот, что за рулём мотоцикла «ИЖ». - Полная люлька. Нет места, - в глазах извинение и сомнение.

- Нечего из-за него страдать, у самих проблем полон рот, - говорит третий.

- Я понимаю, «Минск» не вывезет, но твой «Восход», - машина покрепче. Рискнём? – Я стараюсь уговорить этого третьего, водителя «Восхода». Девяносто километров не шутка.

- Чего ещё выдумал. Не работает движок. Каждые двадцать километров приходится останавливаться, в моторе ковыряться. Не довезёт, смотри - он показывает мне кисти рук, вымазанные солидолом.

- Извини, друг, - опять говорит водитель «ИЖа», выбирайся как-то сам.

- Ну, ладно, удачи.

Поехали рыбаки. Я иду дальше. Иду шагом – отдохнуть надо после бега. Мотоциклисты уезжают всё дальше и дальше. Почти скрылись из глаз. «ИЖ» остановился, тяжело развернулся, поехал назад. Поравнялся со мной.

- Не могу тебя бросить. Как доберёшься? Муссон идёт. У Мишки приёмник, сводку передали. Успеть бы ноги унести. Тебя брошу – не прощу себе никогда. – Глаза у парня хорошие, добрые, не зря он мне как-то сразу пришёлся по душе.

- Ты что опять задумал? Бросай его, поехали, - кричит Михаил, подъехав на своём «Минске». - Нам самим до себя!

- С горы будем ехать, в гору будешь спрыгивать с мотоцикла, и бежать, за багажник держаться. А ты Мишь, не шуми, муссон идёт, сам знаешь.

- У Витьки мотоцикл встанет, что делать будешь?

- Встанет – решим. Вперёд.

Так и поехали. С горки – на мотоцикле, в гору, стараясь не отстать и силы сэкономить, я бегу, держась за багажник. Мой водитель всё назад оглядывается, с тревогой и ожиданием. Я посмотрю в том же направлении – ничего не вижу. А он всё губы покусывает и крутит ручку газа, где рельеф позволяет. Два раза ждём Виктора. Он, то свечу меняет, то ещё что-то.

- Вот, дождались...., - Михаил бросил взгляд назад, а затем злобно посмотрел в мою сторону с таким видом, будто я с собой приволок эту тучу. Из-за гор взбесившейся небесной лавиной, выкатывает чёрный воздушный вал, наделённый безграничной природной силой, способной смести всё на своём пути. Словно чёрного вестника, гонит он впереди зловещую тишину, готовую в любую секунду лопнуть и разорваться на куски, обрушиться грохотом и воем.

К счастью, Виктор опять починил мотоцикл, и мы помчались вперёд. Путь идёт теперь по дороге с ровным рельефом, и лишь изредка я спрыгиваю с мотоцикла и, напрягая все силы, помогаю своему спасителю перебросить его через ручей или песчаный участок.

- Смотри! – он показывает мне на реку. Спокойная ещё минут пятнадцать назад, река вздулась, грозя вот-вот выйти из берегов. Поток подхватывает ветки и небольшие обрубки деревьев и тащит за собой. Мы не оборачиваемся больше, страхась увидеть нечто ужасное у себя за спиной.

- Если муссон нас накроет – труба! – обернувшись, кричит мне мой водитель. «Почему он кричит?» До сознания доходит, что тишина ушла. Треск деревьев, ломающихся веток, грохот бьющихся друг о друга стволов, раскаты грома и шум вышедшей из берегов реки перекрывает рёв мотора. Муссон настигает нас, я уже чувствую его приближение кожей, телом.

- Вон она, станция впереди! – кричит водитель, и я смотрю вперёд. Действительно, километрах в десяти вижу строения, вижу идущий по рельсам поезд. Дорога бежит вниз, желая помочь нам на последнем участке пути, и больше не желая выставлять преград. - Теперь можно жать на всю катушку, держись!

Малейшая ошибка может стоить нам падения, а тогда точно – труба. Оборачиваюсь. Ого! Зрелище завораживает. Туча вырвалась из объятий гор, за нами по пятам несётся

сплошная стена воды. Река разлилась и затопила дорогу там, где мы проехали пять минут назад. Кто успеет быстрее, мы, или ливень? Влетаем на улицу посёлка.

- Давай, бывай, - кричит мне мой спаситель, слегка притормаживая на повороте, - мы влево уходим, тебе, на станцию – прямо. Добежишь!

- Спасибо, спасибо огромное! Конечно, добегу! - спрыгиваю на ходу, оборачиваюсь, и кричу ему вслед, стараясь изо всех сил перекричать грохот подступающего дождя: - Как звать-то тебя?

- Юрием! Удачи!

- Удачи! - кричит Михаил. Я не сержусь на него и машу ему рукой в ответ. Дождь накрывает первые дома, я, что есть силы бегу к зданию станции. Володя стоит под козырьком и улыбается. Прыгаю под навес, и станцию накрывает водяной шквал. Володя хватается за меня в объятья и тащит в здание станции.

- Я места себе не нахожу. Лесовоз пришёл – тебя нет. Водителю чуть морду не набил. Как так – бросил тебя одного! Нас в столовой ждут, я предупредил, что без тебя есть не буду. Они час, как должны были закончить работу, но согласились подождать, не уходить с работы пока. Не пробиться нам сейчас – смотри, что творится! - За окном темно, стихия свирепствует. Нет уверенности в том, что само здание станции устоит.

Через час, перепрыгивая через текущие по улицам ручьи, мы завалились в столовую. Нам оставили по две порции макарон и чайник чаю. А ещё через час пришёл поезд на Москву, на который Володя ещё несколько часов назад взял билеты.

- Ну, а если бы я не приехал, не успел?

- Ты? Другому скажи. Я тебя знаю. Ты не мог не успеть.

Июнь 2006 года.

Глава вторая. Из путевых записок.

В последующих главах моей книги представлены так называемые путевые заметки. Я решил оформить их в виде небольших рассказов и все они – результат моих собственных наблюдений, впечатлений и приключений, которые удалось собрать, увидеть, прочувствовать и пережить во время велосипедных путешествий по Ульяновской области, России, Америке, Китаю. Это, естественно, не всё, я решил не слишком утомлять читателя и представляю здесь лишь малую часть своих путевых записок.

Страсть к путешествиям во мне, пожалуй, с самого раннего детства. Мой отец - в прошлом военный. Мы несколько раз переезжали с места на место исколесив всю Центральную Россию, пока не вернулись на родину, в Ульяновскую область. Жили в военных городках где я с каждым новым переездом приобретал новых друзей, и начитавшись приключенческой литературы, шлялся по близлежащим лесам и оврагам. Однажды, в возрасте четырёх лет я сбежал из детского сада. Сад находился далеко от дома, нужно было идти через большой сосновый парк, который мне тогда казался самым, что ни на есть, дремучим лесом, пересечь какой-то пустырь и застроенный домами военный городок. Во время тихого часа я притворился, что сплю, чем усыпил бдительность воспитателя и потихоньку одевшись, выскользнул за дверь. Побег заметили лишь во время полдника, но в это время я уже слонялся перед своим домом и наслаждался свободой. Думаю, что этот случай можно смело назвать первым самостоятельным путешествием. Я помню, как давным-давно, в классе пятом, или шестом в мои руки, совершенно случайно, попала старая-престарая карта из земельного отдела администрации. Не вспомню точно, кто её приволок в класс, но буквы названия написаны были алфавитом дореволюционным – с твёрдыми знаками и прочими таинственными закорючками. Я давно хотел сходить к истоку небольшой речушки, протекавшей в наших

краях, но всё как-то не подворачивалось подходящего случая. Увидев эту карту на парте одноклассника, сразу понял всю выгоду, будь она в моих руках. То ли выменял я её тогда, то ли, грешен, украл, не помню сейчас, только домой я шёл с этой заветной картой в портфеле. Дома сделал несколько необходимых дополнений – вписал несколько слов – «клад», «золото», «остров», и указал расстояние до мнимого острова сокровищ – десять километров, понимая, что на более далёкое расстояние даже для поиска зарытого клада ни меня, ни моих друзей не отпустят родители. Старательно изваяв эту карту в чердачной пыли, вечером я собрал своих друзей на тайную встречу и рассказал им о великой находке. Долго объяснил, что клад зарыт на острове, который находится у самого истока реки. Зарыт тот клад под тремя деревьями и надо «снаряжать» экспедицию за поисками драгоценностей. Что подействовало – моё красноречие или таинственная «ять» в названии карты, но в тот же вечер решение было принято, мы поклялись сохранить тайну ташей встречи во что бы то ни стало и начали собираться в поход. Отец моего лучшего на тот момент друга принёс с работы по моей просьбе топографическую карту – невероятную редкость по тем временам. На карте стояла отметка «секретно», но этот умный человек всё понял и не стал прерывать нашу игру – он позволил срисовать схему пути до таинственного истока и промерить расстояния, заметив, что на велосипеде этот путь можно пройти в несколько раз быстрее. Затем достал компас и в течение получаса сидел с нами, вертя этот хитроумный прибор слева направо, пока мы с лёгкостью стали показывать нужное направление. Этот компас был торжественно включён в список снаряжения экспедиции. В ближайшее воскресенье, мы запаслись водой, едой, прихватили сапёрные лопаты и отправились в путь. Команда набралась большая, человек десять. Шли вдоль правого берега реки, стараясь обходить небольшие болотца, но всё время держа в поле зрения низкий тинистый берег. Прошли мимо омута, выслушав от случайного рыбака историю о страшной глубине его и огромных щуках, что лежат на дне большую часть дня, но иногда поднимаются на поверхность и тогда можно увидеть их поросшие мхом бока и, если повезёт, даже выловить и вытащить на берег. Посидели немного рядом с рыбаком, надеясь увидеть какое-нибудь водяное чудовище, которое вот-вот покажется из глубины и поугаеет нас. Рыбак вытащив одну маленькую, с палец рыбешку отправил нас дальше, сказав что мы ему распугали всю рыбу и что теперь щука точно не покажется до вечера, и что до дна ему не достать, поскольку леска его удочки не рассчитана на такую глубину. Мы оставили его на берегу, а сами продолжили путь, продираясь сквозь бурелом и заросли крапивы всё дальше и дальше к истоку реки. Вдруг увидели огромного ворона, который сидел на сухом обломке старой, сломанной ветром и временем осине и почему-то долго-долго не взлетал. В двух шагах от него мы остановились и ждали, что он обязательно заговорит с нами, но он только злобно каркнул и тяжело перелетел на соседнюю ель, усевшись на огромную пушистую ветку. После этого мальчишки из моей команды заявили что дальше не пойдут, дескать, по их словам, мы залезли в такие дебри, где даже вороны того и гляди начнут разговаривать. Я тут же, вывел их к реке, которая превратилась к тому времени в небольшой ручеёк и объявил что наш остров найден, показывая на какую-то кочку, на которой росли два дерева. Перепрыгнув на неё, первым, я быстро сбил дерн и прикрыл это место травой. «- Ну и что, что два дерева, а не три! Одно могло погибнуть во время разлива реки, вон сколько бурелома вокруг!» - парировал я замечания своих уставших спутников, предлагая заняться им поисками зарытых сокровищ. «- Здесь кто-то побывал до нас! Вот, и травой место прикрыто. Не успели!» Мальчишки были в полном расстройстве, а я ликовал. Мы почти дошли до истока! Та топографическая секретная карта оказалась верной и мы узнали что за лес растёт в пойме реки. А ворона увидели, это ведь чудо! «- Ничего, найдём другую карту и отыщем другие сокровища», - успокоил я своих друзей. Мы разожгли костёр, хорошо подкрепились перед обратной дорогой и пошли назад. Два дня после возвращения мы обсуждали наши приключения, а потом кто-то принёс в класс целую пачку карт, подобных той, загадочной и тайной. Обман мой был раскрыт, но я дёшево отделался,

объявив, что мы все-таки проявили себя как настоящие исследователи и путешественники и что, может быть есть смысл попутешествовать по округе ради самих приключений и воспользовавшись советом сесть на велосипеды? География оказалась занимательной наукой на практике. Помог и компас и карта. Фактически получился самодеятельный урок географии.

Я всегда вспоминал этот случай, работая учителем географии. Искал нестандартные формы работы с детьми, искал новые методы преподавания географии. Так и появилось желание «посадить» учеников на велосипеды для того, что бы они могли изучать мир, изучать географию по методу исследователей прошлых лет, то есть, своими ногами. Простой поход способен связать воедино и краеведение, и физкультуру и географию. А длительный поход, это всегда испытание душевных и физических качеств каждого участника команды, умение общаться и умение управлять своим психологическим состоянием. Велосипед как средство передвижения выбрано не случайно. Можно и пешком ходить, но много ли пройти удастся?! А здесь всё-таки, - механизм. Умнейший механизм, простой и надёжный, заставляющий двигаться вперёд, только за счёт мускульной силы человека. Дающий возможность покорять пространства подобно нашим предшественникам – путешественникам прошлого, почти не давая нам преимущества перед ними. Мы на равных, с Природой. И мы не воюем с ней, а просто идём в гости с надеждой, что она откроет двери и пустит нас к себе.

Ещё один вопрос, которого никак не миновать. Зачем? Зачем нужно садиться на велосипед, и отправляться куда-то в путь? Как-то ко мне домой зашёл молодой бизнесмен, один из тех, кого сегодня называют «новыми русскими». В общем-то, неплохой парень, в прошлом спортсмен. Здоровья невпроворот, в школе учился хорошо, но продолжить учёбу не захотел: «- На кой чёрт она мне нужна! Я без учёбы знаю всё и даже больше». Пришёл «на чай», но сам и конфеты принёс и печенье: «- С тебя только вода», - смеётся. Посидели, попили чайку.

- Ну, выкладывай, - говорю, - зачем пришёл? Вы просто так по гостям не ходите.

- Слежу за тобой, - отвечает бизнесмен, - знаю, как ты работаешь. А живёшь так же скромно, как и раньше. Зачем тебе это надо? По всему свету мотаться. С детьми возиться, сопли им вытирать. Объясни.

- Василий, - говорю, - ты же не поймёшь, раз такие вопросы задаёшь. Тот, кто понимает, тому объяснять не надо. А тот, кто не понимает, тому не объяснишь. Это, как картина классного живописца. Кто-то видит гармонию цвета и линий, ощущая при этом подъём духа, а кто-то добавляет шикарную рамку и оценивает картину в долларах, довольно потирая при этом руки. Может быть, можно каким-то образом объединить эти два понятия, но лично я не знаю как это сделать.

Так и закончился наш разговор в тот день.

И всё же. Зачем? Попробую ответить и на этот вопрос. В нашей жизни всегда, а в последнее время особенно, не хватает красоты. Вернее она есть, но всё чаще её измеряют рублями да кубометрами. Пение соловья да восход солнца ныне остаются незаметными для многих и многих людей. Лишь школьники, те, из них, которые не спешат бежать за пивом, иногда вспоминают об этих природных украшениях. Наша планета уменьшается с каждым годом. Спутникам Магеллана когда-то потребовалось целых три года для кругосветного путешествия, они шли через нетронутые человеком просторы океана и суши, среди которых человек мог затеряться, как песчинка в бесконечности. Чуть меньше месяца времени нужно современному лайнеру, чтобы пройти тот же путь. Сев в самолет можно за считанные часы, оставив позади огромные пространства, и преодолев невидимые с воздуха границы государств, приземлиться в любой точке земного шара. И вот уже планета сжимается до размеров совсем небольшого, легко, очень легко ранимого шарика. Одна культура ломает другую, не стараясь найти компромисс, уходят в небытие целые народы, тасуются, как в шулерской карточной колоде, исторические факты. Последние, не связанные между собой кусочки Дикой Природы, тают под натиском

Человека Разумного. И может быть, именно сейчас настало время, когда можно и нужно сохранять не только территории, но и какие-то, совсем крохотные участки, а то и просто отдельно взятые деревья. Стараясь при этом просто сохранить как можно больше живых деревьев. Многие-многие люди спокойно смотрят на исчезновение интересных и уникальных уголков природы. Этих самых уголков становится всё меньше и меньше и, скорее всего, не далёк момент, когда они исчезнут с лица Земли безвозвратно. В нашей области остаются очень небольшие кусочки природы, которые кто-то с огромным трудом пытается сохранить даже не столько для потомков, а для того, что бы они просто были. Просто существовали, но кусочки эти тают, как весенний последний снег. Увидеть их, запечатлеть в памяти, рассказать о них, убедиться в красоте родного края, вот та цель, которая заставляет сесть в седло и крутить педали.

Но начну я свои заметки все-таки сначала, а для этого мне нужно вернуться на несколько лет назад. Маршрут первого, большого похода, который мы с ребятами хорошо организовали, был пройден по своей области в 1998 году. В наших краях много интереснейших мест, поэтому нитку краеведческого маршрута проложили по уникальным природным объектам и заповедным местам, через истоки рек, лесные выдела, озёра, болота. Был в команде, как полагается летописец, из числа крутивших педали, который усердно фиксировал события. Перелистываю потрёпанную, облитую чаем и дождевой водой тетрадку. Всё очень живо встаёт в памяти. Подумалось, что дневник этот представляет интерес для читателей, поэтому я не стал переделывать повествование, а решил привести его ниже полностью. Рассказ идёт от первого лица, от автора дневника.

«Дневник Миши Елистратова» или «Первая настоящая попытка».

Без особого энтузиазма воспринял весть о том, что мне придётся быть в нашем походе летописцем. Русский язык, как школьный предмет трудно мне даётся. Но ведь, насколько известно, все великие путешественники вели дневники и описывали события, с ними **происходившие**. Я сам, не без интереса и не один раз, читал дневники Колумба и Миклухо-Маклая. Может быть, и моё произведение будет интересно почитать потомкам. Как это принято, буду описывать события всех, следовавших друг за другом дней. Попытаюсь рассказать о своих собственных ощущениях и состоянии души во время этого путешествия.

* **День первый.**

Проводы. Первые трудности пути. Первое общение. Ливень. Первый бивак. Выносливость и предусмотрительность. Каша и тазик. Завещание.

Нас провожали довольно торжественно из центра посёлка, от памятника погибшим в Великой Отечественной войне. Провожających собралось неожиданно много. Здесь и учителя нашей школы, и журналисты местной газеты, случайные прохожие, и даже представители администрации района. Приятно, что кроме родителей есть люди, для которых наша команда и её предстоящий путь, представляют какой-то интерес. Мы неожиданно стали объектом внимания номер один сегодняшнего утра. Подумать только, вчера у нас был выпускной, по поводу окончания девятого класса, а сегодня мы уже на старте первого большого путешествия. Вообще-то в прошлые годы приходилось ходить в походы, но только в нынешнем году отправляемся в настоящее велопутешествие. Мы хотим освоить всё правобережье области. А это ни много, ни мало восемьсот километров. Цифра внушительная, даже для непосвящённых. Всю зиму мы проторчали в спортзале, тренируясь. Играли в баскетбол, делали гимнастику и висели на турнике. Подумать только, - я, человек, который прежде в школу-то вставал за полчаса до начала занятий,

всю зиму регулярно бегал по утрам! Всю весну мы крутили велосипед, весь район объездили. И вот сегодня, наконец-то, долгожданный старт. Немного страшновато. Одно дело – проехать по району восемьдесят километров, выйдя из дому утром и придя туда же вечером. Некоторые из пацанов были с ночевкой на рыбалке, но это всё не то. С сегодняшнего дня нас ждут незнакомые дороги, разбивка лагеря, установка палаток. С сегодняшнего дня мы рассчитываем только на себя и на свои силы. Нас четырнадцать человек. Почти всех ребят я знаю ещё с первого класса, уже девять лет. Самый могучий в нашей команде – Андрей Иванов. У него рост под метр девяносто, широкая грудная клетка и внушительный вес. Под ним простой дорожный велосипед. Как он его только выдерживает, ума не приложу. Правда, колесо заднее пришлось поменять уже два раза за весну. Но этот факт несколько не смущает нашего спокойного большого человека. Даниил Марщевков, напротив, самый маленький из всех. Он является обладателем завидного прозвища – Мозгач. Маленький, не значит слабый. Он очень упорный, да и на тренировках не сачковал, старался. А в остальном, состав команды более менее равный по силам. На багажнике масса груза. Вчера приготовил по списку весь багаж. Вещи, которые нужно взять с собой, заняли огромное пространство в комнате. Папаня подсмеивался надо мной, наблюдая, как я пыхтел, распихивая по сумкам скарб. Раз три или четыре пришлось **выгружать** всё обратно и начинать укладку сначала. Как удалось затолкать в сумки всё приготовленное, для самого меня осталось загадкой. Кроме всего прочего, я сегодня дежурный и везу котёл, и костровое оборудование, которые представляют собой, укороченные лыжные палки, длиной сантиметров сорок - пятьдесят. Сверху вставляются рогатки (лыжная палка-то полая внутри). Сверху кладётся поперечина, изготовленная так же из лыжной палки. Владимир Николаевич сказал, что рубить рогатулины на каждой стоянке нельзя, поэтому дежурным прибавляется этот дополнительный груз. Кроме вещей, каждый участник путешествия, везёт с собой по две пластиковых бутылки с водой, которая нужна для приготовления пищи. Это общая вода, и без приказа тратить её нельзя. А для своих личных нужд, каждый приготовил свой сосуд. У кого-то фляга, у кого-то бутылка. У меня литровая посуда из-под кетчупа. Я её хорошо вымыл, и укрепил на руле, что бы она была всё время под рукой. Удобно, можно попить прямо на ходу. На багажнике кроме всего прочего лежит уложенный спальник и куртка, на случай холодной погоды, а так же целый ворох пирожков и другой снеди, которые мама собрала в дорогу. На тренировках нам приходилось ездить с грузом на багажнике, но сейчас его получилось, пожалуй, на целых десять килограммов больше. Не без труда я сел в седло и направился к месту старта. Велосипед покачивает из стороны в сторону немного. Он с натугой поскрипывает, но везёт. Жарко, несмотря на то, что сейчас утро. У Андрея Рубейкина на багажнике ещё и палатка, но и мне не избежать этой участи. Всего у нас три палатки, и мы везём их, меняясь через сутки, и послезавтра моя очередь.

Ну и дела. Успели отъехать всего десять километров, забрались на первый подъём и на тебе, первая серьёзная поломка. У Геныча Абрамова сорвался ведущий вал задней втулки. Сказывается огромная масса груза на багажнике. Понятно, что обычный дорожный велосипед не очень-то приспособлен для подобных мероприятий, но что поделаешь. Других не имеем. Полчаса ушло на ремонт, хорошо, что запчастей взяли не пожадничав. А через пять километров у Андрея сломался напололам тормозной рычаг, который переломился прямо на спуске, и только благодаря опыту Андрея и неплохим передним тормозам его велосипеда, удалось избежать аварии. Поле, жара, солнце палит немилосердно, а нам опять чиниться. После того, как с очередной поломкой было покончено, двинулись дальше. Оставили позади несколько крутейших подъёмов и спусков, и преодолели два брода. Сложный рельеф. Ну, что ж, Приволжская Возвышенность встаёт перед нами во всей красе. А мы ведь двигаемся по водоразделу рек Суры и Барыш, и здесь, на западных склонах его, множество ручейков и оврагов, которые образованы временными водотоками. Сура недалеко, то и дело, с пригорков мелькает её серебристая гладь. Картина, в общем-то, живописная, но дорога тяжёлая, и, как-то не до

красот. Велосипед ведёт себя, как норовистая лошадь, грозя в любую минуту выйти из-под контроля. Немалых усилий стоит держать его, что называется «в узде». Обед застал нас в берёзовой посадке на меловом останце, близ Горенок. Останец представляет собой огромный, целиком покрытый мелом холм. Это последняя точка на маршруте, откуда виден наш посёлок. Из-за дымки он еле-еле различим вдаль, как-никак, нас разделяют тридцать пять километров. Долгий, трёхчасовой отдых и хороший обед из домашних пирожков вернул силы и желание двигаться дальше. Но, что уж совсем удивительно, погода «взбрыкнула». Только двинулись на Карсун, как нас проворно догнали чёрные-пречёрные тучи, обрушились дождём и начали учить уму-разуму. Сразу стало холодно и неуютно. Пришлось надевать куртку и прочие «антидождевые» принадлежности. К счастью, дождь быстро прошёл, но стало значительно прохладнее. К грузу как-то притерпелся. Всё-таки велосумка вещь удобная и надёжная. Они свисают вдоль плоскости заднего колеса по обе его стороны, и позволяют увезти довольно много груза. Утром кто-то пытался даже песни петь, а сейчас слышно только сопение и редко брошенные фразы. Остановились близ деревеньки Красный Садок, на берегу очень маленькой речушки. Прошли за день 76 километров. Почти запланированная дневная норма. Долго, минут двадцать, а то и все полчаса ставили палатки. Ребята устали. Оказалось, что недалеко ферма, и, пока мы, дежурные, собирали дрова, Владимир Николаевич договорился насчёт молока. Быстро отрядили отряд наиболее выносливых «бойцов», снарядили их пластиковыми бутылками и отправили на ферму. Минут через пятнадцать – двадцать мальчишки вернулись увешанные бутылками с молоком «под завязку».

- Кто внает, фколько молока нам нувно, - Денис Черноусов улыбается неся бутылки, как берем дров – двумя руками, а верхний сосуд придерживает подбородком, отчего фразу сказал, будто на тарабарском наречии. А затем продолжил, сбрасывая свою ношу у костра - вот и взяли два ведра почти. Вот уж обопьёмся. Пааво Нурми говорил, что молоко – бензин для спортсмена. – Денис занимается лёгкой атлетикой, всех бегунов прошлого, настоящего и будущего знает и вечно в дело и не в дело суёт их изречения, считая по простоте своей их мудрыми мыслями великих мира сего. Гордится своей выносливостью, считая его важнейшим из физических качеств. Но мы тут тоже времени зря не теряли. Я, как доблестный дежурный, вёз с собой бересту для растопки, поэтому костёр развести было делом нетрудным. Вот она, моя предусмотрительность против твоей выносливости!

Быстро промыли крупу, залили цельным молоком и уселись вокруг, как голодные дикари на далёком острове, нетерпеливо постукивая мисками и ложками. И тут всех насмешил Ванёк Гузаев. Как вытащил свою миску, все так и покатались со смеху.

- Да это не миска, а тазик. – Брякнул кто-то прерывающимся от смеха голосом
- Он в этом корыте купаться будет.

А Ванёк сохраняет абсолютную невозмутимость, и никак не реагирует на эти реплики. У него терпения – море! Спокойный, как удав. Едва только каша была готова, её тотчас растащили из котла по мискам и в момент уничтожили – вот аппетит нагуляли! Зато чай и молоко потом смаковали долго-долго. Сидели у костра, вспоминали приключения прошедшего дня, хлопая сонными глазами – то один, то другой начинал заговариваться. Уже в палатке, когда легли спать, Андрей Белов сквозь сон нёс какую-то чушь про завешание. Но смеяться по этому поводу уже, как-то совсем не было сил.

* **День второй.**

Трудное утро. Песчаная дорога. Тяготы пути. Серьёзная поломка. Географические названия. Пруд.

С утра чинили велосипед Даниилу Маршекову. Он, оказывается, ехал вчера на затянутом конусе в задней втулке. Поэтому-то он вечером отставал, и даже двигаясь с горки, ему

приходилось постоянно крутить педали. У меня мышцы с утра болят. Вот тебе и раз! Тренировался вроде бы упорно, и всё равно, чувствую себя, как новичок. Видимо, сказывается не только физическая нагрузка, но и психологическая. Дом-то остаётся всё дальше и дальше. И хотя мы пока находимся лишь в соседнем районе, путешествие заглатывает целиком, заставляя напрягаться все чувства и все внутренние силы. Организм перестраивается. Видимо, результатом перестройки и служат слегка побаливающие мышцы. За завтраком доели домашние пирожки. Теперь уж точно основной пищей будет походная каша. А что, это даже очень интересно. С утра прекрасная солнечная погода, лишь лужи и колеи грязи на обочинах дороги напоминают о вчерашнем дожде. Велик мой высох после дождя, но вода сбила смазку и сегодня разводы ржавчины покрыли звёздочку и цепь. Велосипед постанывает, изнывает от непосильной нагрузки и от избытка воды. «Скрип-скрип» - детали рамы скреплённые болтами трутся друг о друга, «хрусть-хрусть» - проворачиваются педали, «тр-рш тр-рш» - вращается цепь. Надо будет смазать, а то неровен час, развалится родимый по дороге. Наши испытания продолжаются. Асфальт бежит дальше – на Инзу, а нам поворачивать на юг. От деревни Сосновка к Глотовке, и дальше, к Неклюдову ведёт тяжёлая песчаная дорога. Вчерашний дождь прибил песок, поэтому половину пути проскочили довольно быстро. В Глотовке искупались в неплохом пруду, жить сразу стало веселее, и мы довольно бодро ринулись дальше. Но не тут-то было. Песочек быстренько нас образумил. Что называется, дал гвоздя! Дал понять о том, кто здесь полноправный хозяин. Дорога идёт по холмам, поросшим сосновыми лесами. Ландшафт такой, что глаз отвести невозможно. Но ноги по щиколотку проваливаются в песок. Ехать невозможно! Волоку, упираясь, свой велосипед вперёд. Один только Дима Кашин рискует, подпустив воздух в камерах передвигаться верхом. Он самый выносливый из нас. Но даже ему приходится сдаться, через километр отчаянной и почти бесполезной, борьбы. Дорога уходит на вершину холма, который, объединяясь с другими своими собратьями образует водораздел, в виде живописного хребта, преграждающего нам путь. Тяну велосипед вверх, что есть силы. Пот градом стекает со лба, мешая смотреть вперёд, а стряхнуть его, нет ни времени, ни сил. Майка прилипла к спине. Она стесняет движение и не даёт сделать полный вдох. Комары, чувствуя лёгкую поживу и абсолютную безнаказанность, роем летят за мной, выбирая, как мне кажется самые нежные места моего тела. Самое главное, что помешать я им не могу никак. Закашлялся и зачертыхался позади меня Лёшка Тимофеев. Я изловчился и глянул через плечо на него, хочется ведь узнать, в чём дело-то. Оказалось, что ему прямо в открытый рот залетел комар, сбив дыхание и испортив жизнь на самой трудной части подъёма. Мне его жаль. Хорошо, хоть сегодня мне котёл не везти, мы с Даниилом отдраили эту главную посудину, после завтрака и передали дежурство. Так что сегодня у нас, если можно так сказать, отдых. Наконец-то показался гребень-перевал. Неужели дотянул! Ну, молодец-то я какой! Ну и видок у тех пацанов, что уже добрались сюда. Стоят, и неизвестно кто кого держит – они велосипеды, или наоборот. Стоят мокрые от пота и грязные от песчаной пыли. Мой собственный вид, как я сам предполагаю, ни сколько не лучше. Андрей Белов, по своей стародавней привычке, бормочет какую-то остроту, относительно моей персоны. Я ничего не отвечаю и молчу. Да и сил хватает лишь на слабую улыбку. Во рту пересохло, и язык не хочет двигаться в ответ. Отвечу ещё, в другой раз. Колени трясутся от напряжения, которое пришлось испытать. Спуск с холма немногим проще подъёма. Песок абсолютно не даёт возможности спокойно спуститься. Велосипед кидается из стороны в сторону, зарываясь в песок, неожиданно останавливается в самый неподходящий момент, а то и просто заваливается набок, забирая остатки сил. Велосипеды трещат, скрипят, теряют спицы. Но впереди уже виден купол церквушки, что стоит в селе Неклюдово, обещающая в скором времени хоть какую-то передышку. Буквально вваливаемся в село, оставив позади диких и кровососущих комаров и тяжкий перевал. У колонки, умывшись и напившись, чувствую, как силы быстро восстанавливаются. Язык вновь обрёл способность говорить, и тут уж я, хоть и с некоторым опозданием, Андрею ответил. Не

остался в долгу. Закупив в местном магазине пряников, а у местных жителей молока, устроили неплохой полдник-перекус. Сели у самого основания той гряды, которая преграждала нам путь совсем недавно. Сейчас, во время отдыха, эта система холмов, кажется необычайно красивой. Вдоль гряды течёт небольшая речушка, подрезая края склонов и создавая прямо-таки сказочную картинку, с обрывами, и цепляющимися за их края соснами и берёзами. Ветер гонит высокие, пушистые, лёгкие в полёте, облака. Шелестят листьями берёзы, им вторят лёгким, мягким шуршанием иголок сосенки. Двое пацанов лет по десяти в майках-безрукавках с удочками наперевес поминутно оглядываясь на нас, спешат на рыбалку к речушке. Тропка вьётся меж высоких репьев и стеблей крапивы, выбегает из деревеньки и теряется где-то в лугах у реки. **Перевожу взгляд на сидящих вокруг меня путешественников. Пряники явно подсластили жизнь, поприбавили сил. Отдыхают, шутят. Минут через сорок трогаемся дальше.** На въезде в Неклюдово, у велосипеда Саши Луткова отломилась правая сторона руля. Не выдержал-таки его механический друг, нагрузки. На пути встретилась какая-то мастерская, принадлежащая, видимо, местному сельскохозяйственному предприятию. Приварить руль никого из находящихся здесь рабочих, не удалось уговорить – вечер, рабочий день к завершению. Приходится искать выход самим. На наше счастье, прямо у дороги, нашли кучу металлического хлама. Прикрепили, найденную здесь арматуру, вместо ручки. Укрепили её проволокой и обмотали изолентой. Сносно получилось, только вес велосипеда увеличился килограмма на два, и времени на ремонт, вместе с поисками ушло часа полтора. Но, что поделаешь. Ещё дёшево отделались. У деревеньки с названием Красная Сосна опять вышли на асфальт. Ф-Ух! Какое удовольствие ехать по ровной дороге. Блаженство! Чувство такое, что велосипед сам едет, без усилий с моей стороны. К тому же машин встречных почти нет. За час попалась всего одна. Крути педали и наслаждайся чистым свежим воздухом. Вид – удивительный. Сосновая посадка вдоль дороги из могучих старых, ветвистых сосен провожает нас из последней деревеньки. Лес расступается, уступая место полям, лугам и перелескам. Пахучее разнотравье покрывает луга влево и вправо от дороги, птицы упиваются славной погодой и, наверное, просто жизнью. Проскакиваем Базарный Сызган, и на берегу огромного и живописного пруда, что находится недалеко от села Папузы, останавливаемся на ночёвку. Интересное и непривычное для слуха название. Основой служит название реки, что в переводе обозначает - «истоковая, родниковая речка». Вообще, каких только названий не встретишь! Каждое что-то обозначает, как-то переводится с местных языков или диалектов. Даже наука такая – топонимика есть. Изучает происхождение названий. Я реферат писал ещё в восьмом классе по происхождению названий деревенек Сурского района и самого посёлка. Промзино – старое название нашего посёлка. Произошло от названия реки Промзы, что впадала когда-то в Суру на месте бывшего городища. «Прамс» означает – «впадать» - вот отсюда и название старого русского поселения. А ведь как иногда чётко название села или урочища передаёт характер местности, просто невероятно! Взять хотя бы «Сызган». С татарского языка это название переводится, как «Овражное русло». И верно ведь – действительно оврагов уйма. У Неклюдова сегодня такой высокий берег реки видели, даже неправдоподобный какой-то! Как гигантский выворот, поросший соснами по склону, с корявыми вылезшими наружу корнями. В обе стороны уходят овраги, по которым речка Сюксюм и течёт, а берег этот холмом-водоразделом уходит ввысь. Я, пока мы по Неклюдову плелись да перекусывали, немного отдышался после песчаных холмов, отудобил, вот и рассмотрел всё хорошенько. Я отвлёкся. Нас приютила сосновая посадка, а место побаловало плеском воды и тишиной. Долго сидим у костра. Трава по пояс, ветерок заставляет шелестеть-разговаривать тростниковые заросли. Вечером мы долго сидим на берегу, наблюдая лунную дорожку, которая помогает найти тему для разговора. Огонь располагает к неторопливой беседе, и спать идти совсем не хочется. Вспоминаем, как мучались на песчаных холмах, вспоминаем красивые пейзажи, которыми побаловала нас сегодня дорога. Проехали за

сегодняшний день больше 80 километров. И это, не смотря на пески и ремонт. Хорошо катим.

* **День третий.**

Утреннее купание. Сурская Шишка. Дикие звери. Новые испытания. Истоки рек. Заблудились. Килт. Рэкетеры. Топор вместо указки. Орнитологические наблюдения. Чудо в Сурских Вершинах. Нестор-летописец.

Утром каждый посчитал своим долгом искупаться в пруду. С нашей, южной стороны, к берегу подходит только посадка, зато с другой, берег холмист и порос лесом. Вчера вечером, ближе к селу, на берегах пруда было много купающихся, а сегодня с утра, лишь несколько рыбаков наслаждаются тишиной и любимым отдыхом. Ну а мы эту рыбу-то и попугали. Сначала Владимир Николаевич зашёл в воду и проверил дно на предполагаемом месте купания, а затем мы все изрядно поплескались. Очень хотелось поиграть в догонялки, но место незнакомое, можно и на корягу напороться. Лучше перестраховаться, чем покалечиться. Ещё вчера вечером, после того, как Базарный Сызган остался позади, наша команда оказалась в пределах возвышенности Сурская Шишка. Это достаточно большой по площади, и, по мнению некоторых учёных, очень интересный водораздел. Известен он нам, из уроков географии, естественно. В его пределах берут начало сразу несколько рек области, и в том числе наша Сура! Все они, как бы растекаются в разные стороны из огромного родника. Причём истоки этих рек, находятся недалеко друг от друга. Как я уже упоминал, истоки рек относятся к, так называемым, уникальным объектам, и миновать их нам просто не положено. Как говорится, - сам бог велел. А, в нашем случае, бог – это сама цель путешествия. В Папузах кончился асфальт, дальше придётся двигаться только по грунтовке. Забыл сказать, что вот уже второе утро подряд, перед тем, как тронуться в путь, мы рассматриваем карту. Сейчас появились в магазинах замечательные топографические карты любого региона России, в том числе и нашей области. И вот судя по всему, нас преспокойно ждут километров сорок грунтовки. Здесь недалеко - граница с Пензенской областью, и мы находимся в одном из самых дальних уголков области. Как правило, на границах областей находятся самые неосвоенные территории. Мы стоим на бугре, откуда виднеется просёлочная, уходящая в густой сосновый лес, дорога.

-Место, где кончается асфальт, – басит Иванов Андрей.

-А дальше-то, того, песочек, – подаёт голос Ванёк Гузаев.

Я молчу. У меня сегодня дополнительный груз на багажнике, палатка. Тяжёлая она, чертяка и объёмная. Старинная, ещё из брезентухи. Сто лет в обед.

-Там, наверное, дикие звери! – это кто-то справа.

-Комары! – это уже слева. – И это значительно хуже.

Тянем время, но деваться некуда. Назвался груздем, полезай в кузов. Вперёд. Тем более что на тренировках мы с песком бороться учились. И не один раз. Да и в самом путешествии уже пришлось разок встретиться. Вгрызаемся по вязкой, тяжёлой и труднопроходимой дороге в лес. Одно дело, идти просто пешком и без дополнительного груза. А тут ведь и велосипед вести с собой, и всю поклажу. Со всех сторон слышатся проклятья и чертыханья – обычный диалог с комарами. Один Денис Черноусов никак не реагирует на их укусы, он толстокожий, и на все вопросы отвечает одной репликой:

-А кому сейчас легко! – произнося слово «сейчас», как «щас».

Скоро должен быть первый на нашем пути водный памятник природы. Это исток, или, говоря другим языком, начало реки Инза. Проходит час, на исходе второй. Неожиданно лес редее, дорога спускается вниз, и вот мы у первой маленькой цели нашего путешествия. Чиста здесь водица Инзы – реки. Всегда, наверное, подобные истоки будут

привлекать к себе людей. Чистотой своей первозданной. А долинка-то у речушки здесь узенькая совсем, слабенькая, как ложбинка.

- Спасибо тебе за встречу и живи долго, Инза – река, - говорю я прощаясь. Небольшой подъём, и перед нами с разбросанными по всему бугру домами, появляется деревенька. Это Вороновка. По старенькому, как будто пришедшему с картин Шишкина мостику, попадаем в центр этой деревеньки. Местные жители гордо называют её селом. Может быть, оно и так, ведь в центре стоит старая, полуразрушенная церквушка. С деревенской словесной непосредственностью, на общенародном фольклорном языке, какой-то дядёк объясняет дорогу к соседнему селу. Из всего потока слов понятно лишь одно – сегодня нам придётся плутать. Поиск дополнительной информации ничего нового не даёт. Покидаем живописную деревеньку и по накатанной, но абсолютно пустынной дороге, катим в указанном направлении. Как говорится, – куда кривая вывезет. А кривая вывезла нас, как чуть позже выяснилось, в соседнюю Пензенскую область, благо до неё всего-то пяток километров было. Здесь, немного погодя и сельцо показалось. Заехали не спеша. Показались местные жители, в основном женщины.

-То ли рыбаки, то ли туристы, - спрашивает одна.

-Мы – путешественники, но мы голодные путешественники. Нам бы молока и яиц побольше.

Семьдесят яиц и два ведра молока, очень неплохой улов. Прямо здесь, на едва заметной речушке, под названием Качимка, приготовили обед. Тихо. Даниил сидел в сторонке в одних трусах и старательно ковырялся иглой и ножичком в своих шортах, что-то подрезая, а что-то зашивая. Денис Черноусов, ковыряя соломиной в зубах, долго смотрел на его действия.

- Что это ты за юбку сделал? – спросил он, когда Даниил поднял перед собой шорты, и придирчиво рассматривал результаты своей работы.

- Тёмный ты человек, Денис, - Даниил покачал головой, - юбка, - говорит, - у женщин, а это килт. Шотландский национальный наряд. Шорты развалились, вот теперь превращаю их в килт. Пусть все думают, что я шотландец.

Интересный, кто здесь в этой затерянной деревне на краю Земли знает что-то о шотландцах. Им хлеб-то два раза в неделю привозят. После обеда и отдыха крутим дальше. Мимо проплывают жалкие остатки брошенной деревни Гремячевки. Совсем недавно здесь жили люди, и вот сейчас об этом напоминают лишь разрушенные крыши старых сараев, да развалившийся на трухлявые брёвнышки домик, по самую крышу заросший крапивой и репейником. На согнувшемся от ветхости шесте висит скворечник, печально поглядывая входным отверстием-глазом на проходящую мимо дорогу. С одной стороны бывшей некогда двускатной крыши его зияет дыра. Досочки, из которых сколочен скворечник, рассохлись и покоробились. Ветер покачивает шест и он уныло мотается туда-сюда, скворечник кивает в такт ветру вверх-вниз, вверх-вниз.

У реки Барыш два истока. Один из них, находится близ села Красная Поляна. Сюда-то мы и попали, сделав, благодаря совместным усилиям жителей Вороновки, порядочной продолжительности, крюк. Исток оказался прекрасным, хрустально чистым родником. Мы набрали вкусной воды в дорогу с собой. До второго истока, что около села Русское Тимошкино, по словам местных жителей, немногим более трёх километров. Ну и люди здесь странные! Сначала, как только мы показались в поле зрения живущих в Красной Поляне, был в срочном порядке закрыт частный продовольственный магазин. Долго же пришлось доказывать хозяевам нашу непричастность к рэкетирам. Вот уж смеху-то было. Тёмный народ, туристов не видели. Но ещё более смешной казус произошёл за вторым истоком Барыша, когда мы пытались нащупать дорожку к селу, с красноречивым названием Сурские Вершины. После знакомства со вторым истоком реки Барыш, у села Русское Тимошкино, решили, не мешкая, отправиться к местечку, где берёт начало наша родная река Сура. Дорога туда есть, но грунтовая. Едем, а сомнение грызёт – туда ли? И спросить не у кого. Вдруг из посадки, несколько впереди нас выскакивает на дорогу

трактор «Беларусь». Андрей Иванов и рванул за ним, естественно с разрешения Владимира Николаевича.

- Надо спросить дорогу! – кричит. Мы за ним. А у Андрея рост, под метр девяносто. И хотя лицо-то у него имеет доброе выражение, вряд ли из трактора это увидишь. А за Андреем ещё тринадцать душ, орущих, требующих, размахивающих руками. Пытался тракторист уйти от назойливой команды молодых и здоровых, да не тут-то было. Остановил он трактор. Очень шустро выпрыгнул из кабины с топором в руке и решимостью защищаться до конца. И решимость эта была написана в его глазах и движениях – густые, расходящиеся как у филина лохматыми крыльями вверх брови сведены, глаза впиваются словно гвоздями то в одного, то в другого, спину трактором прикрыл, одну ногу чуть назад отвёл – чтобы опора была чуть надёжнее. А мужичок-то крепкий какой-то, кряжистый.

- Нам только дорогу узнать, - Андрей первым подъехал, остановившись в трёх шагах от тракториста. – Мы на исток Суры едем, а дороги верной не знаем. Не подскажете ли?

- Вот она, дорога в Сурские Вершины, - хрипло, будто откашливаясь ответил тот, показывая топором направление предстоящего пути, – вдоль посадки идёт, не ошибётесь.

- Спасибо, счастливо оставаться, - за спиной смешки. Двинулись дальше, старательно объезжая бойца-тракториста, - кто знает, что у него на уме, обсуждая эту неожиданную и любопытную встречу, намереваясь поскорее встретиться со своей красавицей – Сурой. Но тут, как назло, у Сергея Черноусова начались проблемы с колёсами. Велосипед старенький, на каких-то проволочках держится, хотя цепь и втулки всегда смазаны. Но это бы ничего, а вот покрышки – древнее и не придумать. Дырка на дырке.

- Заштопать бы надо. Камера вылезла наружу. – Это говорит Ваня Гузаев. Он мужик основательный, одних запчастей везёт килограмма на три. Покрышки на поход поставил новые, почти перед самым выездом. Хотя это не мешает ему каждый день в обязательном порядке «ловить» гвоздь в колесо.

- Обойдётся, - это Сергей на велосипед, - Сейчас пластину от пластиковой бутылки отрежу, вставлю между камерой и покрышкой, и всё будет в порядке.

Сергею помогает брат Денис и Андрей Белов. Денис – всегда спокойный, как будто не имеющий нервов человек. Не улыбнётся лишний раз, не рыкнет. Вот и сейчас на Ванино замечание лишь фыркнул себе под нос. Действительно, через десять минут удалось двинуться дальше в путь. Огромный, метра два с половиной в размахе крыльев орёл, буквально заставил спрыгнуть с велосипедов и на целых пятнадцать минут превратиться в самых, что ни на есть настоящих орнитологов. Он летел невысоко, медленно – на бреющем полёте, практически не взмахивая крыльями. Лёгкое движение – и вот он уже взвился ввысь, и ну кружить над полем, забирая всё дальше к лесу.

- Эй, парни, смотрите туда! – Санёк Лутков сделал несколько быстрых шагов в ту сторону, куда только что показывал рукой. – Вон, вон, видите? Да вон, у кромки леса, журавли вышагивают. Эх, бинокля нет! – с досадой в голосе он ударил себя по бедру, - подползти, что ли, сфотографировать?

- Давай, подползи, подползи, - пробубнил Денис, - что тебе отсюда не видно, что ли?

До опушки метров сто пятьдесят. Снимка хорошего не получится, это факт. А ползком тоже не много наползаешь. А журавли как люди – чинно, будто высматривая куда ногу поставить прохаживаются взад-вперёд. Оглядываются, только вверх не смотрят – всё или под ноги, или по сторонам. Санёк что-то долго колдует над фотоаппаратом, всё примеряется – и так поднимет, и эдак. Наконец, крякнув от досады запикивает аппарат в чехол, поднимает велосипед.

- Трогай! Стемнеет скоро, а нам ещё Суру пофотографировать надо.

Засипели – закрипели велосипеды, зашуршали шинами по набитой грунтовой дороге. Люблю я эту неспешную езду по неизвестным полевым дорогам! Едешь, кажется, каждый миг поймать и в руках подержать можно. Дорога то на бугорок вбегает, то за поворотом исчезнет, то в овражек нырнёт. Уходят назад километры один за другим. Давно остались

позади Русское Тимошкино и напуганный тракторист, замаячили впереди крыши очередного села. Сурские Вершины.

- Здесь ли исток Суры? – слышу я вопрос Владимира Николаевича, едва мы въезжаем на улицу села. Он обращается к кому-то из местных сам, не доверяет Андрею эту миссию.

- Да, - с гордостью отвечает какой-то дядёк с чёрными усами и в чёрной же майке, - вот по этому переулку поедете и как раз попадёте на родник, - он показывает вымазанной по самый локоть мазутом рукой нужное нам направление.

За спиной сдержанный смех. Опять Белов изощрается:

- Чёрный-пречёрный человек, с чёрными-пречёрными усами, в чёрной-пречёрной майке, в чёрных-пречёрных брюках и с чёрными-пречёрными руками, направил нас по чёрному-пречёрному пути.

- К чёрной-пречёрной речке, - добавляет Денис.

Вот, болтуны, вечно что-то придумают. Надеюсь, что воду-то мы увидим здесь чистую. Переулок превращается в тупичок, сползающий обрывом к роднику. Вода родника течёт сначала по крохотной плоской долинке, а затем убегает по неглубокому овражку за село. Мы у истока Суры! Об этом говорит старый, пробитый в нескольких местах картечью указатель. Ну и Сура! Это её-то я пытаюсь переплыть каждое утро?! Ну и дела. Ручеёк и есть ручеёк. А пацаны-то себя ведут, – только за живот держись. Андрей с Геной на коленках ползают, что-то рассматривают. Даниил с Андреем Ивановым скачут, как козлы через ручеёк. Это вообще комичная картина – один здоровый, как бычара, другой худенький, да, вдобавок в юбке. А они ни на кого внимания не обращают, выражая этими прыжками свой неописуемый восторг. Белов с Ваней плещут друг на друга из ручья. Даже Владимир Николаевич ходит одной ногой на одном берегу, другой ногой, на другом. Один Санёк Лутков серьёзный и степенный. Он же студент географического факультета. Положение обязывает. В этом путешествии Саша собирает материал для будущей курсовой работы. Ходит с фотоаппаратом туда – сюда и делает снимки из разных точек. Да ещё, вдобавок, просит мальчишек, время от времени, убраться из кадра. Одним словом – студент.

Нехотя прощаемся с этим интересным, для нас уголком природы, садимся на велосипеды и в путь. От села Сурские Вершины наш путь лежит к следующей деревеньке - Новой Бекшанке. Туда уже ведёт асфальтовая дорога. Тихая и спокойная. Смешанный лес вокруг, птицы поют. Да, пришлось сегодня по грунтовкам поколесить! Не сорок, а целых шестьдесят километров, да плюс ко всему в Пензенскую область укатили.

В Бекшанке Сергей Черноусов, наконец-то раздобыл у местных пацанов две покрышки. Теперь проблема, которая висела над ним, как дамоклов меч, решена. Накупили молока для вечерней каши. И на бугорке, недалеко от села поставили лагерь. Сегодня на его установку потратили минут пять – семь. Опыт, он великая сила! У вечернего костра обсуждали итоги дня и делились впечатлениями. Богатый денёк выдался. Кстати, на Сурской Шишке перепадов высот нет почти. Вот это водораздел! Забрались сегодня на него с утра, а затем ехали как по абсолютной равнине. А тут, к Бекшанке – спуск был резкий и приличный. Рядом пруд – утром – купаться. А сейчас надо бы спать, но я опять, как полуночник или чернокнижник сажу – фиксирую события. Сегодня, правда, Даниил мне помогает, справедливости ради надо это отметить. Ну, как помогает – лежит себе и диктует, а пишу-то всё равно я.

- Нестор-летописец, шевелись, мысль уйдёт, - это Даниил ко мне обращается. Вечно, чтонибудь придумает. - Батарейки у фонарика подсели, скоро при свете светлячка будешь писать, как в средние века на востоке. Конфуций.

- Нет, Даниил, всё. Завтра dokonчу. Спать.

Едва успеваю спрятать записную книжку и всё. Глаза сами собой закрываются. Даниил чего-то пытается сказать, но я уже ничего не воспринимаю. Три дня позади.

• День четвёртый.

Затерянный мир. Крутой спуск. Горящая втулка. Перевернутый КАМАЗ. Кратер. Сто километров. Вопросы безопасности. Философские размышления.

Утром я встал до общего подъёма. У нас дежурные с вечера готовят продукты и дрова. И то и другое, заворачивается в полиэтиленовую плёнку, и складывается около кострища. Бутылки с водой, так же лежат здесь. Бессменным коком является Владимир Николаевич, и это хорошо, мы все рады этому. Костёр горит, около него копошится Кок. Рядом сидит Дима Кашин и читает конспект по истории. Ему поступать, для него школа позади. А мне ещё целых два года лямку тянуть. И Дима, и К.В.Н. уже сделали зарядку и умылись, поэтому они смотрят на мою сонную физиономию с улыбкой. Туман вокруг. Деревня просыпается, потихоньку.

- Смотри туда, - говорит мне Дима, и показывает в ту сторону, откуда мы вчера вечером приехали. – Как у Конан-Дойла, в «Затерянном мире».

И впрямь, зрелище завораживает. Кусок видимой части Сурской Шишки отделён от поверхности Земли поясом тумана, и как бы плывёт сам по себе, где-то там, в вышине. Как загадочное и неизвестное плато, которое существует вне остального мира. Как хорошо, что я проснулся именно сейчас, пораньше, и успел увидеть его в этот удивительный момент. Даже говорить не хочется, да, пожалуй, лишние они будут, разговоры-то. Поймал себя на мысли, что замёрз и побежал к пруду, делать зарядку и умываться. Пришёл назад, когда туман уже рассеялся. Наши парни, в лагере, уже возятся с палатками. Хотел им сказать про Конан-Дойла, да раздумал. Обойдутся. Пусть пораньше встают. Хорошо! Завтрак готов, палатки собраны. Погода радует. Что ещё нужно для счастья? Человек счастлив, как мне кажется, определёнными мгновениями своей жизни. Именно в эти мгновения он может с уверенностью сказать что-то, типа: «Да, в этот момент, я счастлив». Сейчас я готов сказать такую фразу. Душа поёт! Скорее в путь.

После завтрака направились к Николаевке. Ветер в спину! Нарушает все законы. Неужели такое может быть! Известный закон вредности для велосипедистов гласит: «Куда бы ты ни поехал, ветер всегда будет бить тебе в лицо, а дорога будет в гору». А мы, подгоняемые ветром, летим вперёд. Я еду во второй двойке. Мы едем по двое в ряд, если позволяет дорога и покрытие. Это удобно. Во-первых, не скучно, во-вторых, группа получается относительно компактная и мобильная. При встречном ветре двигаться вперёд такой группой значительно легче. В третьей или четвёртой двойке ветер не ощущается вообще.

Жарко. Остановились лишь два раза. Первый раз Ваня Гузаев, по укоренившейся привычке чинил очередной прокол. Хорошо, что хоть это дело произошло в тот момент, когда нас окружали деревья, за которыми мы могли спрятаться от солнца. А второй раз рассматривали русло пересохшей речушки. В Африке пересыхающие русла носят название «вади», в Австралии – «крик». А мы, вроде бы не в пустыне живём, а, поди ты – и у нас такое есть!

На самом подъезде к Николаевке, дорога выписывает замысловатый крюк. Во-первых, страшной крутизны спуск, и, во-вторых, внизу – резкий поворот. И вдруг слышу чей-то крик позади себя:

-Андрей, горишь!

Оборачиваюсь, а у Андрея Белова от задней втулки идёт сизый дым. Оказалось, всё очень просто. Он давит изо всех сил на тормоз, а спуск-то, повторяю – крутой. И вот от нагрузки масло нагрелось до некуда, и задымило. Я же перед самым походом поставил на руль ручные тормоза. Похвалил себя за предусмотрительность, они мне очень помогают в пути. А Андрей так и сидел на своих дымящихся педальных тормозах до самого конца спуска. И опять улыбается внизу! Оптимист. Своей горячей втулкой, подарил мне огромное поле деятельности для подколок. Уж я его в покое теперь не оставляю. Внизу, на самом повороте, глазам открывается, невероятная картина. На обочине лежит

перевернутый КАМАЗ, а на его перевернутом кузове сидят водители, и перекусывают. Видимо не вписались в поворот ребята, перевернулись. Кругом ящики разбросанные, банки разбитые, а они обедают. Как говорится, война – войной, а обед по расписанию. Хорошо, хоть сами живы – здоровы. Нелегко им будет восстановиться.

Быстро мы сюда домчали, спасибо ветру. Закупили кое, какие продукты, и дальше покатали. Всё ближе Белое озеро, следующий, на нашем пути уголок родной природы. Название простое. Это и озеро и небольшой посёлок на берегу.

- Что это за озеро такое, на горе, что ли!?

- Да, уж, целый километр пилим, конца и края нет.

- Как на вулкан поднимаемся, – говорит Даниил. – Иногда у потухших вулканов кратер водой заполняется и тогда нужно подниматься на самую вершину, что бы воду озера увидеть.

- О, умник, все это знают.

- Умник, не умник, а поднимаемся вверх, – опять бормочет Даниил.

Да, чудно, не спускаться приходится к нему, а подниматься. Но в этом и уникальность его, в этом и интерес. К нему ведёт довольно долгий подъём. Это озеро просадочного происхождения, и находится в котловине на самом верху огромной возвышенности, на высоте 320 метров над уровнем моря. Даниил правильно говорит – чем-то похоже оно на озеро в кратере вулкана. Название подчёркивает чистоту воды и её прозрачность. Да и возраст впечатляет, – целых 250 тысяч лет существует оно. И это у нас, в нашей области! И вот мы на его берегу. Своим ходом дошли!

- Вот это да!

- Как на море, только берег противоположный видно.

- Да, и волны поменьше. Зато вода-то, какая прозрачная, вот уж где в догонялки поиграть! Но в догонялки, оказалось, играть и не интересно вовсе. В воде-то не спрячешься, всё видно! Зато уж накупались, вволю. Красота. Можно было бы остаться где-то здесь на ночь, но берег занят санаториями и пионерскими лагерями. Поэтому решили ехать дальше. Меж домов посёлка не торопясь выезжаем в лес. Комары роем идут в атаку, забивают глаза, уши, заставляют надевать штормовку. Это в такую-то жару! Опять грунтовка, да не простая, а песчаная. Тяжёлый песочек километров на пять протянулся. Но справились с ним, с лёгкостью профессионалов. Но попытеть пришлось и собственным потом умыться. Едва дорога пошла взбираться на бугор, песок остался позади, сменившись извивающейся вдоль оврага тропой. В этот день что-то ехалось необычайно хорошо. Хотелось крутить ещё и ещё. Доехали аж в Павловский район, проскочив с ходу, несколько сёл и деревень – Андреевку, Славкино, Холстовку и Раптановку. Остановились на ночлег у истока малюсенькой речонки Ломовки. Течёт она в небольшом, едва заметном овражке, и имеет даже долину, неплохо разработанную, но какую-то игрушечную, поросшую ивняком и тальником. В этой долинке мы и расположились, причём увидеть нас можно было, только подойдя очень близко. В общем, вопрос безопасности, как один из главных, сегодня был блестяще решён. Мы стараемся маскироваться на каждой стоянке. Действуем по принципу: «бережёного – бог бережёт». Иногда уходим в лес метров на пятьдесят – сто, иногда, как сегодня, лошину ищем.

- Ну что, кто-то из вас проезжал, когда – ни будь на велосипеде сто километров? – спросил у вечернего костра Владимир Николаевич.

- Нет, конечно.

- Можете гордиться, сегодня вам это удалось.

Скажу честно, приятное чувство охватывает от мысли, что иду своим ходом уже четыре дня, да плюс ко всему, сегодня рекордный день. А ведь в первый вечер у меня были сомнения относительно своей подготовки. Стоят самые длинные дни. Нам везёт. Погода балует. Опять вечерний костёр, лица ребят – усталые, загорелые, и довольные. К вольной, походной жизни быстро привыкаешь, и сейчас кажется, что мы в пути уже давным-давно, целую вечность. Взгляд произвольно провожает искры костра, которые, отделяясь от

огня, улетают ввысь, сливаясь где-то там, наверху с такими близкими, в этот сказочный момент, звёздами. Открываются какие-то ранее не известные стороны собственного духовного мира. Хочется быть искренним в этот волшебный вечер. Перед самим собой и перед ребятами, которые притихли, и, кажется, разговаривают друг с другом какими-то внутренними голосами. Время становится осязаемым и невероятно бесконечным. Ощущаю себя частицей огромного, живого мира, в котором я сам сейчас неожиданно для самого себя растворяюсь, испытывая бесконечное счастье от момента самой Жизни. Я нахожусь в том состоянии, которое древние философы называли гармонией. Невероятно! На Землю возвращает почти потухший костёр и прохладный ветерок. Ночь. Чудесный вечер, чудесное состояние. Ради этого момента стоило крутить эти сотни километров. Долго ещё лежу в палатке, не засыпая, как человек, сделавший необычайное открытие.

- **День пятый.**

Высота 318. Сурки. На родине Дениса Давыдова. Матвейч. Водопад.

Ещё одно утро. Мы уже на юге области. А местность здесь пошла, очень сильно пересечённая. Да и карта заставляет настраиваться сегодня, на хорошие, крутые горки. После завтрака решаем в первую очередь посетить Старую Кулатку. Это центр одного из районов нашей области, и есть надежда, подкупить продуктов побольше и поразнообразнее. Первые пять километров пути – грунтовка. Опять песок, кое-где и пешочком приходится пройти. Лес расступается спустя пять километров, мы едем вдоль огромного оврага, глубокого с крутыми склонами и множеством ответвлений. Через полчаса пути в борьбу против нас, включается ещё один извечный противник, - встречный ветер. Сила его такова, что велосипед сам не разгоняется со спуска. Так и приходится раскручивать педали, даже тогда, когда дорога сбегает вниз по склону. Но удивительные просторы открываются с высоты 318, что находится за селом Старый Атлаш, скажу я вам! Впереди, километрах в десяти виден водораздел рек Мостяк и Кулатка. Реки-то маленькие, а водораздельный хребет – могучий. Вершины водораздела покрыты лесом, а сами склоны его, подёрнуты дымкой, которая делает очертания их, немного расплывчатыми. Листья окружающих дорогу деревьев шумят нам в след, наверное, завидуя нам. Мы ведь можем двигаться, куда захотим, а они – нет. Но что мы – люди, были бы без них! После вчерашнего вечера я чувствую родство со всеми живыми организмами планеты. Мне даже кажется, что сегодня я понимаю язык не только этих деревьев, но и сурков, коренных жителей степных участков, по которым пролегает сегодня наш путь. Огромное количество этих хозяев степей просто поражает. Они не спешат спрятаться от нас, свистят во всю. Или так переговариваются, или приветствуют нашу команду. А может - быть предупреждают, таким образом, друг друга об опасности. Откуда им знать, что ребята нашей команды, – друзья всего живого. Ведь мы же люди, а, значит, для них враги номер один. Лёша Тимофеев пытается сфотографировать одного толстого и важного сурка. Но тот только на вид неуклюжим кажется. Так шустро юркнул в свою нору, что только пыль столбом. А затем высунул мордочку, и смотрит на незадачливого фотографа, как будто предлагая продолжить начатую игру. Продолжать её нет смысла, заранее известно, что никому из нас не сравниться с ним ловкостью. Солнце уже высоко поднялось. Жарит всю сегодня. У большинства встречных машин настежь открыты дверцы. Нам, на велосипедах жару переносить легче, едешь, а ветерок обдувает. А вот им какво! Народ в этом районе приветлив и любознателен. Некоторые машины останавливаются, водители и пассажиры интересуются о цели нашего путешествия, о маршруте. Советуют посетить какие-то небольшие сёла и урочища. Такое внимание приятно, естественно. Но мы едем по своему, заранее спланированному маршруту. «Нельзя объять необъятное», - так, по моему говорил Козьма Прутков. Что это за Козьма – не знаю, как-то не довелось поближе познакомиться с его творчеством, но это выражение

каким-то образом засело в голове и вот сейчас выстреливает. От жары, наверное. К вечеру пересекли речку Терешку и приблизились к самой высокой точке области, что у села Верхняя Маза. Такой музеище здесь находится в школе! Музей Дениса Давыдова. Тут и картины, и письма и книги, в том числе изданные ещё при жизни самого автора, а он ведь был современником Пушкина! Нас по школе и по музею поводил местный энтузиаст – турист и преподаватель Леонид Матвеевич Шибелист, которого местные ребята за глаза зовут просто «Матвейч». Интересный дядька. Он отсыпал нам картошки и лука, для ужина, и взял на себя роль временного проводника. Пацаны устали к вечеру, а Матвейч всё вёл нас куда-то, не обращая внимания на глухой ропот у себя за спиной. И вдруг мы оказались на изумительном месте для ночёвки. Небольшой кусочек леса, старый заброшенный сад и главная достопримечательность - речка с маленьким, но самым настоящим водопадом. Мы на завтрашний день запланировали полудневку и лучшего места, естественно, не смогли бы найти. Вот, радости-то было! Только бросили вещи, поставили палатки и разожгли костёр, как тотчас же бросились купаться. «Маленькая Ниагара» - так мы прозвали промеж собой этот водопад. Бывают же чудеса на свете. Вечером приготовили такую картошечку – пальчики оближешь! Завтра полуднёвка, вот уж посплю!

- **День шестой.**

Отдых. Самая высокая точка области. День Колумба. Путешественник – философ.

Сегодня до обеда был долгожданный отдых. Дрыхли, потом чинили велосипеды и купались. Ближе к обеду затеяли турнир по игре в «чиж». Игра старая, но интересная. Хорошо и побегать, тем более что река рядом, - в любой момент ныряй и освежайся. Можно было остаться здесь ещё на одну ночь, но, большинством голосов решили ехать дальше. Впереди ещё много интересного и сидеть на одном месте уже непривычно. Я полностью втянулся. Перед походом мы неплохо тренировались, и вот теперь всё наработанное в тренировочных занятиях, помогло перестроиться на походную жизнь очень быстро. По дороге на посёлок Новоспасское, который является районным центром, прошли недалеко от самой высокой точки области. Высота 363 метра. Гора Белая. Я заметил, что не очень большим разнообразием отличаются названия географических объектов в нашей области. Горы-то в наших краях в основном меловые, с вершинами белого цвета, вот и готово само по себе название, придумывать не надо. Дорога идёт вдоль вытянутой вершины этого, самого высокого холма области. До самой вершины что-то около километра. А справа километрах в трёх от дороги высится ещё одна вершина – Бол. Атмалы. Оттого, что мелкая речушка пересекает путь к ней, и оттого, что речушка эта лежит в низине, Бол. Атмалы ещё выше кажется. Да, завернуть бы туда, но опыт подсказывает, что подобные «выкрутасы» занимают очень много времени. Приходится ехать вперёд и вспоминать Козьму Пруткова. Сильно пересечённая местность сейчас не докучает так, как в начале пути. К грузу на багажнике привык. Ещё раз пересекли автомагистраль направлением Пенза – Самара. Невероятное количество машин!

- Совсем недавно были в глухих и нехоженных местах, - говорит Андрей Иванов. Мы с ним сегодня едем в паре, поэтому имеем возможность, обсудить всё на свете. – Деревни заброшенные видели.

- Да, даже дорогу спросить было не у кого.

- А на трассе машин, как в Москве.

- Ничего, скоро в лесные районы заедем, придётся ещё поколесить по нехоженным тропам. Но сегодня у нас день короткий, скоро и ночлег искать. Сегодня у Андрея Рубейкина день рождения. Думаем приурочить к его празднику и День Колумба. Решили мы отмечать в пути день путешественников, решили ввести такую традицию. Условились назвать его именем Колумба, знакомого каждому нормальному школьнику. Как утверждает Даниил, а

он среди нас лучший историк, день рождения знаменитого мореплавателя неизвестен, поэтому мы втиснем этот день в календарь по своему усмотрению. Уже куплены торты и лимонад. Попроедем вволю. Вообще, отсутствием аппетита в походе никто не страдает. И теперь, кстати, Ваня Гузаев над нами посмеивается. Он как съест свой тазик, и будь здоров.

22.30. Знатно почтили именинников – нашего Андрея, старика Колумба и всех великих путешественников, в том числе нашу славную команду, то есть самих себя. Лично я налопался так, что трудно найти положение для работы над дневниковыми записями. В начале похода я, как-то с неохотой брался за это дело, откровенно считая, что писатель из меня никудышный. И само ведение дневника считал напрасным бумагомарательством. А сейчас, наоборот, при каждой свободной минуте рука сама лезет за тетрадкой и ручкой. Сажу и при свете костра фиксирую события сегодняшнего дня, попивая компот. Денис – знатный сборщик ягод, набрал земляники для этого чудодейственного напитка. Не хватает гитары и ещё кое-кого для полного счастья. Раньше я не понимал такого понятия, как слияние с Природой. Нет, конечно, пытался что-то говорить при ответе на подобный вопрос. Но только сейчас до меня доходит сама сущность этого состояния. Человек – высшее творение Природы, самый мощный биологический механизм на Земле. Представьте себе такой момент. Вечер. Ровная, но заброшенная, тихая дорога. Даль, на многие километры вперёд. Вы несётесь на велосипеде с хорошей скоростью, чувствуя, что прибавить оборотов для вас сейчас не стоит труда. Ощущаете в себе дикое и, какое-то поистине звериное здоровье, что обостряет чувства и заставляет тело петь под нагрузкой. Запах листьев, запах земли не пролетает мимо бесследно. Он становится для вас родным, близким и зовущим вперед. Хочется кричать от радости, восторга и именно такого восприятия Мира. И вы кричите, но не вслух, а душой и сердцем. Вот это и есть то самое слияние с Природой, о котором так много говорят разные люди. Но многим ли дано это состояние почувствовать?!

* **День седьмой.**

По дороге к Баевке. Таинственными тропами Кузоватовского района. Главный русский принцип. Местный сленг. Жертва самоуверенности. Каша – ассорти.

Пишу вечером, сидя у костра. Ну и денёк сегодня выдался! Сначала всё было как обычно. Быстро скрутили лагерь после завтрака. Ехали по живописным местам в сторону рабочего посёлка Кузоватово. Прошли длинный затяжной подъём, постепенно оставляя позади в низинах холодный, вязкий туман, цепляющийся за сумки, остающийся капельками влаги – росы на рамах велосипедов. На вершине водораздела в лицо ударили лучи солнца и вновь стало жарко, вмиг просохли майки на плечах путешественников, моментально была выпита вода и лёгкий ветерок забарабанил пустыми бутылочками у кого-то о руль, у кого-то о раму велосипеда. На подъезде к Кузоватову, в деревеньке Кивать остановились у колонки поднабрать водицы. Какая-то бабуля подошла с ведёрком и долго наблюдала за нами. А пацаны набрав воды и напившись, стали купать майки под колоночной струёй.

- Кто ж тебя так драл-то, сынок, - обратилась она к Андрею Белову. У него майка старая, вытертая. Он её называет «майка-талисман», не обращая на дыры, которые покрывают майку на лопатках.

- Это вентиляция, - говорит, - что бы воздух свободно циркулировал. Ветер с дождём меня дерут. – Он наполнил ведёрко водой и отнёс его к крылечку дома бабули. Тимуровец. Сколько его помню, никогда мимо не пройдёт, всегда поможет.

Кузоватово оказалось довольно большим посёлком. Много времени ушло на расспросы о следующем участке пути и на ходьбу по магазинам – необходимо было затариться продуктами как следует. Здесь недалеко – у села под названием Баевка заканчивается асфальтированная дорога. Можно, конечно, обойти стороной задворки Кузоватовского

района, но в нескольких километрах от северо-западной околицы Баевки находится геологический памятник природы. Не просто областного, - всероссийского значения! Целый окаменелый ствол и, как говорят, неплохо сохранившийся. Ну и заставил он нас помучиться! Хотя, откровенно говоря, чем больше труда потрачено для достижения цели, тем желаннее победа. Мы были полны решимости, найти его. Сначала у местных жителей хорошенько выспросили предстоящий путь. Потом очень хорошо отдохнули перед началом поисков, на чистом замечательном пруду, который находится в очень интересном, похожем на картинку в календаре, месте. Огромный бугор, могучие сосны, высокий песчаный берег и чистая вода, настроили на предстоящую встречу. Правда пришлось попотеть пока добрались до пруда – песок. На жаре он превратился в рыхлое, рассыпчатое, вязкое месиво, еле-еле дотащились до пруда. Отдых вернул потерянные силы. Пройдя успешно такой большой предварительный путь, поверили в свои возможности безгранично. Но допустили одну непростительную ошибку, почти не взяв в дорогу воды. Нет, вода у нас была, но почти вся она ушла на приготовление обеда и на чаепитие. И перед тем, как тронуться дальше, мелькнуло предложение за водой скататься в село. Опять по песку в деревню, потом обратно! Б-рр! Понадеялись на главный русский принцип – «Авось». А он на сей раз, и не сработал. Плутали часа три. За это время встретили лишь двоих мужичков, откуда ни возьмись появившихся на просёлочной дороге. Они сидели на телеге, запряжённой буквально умирающей от жары лошадейкой. Чуть впереди трусила беспородная собачонка, которая, для порядка, или для знакомства, а может быть для поддержания репутации собачьего племени, первой завела разговор, твякнув пару раз, завидя нас. Правда, без особого энтузиазма. С истинно сельскими жителями разговаривать очень интересно. Они живут пока понятиями десяти - пятнадцати летней давности.

-Дорога? – Дорога здесь скрость одна, не заблудитесь, небось.

-А в стороны какие-то дорожки отходят от главного пути?

-А как же, но вы на них не сворачивайте, вам скрость лес, - удивляясь нашей бестолковости, терпеливо продолжают объяснения мужички. – А каменную сосну вам без провожатого и не найти. – Ничего себе, обрадовали. Долго мужики спорили между собой, по какой дороге направить нас, что бы мы, таки нашли этот злополучный ствол, и, наконец, направили по старой дороге, которая когда-то много лет назад, была насыпью.

-Только с неё никуда, что бы ни случилось.

И вот мы, следуя их описаниям, в итоге накрутили 30 километров абсолютно напрасных. Катались вокруг одного места. Это они в своих краях могут отделить главную дорогу, от второстепенной. А для нас, неместных, все дороги в этом лесу одинаковы. Плутали мы, плутали, да еще, в конце – концов, заблудились.

-Ну что, друзья мои, - говорит Владимир Николаевич. – Давайте-ка я сфотографирую ваши унылые лица. А фотографию эту, вы будете рассматривать дома, имея под рукой полную бутылку минералки.

-Да мы не унылые, просто пить хочется, и у Сергея с цепью что-то случилось.

Поле, ни деревца. Всегда поломка случается в самый неподходящий момент.

- Звёздочка плохая, старая. Зубья в разные стороны глядят. При нагрузке сбрасывают цепь, не разогнавшись. – Сергей объясняет суть поломки, колдуя над своим перевернутым верх тормашками велосипедом, орудуя пассатижами.

- Вообще-то молотка не хватает и оврага, куда твой велосипед спустить на вечный покой надо, – Андрей Белов и здесь совет норовит дать. Грамотей. Тут не до шуток – жара, пить хочется, и поесть бы не отказался. Когда едешь – хоть ветерком обдувает, всё полегче в такую жару, а тут - стой, жди. А он знай себе, продолжает:

- Легче на палке верхом. – К.В.Н. с Сергеем не обращая внимания, всё крутят и крутят звёздочку, выпрямляя зубья.

- Давай, пробуй, - спустя полчаса наш кэп вытирает тряпкой руки и предлагает Сергею прокатиться по дороге меняя нагрузку.

- Порядок! – через три минуты Сергей подъезжает обратно, укладывает вещи на багажник, аккуратно завертывает в тряпочку инструменты.

- Далеко не убирай, - не унимается Андрей, - пусть под рукой инструменты будут, вместе с салом. – Сергей улыбается в ответ. Теперь можно и пошутить.

Впереди, километрах в трёх возвышается холм.

- Едем наверх, на его верхушке, думается, найдём какойнибудь ориентир.

Двинулись вперёд. Чувство жажды усиливалось. Но никто не дрогнул! Молодцы, пацаны. А с вершины холма увидели впереди купол церкви. Достали карту, быстро сориентировались, порядок. Теперь нам ничего не страшно. Через некоторое время пили долгожданную водицу. Какая она вкусная, однако! Как я раньше этого не замечал. Однако уехали мы далековато! Унесла нас нелёгкая и собственная самоуверенность. Магазин уже закрыт давно. Но местные жители выручили, прознав о наших зловключениях. Продали нам молока, хлеба, яиц. Затарились водой, что называется, под завязку – теперь-то мы учёные! Живём. И вот сейчас, после вечерней каши «ассорти», в которой перемешано, пять различных круп, напившись чая до отвала, – пишу впечатления дня. Все легли спать, а я, борясь со сном, выполняю свой долг. Появились комары, но у наших палаток есть антикомариный марлевый полог. Вход в походный дом завешивается этим пологом, в результате чего, все кровососущие звери только жужжат от злости, пытаюсь найти хоть какую ни будь лазейку. Сейчас я им сделаю ручкой, и спать.

- **День восьмой.**

Пещера. «Шкуродёр». Почему в пещере не побывал Андрей Иванов. Сенгилеевские горы. Волга. Чудо.

Самое памятное в этот день путешествия, это, конечно пещеры, которые находятся недалеко от посёлка Красный Гуляй, внутри горки, которая носит название «Змеиной». До этого пришлось ехать по пустынной степной дороге, километров пятьдесят, а то и больше. Ветер какой-то ненормальный на открытых участках. Обязательно в лицо. Никакой совести не имеет. Но, зато рельеф здесь не тот, что был в южных районах, там горки покругче были. Или совсем я привык к грузу на багажнике? Как только люди здесь живут? Ведь буквально не за что взгляду зацепиться! Ни леса, ни реки большенькой нет и в помине! А всё же эти края для кого-то - родина. Вернусь к разговору о пещерах. Уже сразу после Солдатской Ташлы пошёл лес. Смешанный, радующий глаз после голой степи. На подъезде к нужному нам месту стали встречаться большие и тяжёлые каменные глыбы. Как будто какой-то гигант разламывал гору, расшвыривая по сторонам огромные камни. Или со злости, или искал что-то. Объезжая эти камни, мы приблизились к полянке, на которой находится вход в пещеры. Нет, конечно, пещерами их называют скорее по привычке. Это довольно большие пустоты меж глыб. Три больших зала, и достопримечательность – висячий камень, который, кажется, держится лишь на честном слове, внутри самого большого зала. Сюда ведут два входа. Один узкий и длинный, метра три. Он называется «шкуродёр». Через него попасть внутрь можно лишь ползком, да и то, распластавшись, как лягушка по мокрому песчаному дну. Другой находится среди нагромождения каменных глыб, и найти его можно, не знаячи, только после долгих и упорных поисков. У нас были проводники – братья Черноусовы, которым здесь однажды посчастливилось побывать. Андрей Иванов через «шкуродёр» не пролез, – грудная клетка не поместилась, здоровый он, всё-таки парняга. Зато Санёк Лутков записал на диктофон все фразы, которые сопровождали вновь испеченных спелеологов, в тот момент, когда они были внутри горы.

-Э, парни, сейчас как рухнет всё вниз!

-Не паникуй, десять миллионов лет стоит, и ничего. Сам не бойся, и других не пугай.

-А Андрей где?

-Да он здесь не пролез, с его-то габаритами.

-А пол то сырой! Ползёшь как глист. Скоро, что ли выход?

-Это не выход, это вход. А холодно-то как!

-А-А-А! Класно! Вот это пещера! – Это кричит уже первый добравшийся до большого зала пещеры. К его возгласу добавляются голоса других ребят выбравшихся из «шкуродёра». Темно, лишь специально приготовленные для такого случая свечи помогают нам увидеть внутренности Змеиной горки. Конечно, не обходится без фотографирования, где во время съёмки каждый старается непременно попасть в кадр. Каких только чудес у Природы не бывает! Поверишь и в сказки, и в Бабу Ягу, и в далёкие и существующие где-то, волшебные страны.

После обеда держим путь к Волжскому водохранилищу. Оставив позади малюсенькую, в три дома деревеньку Потапиху, попадаем на прекрасное, для обзора место. До Волги напрямую километров двенадцать, а вид на открывшийся простор, просто невероятный! Вдали виднеются Сengiлеевские горы, цвет которых, меняется под действием заходящего солнца прямо на глазах, и гряды Волжских берегов. Леса и перелески, долины мелких речушек и безоблачное, вечернее небо. Красота!

Однако вечерет. Надо искать место для ночёвки. Хотелось бы остановиться на берегу Волги. После долгих поисков, останавливаемся на очень крутом берегу за селом Панская Слобода. Бескрайним, безбрежным пресным морем открылось нам водохранилище в этом месте, на поверхности которого отразилось и небо, и заходящее солнце. Невероятно живописный, высоченный берег, поросший кустарником, где мы разбили палатки и своеобразный вкус воздуха, который даёт только огромное количество воды, оказались настоящей диковинкой для многих ребят нашей большой команды. Не убавило восхищения даже мелководность его в том месте, где произошла наша удивительная встреча. Поздно вечером, когда вместе со стремительно наступающей темнотой на воды озера ложился плотный туман, довелось увидеть просто невероятное зрелище. Двое наших ребят решили зайти подальше от берега, что бы как следует искупнуться перед сном. Они уходят от берега всё дальше и дальше, вода доходит им только до щиколоток, и кажется, что идут они непосредственно по поверхности воды. Уходят туда, где туман и вода реки как бы сливаются в единое целое. Идут, постепенно растворяясь в тумане, и впечатление такое, что уходят они, в никуда, в самую бесконечность. И этот потрясающий момент сопровождается дикая, первобытная тишина. Есть тема для разговора у вечернего костра. Да, на впечатления денёк сегодня богат был.

* День девятый.

Турник. Купание. Экспонаты для музея. В областном центре.

В этот день я проснулся первым из пацанов. Только Владимир Николаевич потихоньку делал зарядку на мелкой траве нашей аккуратной полянки. Он каждое утро делает тщательную гимнастику, в которой есть и элементы йоги, и силовые упражнения. Никак я не приучу себя к этой полезной привычке. Делаю от случая к случаю. Вообще-то мы даже, везём с собой турник. Он представляет собой полудюймовую трубу, длиной сто тридцать сантиметров. Её мы каждый вечер прикрепляем к деревьям и до ужина любой желающий может спокойно поупражняться на этом импровизированном турнике. Особенно преуспели в этом деле Андрей Рубейкин и Гена. Вечером, в компании, повисеть – весело, а вот утром как-то неохота. Хотя я сам рассматриваю турник просто, как древнейший гимнастический снаряд, дошедший до настоящего времени из глубины веков. Ведь известно, что турник был известен не кому-нибудь, а древним грекам! Уж кто-кто, а творцы такой уникальной культуры, каковой была Эллада, знали, что делали. Выполняя какое-то упражнение, приятно осознавать, что подобный кульбит выполнял сам Пифагор, а может быть Архимед или даже царь Леонид. К тому же сегодня особенный день. Хотя,

что я говорю. Здесь, в пути, все дни особенные. Остаётся совсем немного времени и километров до конца нашего путешествия. Как быстро пролетели эти волшебные дни. Глазом не успел моргнуть. Под впечатлением вчерашнего вечера, столь ярким, что, как мне показалось, я спал всего-то несколько минут сегодня ночью, смотрю на расстилающуюся перед глазами водную гладь.

- Иди, буди ребят, - я даже вздрогнул от неожиданности. Владимир Николаевич подошёл тихо, и продолжил, будто прочитав мои мысли. – Я сегодня с утра место нашёл глубокое, и, главное, совсем рядом. Сейчас ветер, можно и на волнах покататься.

Только заслышав о возможности искупаться, да не где-нибудь, а в самой Волге, и вовсе не на мелководье, мальчишки высыпали из палаток. Не думая о предстоящем тяжёлом подъёме, который предстоит осилить на обратном пути, с удовольствием бегу вниз. Тело и душа уже предвкушают встречу с водой. Несмотря на утро, солнце светит и греет невероятно, разве что не печёт. Сильный, но тёплый ветер нагоняет на песчано-галечный берег высокие, с белыми барашками, волны, призывая непременно и тот час же броситься им навстречу. Миг, и я уже среди волн. Они кидают меня то высоко вверх, то куда-то вниз, приказывая усиленно молотить по воде руками и ногами и кричать при этом от необычного и дикого восторга. Проходит не одна минута, прежде чем тело, насытившись движением и сопротивлением безграничной силе воды, приказывает выйти на берег. Крюк в сотню километров, который мы предприняли для встречи с водохранилищем, конечно, стоил того. Немного погодя, мальчишки разошлись по берегу, и долго бродили меж больших и малых валунов. Здесь на берегу можно найти окаменелости, и, причём самые разные и интересные. Кое-что собрали для кабинета географии. Хотелось бы сделать, конечно, настоящий музей. Пусть небольшой, но свой, собранный силами самих учеников. Ведь сколько всего интересного вокруг! Хотя, - одно дело собрать материал, а совсем другое обработать его и должным образом преподнести. Это, безусловно, искусство. Мы же, пока, готовим материал для фотоальбомов, и показать в них, надеюсь, будет чего. Сегодня у нас по плану – город. Начиная от Новоульяновска, воздух пошёл тяжёлый, двигаться, становилось всё труднее и труднее. По Ульяновску ехали организованно, благо тренировку прошли капитальную. Несколько интересных встреч дополнили общие походные впечатления. Мы общались с ветеранами туризма, не обошла нас вниманием и пресса.

- **День десятый, последний.**

Инструкция. Мы - дома!

Позади семьсот километров. Решили ехать напрямик, сразу домой. Это порядка 130 километров.

- Если выполните все мои инструкции, то в десять вечера будем на мосту через Суру. Согласны? – Владимир Николаевич оглядел всех и хитро улыбнулся.

- Ещё бы! Соскучились по дому.

- Едем подвое, через каждые десять минут передняя двойка уходит в хвост колонны, на её место выходит следующая. Попробуем дойти без остановок до середины пути, то есть до Языково. На стоянке дрова собирать всем и сразу, я разжигаю костёр, Дима моет крупу, Андрей вскрывает консервы. Вперёд!

И мы рванули этот последний кусок. На середине пути сделали обеденный перерыв, длительностью один час. За это время успели сварить кашу и пообедать. Но что за каша была! Всю оставшуюся тушенку бухнули в котёл! Мяса получилось, один к двум. Не было проколов, слава Богу. Даже у Вани Гузаева на сей раз, обошлось без Ч.П. И вот, наконец-то долгожданный мост через Суру!

- Ура! Вот она наша красавица, долгожданная!

- Пусть здесь, в Сурском комары, но это наши комары!

- Ребята, сфотографируйте меня для истории!

- А Сурское—то как изменилось, не узнать!

Ребята кричали, свистели и всячески проявляли свою неопишуемую радость от встречи с родным посёлком.

- Здесь, на мосту, восемьсот двадцать три километра пути. Позади только за сегодня сто тридцать километров. А вообще, все молодцы! Удачи вам, и спасибо за такую прекрасную компанию. – У К.В.Н. глаза горят, он рад не меньше нашего.

Через пять минут мы въезжаем на улицу посёлка и, пожав друг другу руки, разъезжаемся в разные стороны – по домам.

Послесловие.

Вот и закончилось наше путешествие. Оно было очень хорошей проверкой характера и физических возможностей каждого участника. Мне самому удалось разглядеть в себе некоторые черты и особенности, которые смогли проявиться в обнажённом виде только здесь. Честно сказать, дневник писать я не устал. Хотя, что получилось, судить не мне. События пытался описывать правдиво, без особых прикрас. Хотелось, что бы обязательно было продолжение в будущем.

Февраль 2002 года.

Один день в апреле.

Иногда, даже обычная воскресная прогулка может обернуться настоящим приключением.

Неширокая, очень извилистая речушка Барыш, берущая начало где-то далеко на юге области впадает в Суру километрах в пятнадцати – двадцати к северу от нашего посёлка. Вот в этом-то междуречье, на площади 22 тысяч гектар и разместился организованный в 1985 году заказник. Места красивые и некогда, богатые всякой живностью и природной красотой. Смешанный лес, обилие озёр, разнообразный животный и растительный мир, памятники природы. Всё это здесь есть. Не в том виде, в котором хотелось бы видеть, конечно. Но, на сегодняшний момент, это единственный уголок в округе, где ещё можно увидеть кусочки живой природы. Поэтому мы с учениками нередко прокладываем маршруты лесными дорогами заказника.

Так было и на этот раз. Апрель стоял необычно тёплый. Лесные дороги подсыхли, звали и манили. К этому времени мы уже накатали неплохой километраж на велосипедах, и были способны провести более серьёзную тренировку. К заказнику можно подъехать с двух сторон, но мы обычно используем кольцевой маршрут – заезжаем с одной стороны, пересекаем заказник и выходим с другой стороны. На сей раз мы поехали далеко в объезд, по асфальтовой дороге. Через десять километров пути свернули с большака на побитую, но тихую, выющуюся полями и перелесками дорогу и ещё несколько километров наслаждались спокойной ездой и упивались чистым утренним апрельским воздухом. Дорога довела нас до Лавы, села, когда-то большого и богатого, а сейчас наполовину вымершего. На его центральной улице битый асфальт превратился сначала в торчащую углами плит бетонку, а затем и вовсе исчез, будто его и не было. Три километра до леса по насыпной грунтовой дороге прошли без особых приключений. Две огромных тракторных колеи, обозначавших продолжение нашего пути извивались по самой макушке высокой земляной насыпи. Летом грязь в колеях высыхает, её подравнивают грейдером, прикатывают колёсами и дорога становится довольно сносной. Сейчас, в конце апреля лишь узкая тропа по самой бровке насыпи выручила нас. Вытянувшись лентой друг за другом, все мы, тринадцать человек балансируя между скользкой, полной жидкой грязи колёй и скрывающемся в прошлогодней траве крае насыпи медленно едем вперед. Здесь

уж по сторонам не смотри! Зазевался чуть – в тот же миг в грязь угодишь. Сразу же налетел откуда-то сбоку ветер, сгибая в дугу молодые, едва покрывшиеся белой корой берёзки. Хотелось подставить навстречу ветру лицо и вдыхать запах свежеспяханного поля, талой воды и едва проклюнувшейся на кочках молоденькой травы. Ветер всё норовил сбросить с насыпи вниз слегка зазевавшегося путешественника.

- Скорость держи равномерную, не тормози, не тормози!

- Да я и не торможу, видишь, колесо заносит, того и гляди съездишь вниз, мало не покажется.

- Диман, газуй быстрее, я тебе сейчас в колесо врежусь!

- Растянись, растяни-ись! – Группа растянулась по тропе, споры прекратились, лишь сопение ездоков и скрип стареньких велосипедов теперь раздавались на старой насыпи. Подпустив нас к самой кромке леса, ветер стих и предложил отдохнуть немного, под огромными, ветвистыми соснами. На опушке леса деревья кряжистые, выносливые, как особое сословие деревьев - воинов, призванных сдерживать напор стихии, разгул ветра и зимних бурь. Подстилка мягкая, и настолько упругая, что буквально выталкивает вверх как гимнастический трамплин, так прочно перевиты и крепко связаны между собой тысячи опавших некогда сосновых иголок. Жизнь вокруг кипит, всюду. Бабочки выписывают петли своих замысловатых путей-дорог, летают по своим делам птицы и пчёлы, нисколько не обращая внимания на нас – незваных гостей. Переговариваются на деревьях, совсем молодые, едва проклюнувшиеся, листочки. В воздухе стоит запах живой земли, который могут дать только травы, деревья и талая вода.

Открыт термос с чаем. Комаров нет – рано им ещё хозяйничать. Хорошо! Здесь, на въезде совсем недалеко от дороги бобры перекрыли плотиной небольшой ручеек и построили свои дома – хатки. Бобры в этом месте обнаглевшие, ничего не боятся. Мы оставляем велосипеды свои под соснами, а сами решаем напроситься в гости к бобриному семейству. Те, завидя нас, нехотя плюхаются в воду, не желая общаться и, наверняка проклинают наше любопытство. Как-никак, мы, своим появлением, прервали работу этих вечных трудоголиков. Ждём. Может быть, сменят бобры гнев на милость, появятся «пред наши очи». Нет. Не хотят. Насильно мил не будешь, приходится возвращаться. Оглядываюсь назад, останавливаюсь, прежде чем уйти.

- А ведь вырубит человек все эти деревца вокруг! Не пожалеет бобров, - Виталик Швецов выражает вслух мою мысль. Оказывается не я один задержался здесь, на опушке. Паша Потапов встаёт рядом:

- Вон и делянка подбирается сюда, падают и падают деревья на землю, и большие и маленькие. Не устоять им.

- Да, - говорю, - за последние десять лет человек, будто в алчного пса превратился, будто держала его долгое время цепь, и лишь глазами он мог всё съесть, а сейчас дорвался, и никак свою жажду злую утолить не может, и то ему надо и это, и никак не остановится он. Ладно, дальше поехали. Может быть, одумается, остановится. – Мы медленно идём назад, к велосипедам и остальным мальчишкам нашей команды.

Садимся в сёдла. Начинается самый трудный участок пути. Дорога, уходя вперёд, превращается сначала в лесную, а, затем и песчаную. Она два или три раза раздваивается, причём основная колея ведёт напрямиком в село Барышская Слобода, что расположено у слияния рек Суры и Барыш, а ответвления уходят в отдалённые части заказника. Несмотря на то, что частенько нашей команде приходится сюда заглядывать, многие из дорог остаются для нас неизвестными. Перед въездом в лес, слегка выпустили воздух из велокамер. Теперь площадь опоры становится пошире, поэтому частично можно будет верхом на велосипедах через пески пройти. Вгрызаемся в песок. Он уже рассыпчатый, ноги вязнут глубоко, как летом. Малейшие понижения дороги заполнены талой водой. Такие места приходится обходить через кустарник, стороной. Во время одного из обходов дорогу преграждает свернувшаяся в клубок гадюка.

- Может быть, как-то отогнать её? – спрашивает Паша Потапов. – Я этих змей боюсь! Брр!

- А кто их не боится, - бормочет Денис Чапыркин, главный молчун нашей команды. Он наблюдает за моими попытками отогнать гадюку. Та с места ни на сантиметр. Даже выпадать стала какие-то делать в мою сторону угрожающие. - Вот кобра-то, - Денис качает головой.

- Ну что ж, она здесь дома, она – хозяйка. Оставим её в покое, - Аня Голикова, светлая голова нашей команды подводит черту под спором. Аня знает всё. Читает день и ночь, с ней не поспоришь.

Так и пришлось обходить лужу с другой стороны, спускаться в неглубокий овражек, таща волоком за собой велосипеды. Выбираемся на дорогу, но ещё некоторое время вспоминаем упрямство змеи и её нежелание покидать насиженное место.

- На таёжный выдел будем заезжать? – деловито, сдвинув брови, спрашивает Дима Пасечник. Есть такой выделок, это верно. Крохотный, с гектар площадью, но на его территории сохранились ели и сосны, возрастом более ста сорока лет. Этот участок лесорубы не трогают пока, и на нём можно увидеть тот лесной покров, которым присурские леса могли похвастаться в 19 веке. Будет жаль, если и эти последние кусочки погибнут под топором дровосека.

- Едем, конечно. Разве можно красотой пресытиться? – мы сворачиваем в сторону, целый километр крутим по естественной природной аллее из сосен, дубов и берёз, пересекаем старую вырубку и, сдерживая нетерпение, выкатываем к знаменитому лесному «кусочку». Велосипеды отставлены в сторону. Обходим выдел. Чудеса! Пятьдесят шагов в сторону и вокруг настоящая тайга! Вот это сосны, вдвоём едва-едва обхватить удаётся! Что ни говорите, красота – великая сила! Вот она – география вживую. Кто посмеет зайти сюда с пилой или топором? Только варвар – каннибал, для которого что человека убить, что красоту эту загубить – подвиг ратный. Нет фотоаппарата, а зачем он? Сто лет эти деревья человек не трогает, щадит. Лучше уж знать, что в любой момент можно придти сюда, полюбоваться, с мыслями собраться. Рядом, на малюсенькой лесной поляночке находится место, где тетерева собираются на ток по весне. Сейчас, небось, сидят где-то рядом, детей прячут от нас. Оставляем их в покое, опять садимся на велосипеды и, не нарушая первозданной тишины, продолжаем путь. Вот и первая развилка от основной дороги, и мы уходим в сторону, туда, где находятся болотные памятники природы. Песок в этой части пути плотный, на велосипеде ехать любо дорого. Но мы совсем забыли о талой воде. Неожиданно путь преграждает широкая протока, соединяющая два пойменных озерца. Летом она высыхает без следа, но сейчас-то весна, и протока заполнена до краёв талой водой. Не обойти.

- Будем налаживать переправу, валежник собирать. Другого выхода нет, - Коля Сундуков подмигивает моему сыну Ромке. У того глаза сияют. Ещё бы – приключение!

- Надо остерегаться змей, ведь сейчас самое их время! Работайте подвое, один носильщик, другой охранник, – моё предупреждение действует, ребята включаются в игру. Все наши орудия труда ограничены ножом, дело продвигается медленно. Сначала перебрасываем кое-как обломанные брёвна к основанию сосны, что возвышается посередине протоки как островок, а затем по этим шатким мосткам стаскиваем ветки, найденные на дороге чурбаки и даже невесть откуда взявшиеся камни, чтобы завалить вторую часть преграды. Наконец переправа наведена. Велосипеды на плечо, и аккуратно ступая и контролируя каждый шаг и помогая друг другу, оставляем протоку позади. Едем тихо, разговариваем вполголоса. Огромная птица бежит впереди нас, словно разбегаясь перед взлётом. Ещё два-три прыжка и вот она тяжело взмахивает крыльями и взлетает. Ого! Вот это размах, - два метра с лишним, еле-еле птица умещается в «створе» лесной дороги! Движения угловатые, того и гляди рухнет вниз.

- Это птеродактиль! – Денис качает головой, - вот попали!

- Какой птеродактиль! Это чёрный аист! Эта птица в красной книге! Вот это встреча! – Аня Голикова поворачивает счастливое лицо, - нам сказочно повезло. Их так мало осталось в наших краях! – провожаем взглядом уходящую птицу.

- Интересно, всё-таки. – Денис всё бормочет себе под нос. - Скоро о чёрном аисте люди будут вспоминать как о птеродактиле, вот, мол, был такой вид, по сурским лесам летал, крыльями деревья задевал.

Дорожка не спеша, вывела к болоту, которое областные охранники природы превратили в памятник природы. Интересные это места. Многие коренные обитатели заказника прячутся здесь от посторонних глаз. Если не шуметь, можно встретиться нос к носу с кабаном или лосем. Можно увидеть глухаря, или тетерева. Мы, естественно стараемся сохранять тишину, и наградой нам за это является встреча с самой крупной лесной курицей – глухарём. Только движение выдаёт его бесшумный полёт. Он летит к середине болота и скоро замирает среди прозрачной рощицы из чахлах сосёнок, берёзок и осинок, живописно пристроившихся посреди заросшего густой осокой болота, понимая, наверняка, что мы не охотники и на болото не сунемся. Мы же останавливаемся подкрепить свои силы едой и беседой. Приятно посидеть вот так, всем вместе, никуда не торопясь у общего стола, проголодавшись. Такой привал, это неотъемлемая часть любого похода. А, экологический транспорт наш, еды не просит. Быстро пролетает час, а то и полтора, и вот мы снова готовы тронуться в путь. Ещё одна протока преграждает нам дорогу, и снова мы на высоте. Справились с очередной преградой ещё быстрее, чем в прошлый раз, благо протока неширокая. Опыт, он быстро набирается. Опять выезжаем на тяжёлую песчаную дорогу, с которой нам теперь никуда не уйти до самого выезда из леса. Выехав в пойму Суры, заезжаем на одно из многочисленных пойменных озёр. Небо отражается в воде озера, добавляя голубизны в его цвет. Довольные своей жизнью молчаливые деревья стоят на страже у самого берега. Они выступают в роли хранителей воды, ведь корни их сохраняют очень много влаги. И сейчас, после таяния снега, и потом – летом, после дождей. Тишина над озером. Слушаем её. Стоим, молчим. Ворона прохрипела что-то, пролетая над нами. Её голос рваным криком пролетел на противоположный берег, ударился о стволы дубов и оборвался, потонув в прибрежной ряске.

Нам остаётся проехать несколько километров до моста через Суру, а там, по асфальту останется совсем чуть-чуть, и наша поездка на сегодня закончится. С лесом прощаться немножко грустно. Вновь садимся на велосипеды и едем к мосту. И вдруг, совсем неожиданно, дорога преподносит нам очередной сюрприз! Понтонный мост, переброшенный через реку, оказался погружённым под воду под весом скопившегося на нём топляка. Даже бортиков моста не видно. На равном расстоянии друг от друга на мосту скопились кучи бурелома, как островки безопасности, островки-ориентиры, а само основание его находится на глубине 40-50 сантиметров под водой.

- Что делать будем?

- Не назад же поворачивать!

- Вот это преграда! Через такую протоку переправу не наладишь!

- Выход один, - после недолгого раздумья, я высказываю своё решение, - буду перетаскивать на плечах каждого участника команды.

- Э-э, я не согласен! – Дима оглядывает ребят ища поддержки своему справедливому возмущению. – Где это видано, чтобы взрослых людей на спине таскать!

- Нет уж, Владимир Николаевич, мы и сами герои, - Виталик устраивает поудобнее на плечах велосипед, перекладывая с места на место раму.

- Нет, ребята. Апрель, вода холодная, мало ли что. Мне нужны бойцы здоровые, и дайте мне, наконец испытать себя в нестандартной ситуации!

- Никогда ещё наездником быть не приходилось, - заранее шмыгает носом Паша, кое-как устраиваясь на моих плечах.

- Ноги поджимай, вон какие длинные, того и гляди, воды черпнёшь, - говорю ему. Ноги у Паши действительно длинные, он ведь не малыш, девять классов закончил. Я вхожу в воду, старательно прощупывая опору пальцами ноги, прежде чем сделать шаг. Вода не кажется холодной, вероятно от мысли, что придётся ещё и ещё возвращаться за очередным компаньоном? Переправа затягивается. Какой-то молодой рыбак в болотных сапогах и тельняшке пошёл навстречу, нащупывая под ногами твёрдую поверхность моста. Осторожно расходясь при встрече, мы обменялись с ним взглядом, я улыбнулся, он чуть кивнул в ответ, поднял на плечо велосипед и пошёл обратно. Так и курсировали мы с ним туда и обратно, пока не закончилась наша переправа. Вот такое приключение дополнило этот, казавшийся непродолжительным и нетрудным, шестидесятикилометровый, поход. Ну, а последние пятнадцать километров по асфальту, после пережитых приключений, показались абсолютным отдыхом. Так и превратился обычный воскресный поход в серьёзное испытание.

Июль 2002 года.

Паспорт.

Тот случай, о котором я хочу рассказать, произошёл давно. Я готовился к первой своей серьёзной поездке на велосипеде, разрабатывал маршрут, читал различные сборники путевых заметок, тщательно тренировался и штудировал специальную литературу по туризму, и только хорошей карты никак не мог найти, как-то всё нигде не попадалась. В книжных магазинах продавцы лишь разводили руками, называя всё новые и новые адреса, куда советовали заглянуть. Поиски привели меня в областной центр на станцию туристов. Нужной мне карты не было и здесь, но папки с описанием туристских походов прошлых лет по Центральной России, многочисленные, неплохо выполненные схемы маршрутов, общение со знатоком своего дела – инструктором по туризму заставили не пожалеть о потраченном времени. Самое замечательное было то, что инструктором тогда работала женщина. Её ответы буквально смели все мои сомнения – уж если женщина изящного сложения вынесла все трудности и тяготы пути, то мне сам Бог велел.

- На велосипеде? Я сама откатала на велосипеде пять сезонов подряд. Сто километров в день? Это не расстояние. Если тренируешься – проедешь и на дорожном велосипеде, лишь бы он был хорошо отрегулирован. Не вздумай цеплять рюкзак на плечи, сумки только на багажник.

Часа через два в моих руках находилась схема маршрута, которую я «слепил» из изученных описаний. Хотелось проехать через Кострому и Владимир, Суздаль и Иваново, Муром и Большое Болдино. На моей схеме неясным остался лишь один небольшой, находящийся на стыке двух областей, километров в двенадцать участок пути.

- На месте разберёшься, - сказала мне инструктор на прощание. – Местные, они должны все дороги знать, подскажут.

Подготовка не прошла даром. Мой не новый велосипед – «дорожник» славно держался весь долгий путь. Схема «сработала», не подвела ни разу. Список вещей, который я составил, начитавшись специальной литературы, дошёл почти без изменений до настоящего времени. Лишь штормовку забыл дома и во время дождя, который обрушился на меня в предпоследний день пути, пришлось довольствоваться тёплым свитером, который, однако, очень быстро промок и заставил вечером, во что бы то ни стало разжигать костёр, что бы просушиться. Капли дождя всё валили и валили сверху, падали с листьев дубов и лип, под которыми я нашёл себе приют, а я всё чиркал спичку за спичкой, тщетно стараясь вдохнуть жизнь в не желавший гореть костёр. Подставив вместо трута зажженную таблетку сухого спирта, я смеялся про себя – вот, мол, трением разжёт костёр. Всё вокруг пропитала вода в этот вечер и меня спасла только хорошая маленькая, уютная

палатка. Когда костёр разгорелся как следует, я вылил остатки питьевой воды в котелок, уничтожив затем тройную дозу чая, не оставив даже НЗ на утро, поэтому утром следующего дня, мне даже умыться было нечем. «- Ладно», - сказал я себе утром, «- хорошо, что кончился дождь, весь день ведь шёл вчера. Большое Болдино недалеко, там и воды налью, и умоюсь, и переоденусь. Тем более рано ещё, едва половина шестого, успею до какой-нибудь колонки проشمыгнуть незамеченным». С таким настроением и мыслями я собрался в путь, старательно упаковав вещи. Палатка никак не хотела влезать в чехол – не мудрено! Брезентовая, она промокла до основания за ночь и увеличилась в объёме. «- Надо просушить, привяжу её к передней раме велосипеда. Только где-нибудь остановлюсь – сразу же и раскину для просушки. Да, вид у меня, конечно, цыганский – грязные свитер и велосипед, тряпка какая-то к раме привязана. Кому объяснишь, что это палатка? Ну ладно, посмотрим». Что «посмотрим» я и сам толком не знал. В населённый пункт в таком виде заезжать нельзя. И не только в населённый пункт. И вообще – встречаются по одежке... Я вышел из лесочка, в котором провёл ночь и поехал вперёд. Через пятнадцать километров показали первые дома. Именно здесь, в Болдино начинался тот участок, о котором у меня изначально никаких сведений не было. Нужно узнавать путь-дорогу. Первый же встречный мужчина ничего внятного не сказал, лишь с недоверием покосился на меня:

- Я не местный, - говорит, - дальше у кого-то спроси. Вон там, на перекрёстке направо сверни – к милиции попадёшь – там тебе всё скажут.

- Спасибо, - отвечаю, - у милиции ко мне претензий нет, конечно, но как-то это учреждение я стараюсь обходить стороной. Они, конечно, помогут заблудшим, но я пока от встречи с милицией воздержусь.

Еду дальше. Людей мало, улица пустынная, как вымерли. И колонок на пути нет. Вот незадача. «- Хоть бы машина какая встретилась!» Не успел подумать – навстречу Узик мчится. Переезжаю на левую сторону дороги и поднимаю руку – пытаюсь остановить автомобиль. Взвизгнули тормоза, дверца открывается. В салоне двое – водитель с густой копной рыжих волос, торчащих в разные стороны, в клетчатой рубашке с завернутыми до локтя рукавами и крепкими руками и пассажир – тщедушный мужичок в серой кепке и бегающими глазками.

- Здравствуйте, - говорю, а сам чувствую, что не надо бы мне было их останавливать. Но теперь деваться некуда, - сам Бог вас послал.

- Здравствуйте, - отвечает мне водитель, а пассажир его бегающими глазками туда-сюда – никак мне в глаза взглядом не попадёт, - промахивается.

У меня вопрос такой. Как бы до Алатыря здесь проехать? – я называю довольно крупный в этих краях чувашский городок. До него километров сто, но всё же, должны они слышать о нём!?

- До какого ещё Алатыря? – переспрашивает тот – пассажир. Что ему ответить на такой вопрос?

- До Алатыря, - я пытаюсь найти приставку к названию города. – Ну, до Ардатова, - в надежде, что, может быть, название второго городка, находящегося в Мордовии, знакомо им, двум жителям окраины Нижегородской области. До Ардатова ближе, чем до Алатыря и моя надежда получить внятный ответ ещё не умерла.

- До какого ещё Ардатова? Не знаем мы ничего. – Дверца захлопывается. На ней крупными синими буквами написано слово «Милиция». Вот попал! Укатила машина. Так, что же делать? Доехал до центра, нашёл колонку, умылся. С удовольствием покрутился вокруг дома – усадьбы Пушкина. Вижу двоих сельчан, идущих мимо. Оба они высоки ростом, один сухощавый с небритым лицом, с самодельной сигаретой в жёлтых крупных,

но редких зубах. На голове кепка, из под которой торчат жидкие седые волосы, рубашка, жилетка и кирзовые, видимо ни разу не чищенные сапоги. Второй подстать ему, только без сигареты и вместо жилетки у него телогрейка – фуфайка. Простые, в серую полоску брюки заправлены в шерстяные носки, а на ногах – резиновые калоши.

- О-о! Будьте добры! Здравствуйте! – говорю.
- Здорово. Рыбак что ли? – спрашивает тот, что с сигаретой.
- Нет, не рыбак, турист, - отвечаю.
- А-а, - тянет второй, - те, что шляются без дела, те, кому делать нечего.
- Да учитель я, в отпуске, географию изучаю.
- Какой ты учитель? Это разве учитель – ёрзает на велосипеде туда-сюда, мыслимое ли дело? – опять бормочет тот, что в фуфайке.
- Что к человеку привязался, видишь, у него вопрос какой-то, - миролюбиво пыхтит самокруткой тот, что в жилетке, - может, ему помощь нужна какая.
- Вот именно, помощь и нужна, - цепляясь за слово, я пытаюсь выудить необходимый мне ответ и повернуть разговор в нужное мне русло. – В Алатырь мне необходимо попасть.
- Это на велосипеде, что ли? Да ты, никак чокнулся парень! – угрюмый его крупный нос слегка синеет – мужик хрипло смеётся, заходится в кашле, через несколько секунд вытирает тыльной стороной руки глаза. – Ну, насмешил.
- Минька, чего смеёшься!? Человек тебя спрашивает, а он смеяться вздумал.
- Так до Алатыря то километров семьдесят, а то и все восемьдесят будет, Коленька! – тот, которого назвали Минькой, смотрит на меня. – Тот Алатырь, что в Чувашии, что ли находится?
- Да, да, тот самый.
- А что же ты на велосипеде? На автобусе быстрее, да и дешевле. Или денег нет? – мужик растёгивает фуфайку, - жарко становится, паря.
- Тебя не спрашивают, есть деньги, или нет, - затапывая до самого основания докуренную сигарету, бормочет Николай, - ты толком что-то сказать можешь?
- А что тут говорить. Вот она, дорога на Протасово, - усмехается тот, - только не проедет он, вчерась ливень-ат какой был?
- Да не спрашивают тебя, можно проехать или нет, - опять наставительно замечает Николай, - есть дорога, или нет – вот что отвечай?
- Есть насыпь, только глина там, не проехать. Ждать надо до обеда. Просохнет, тогда – с песней.
- А от Протасово – асфальт, - добавляет Николай, - там хорошо проедешь. Значит так. Сейчас до Пикшени километра два по асфальту, а там..., как уж получится.
- Ну, спасибо, мужики. Дай Бог вам удачи. – Мы жмём друг другу руки, я сажусь на велосипед и еду в указанном мне направлении.
- Вот, делать ему нечего, - раздаётся позади, и тут же слышу в ответ:
- Да не наше это дело. Видишь, - учитель, может так и нужно учителям-то. С детьми работают они. Детство забывать нельзя.
- Может и так....

Кручу по асфальту вперёд. Теперь хотя бы знаю, что еду в правильном направлении. Надо бы присесть где-то, позавтракать. Красиво здесь, перелески, поля, холмы вдалеке. Плодотворна была «Болдинская осень» Пушкина. Спокойное течение мыслей прерывает звук милицейской мигалки. «- По мою душу, это точно!» Я не успеваю оглянуться назад, но на всякий случай спешу съехать на обочину. Не удаётся! Уазик чуть притормаживает и, поравнявшись со мной, открытой дверцей бьёт меня сбоку. Удар приходится в основном по сумкам, и лишь слегка по ноге, но я теряю равновесие и кубарем лечу на обочину. Велосипед грохается рядом. Ну и дела! Вскидываю злой, ногу ушибли дверцей, плечо болит от удара о землю – как только шею не свернул? Из машины выпрыгивают двое – здоровенный, под два метра ростом младший сержант милиции и рыжий водитель, тот, с которым я разговаривал полчаса назад. Смотрю в салон машины – оттуда, с заднего сидения злорадно смотрит на меня третий член «группы захвата».

- В чём дело-то? – меня начинает смешить ситуация, но злость ещё не прошла. – Бандитов ловите? – Я поднимаю велосипед, поправляю сдвинутый набок руль, проверяю колесо. – Восьмёрку посадили, ребята. С ума сошли?

- Здесь вопросы задаём мы, - важно говорит мне младший сержант. Вот уж точно – громила. Стоит боком, одно плечо чуть выше другого. Пуговицы рубашки едва держатся на груди и животе богатыря, настолько плотно она обхватывает его тело.

- Вопросы вопросами. Убить же могли.

- Документы спроси, - подсказывает из машины третий, тот у которого глаза не на месте.

- Документы предъяви, - опять повторяет сержант.

- Нет у меня документов, - отвечаю, - забыл дома, - и слышу из салона уазика:

- Ага! Я же говорил – сомнительная личность. Проверить нужно как следует.

Пока мы разговариваем с милиционером, водитель обходит меня с другой стороны.

- Вещи у него проверь, - доносится из открытой двери голос. Рыжий начинает щупать сумки, пытаюсь открыть одну из них.

- Э-э, ребята, ну в сумках-то чужих копать, не последнее ли дело, вы уж совесть имейте. – Я пытаюсь как-то остановить произвол, понимая, что правда не на моей стороне – паспорта действительно нет с собой. Вот ведь, незадача, не вписал в список и в результате забыл.

- Молчи, - прерывает меня сержант, - пока мы только разговариваем.

- Ну, герои! - меня «прорывает», - поймали бандита, теперь точно тебе ещё одну лычку повесят. Сказано же – учитель. Путешествую по родному краю, по пушкинским местам. А паспорт забыл – так случайно же. Не съедобный, вот и забыл.

- С нами проедешь, до выяснения, - говорит сержант.

- Только вперёд. Что хотите делайте, еду только вперёд. Я же на велосипеде еду. Туда-сюда кататься дело неблагодарное и муторное.

- Сумки у него проверь, - опять шипит из-за двери третий.

- А в сумках что? – водитель расстёгивает сумку, - питаешься чем, ешь-то что? - Я понимаю, что досмотр неизбежен. Открываю сумку, достаю таганок, котелок, продукты, раскладываю на траве, возле велосипеда.

- Чем питаюсь? Людоед я - человека убил, мясо закопчил, с собой везу. Тем и питаюсь. – Моя тирада остаётся без внимания.

- А почему на велосипеде едешь? Почему не на автобусе? – доносится из машины.

- Я же объясняю. Учитель я. Учитель географии. Нравится мне на велосипеде. В дождь попал, так получилось, вот велосипед и грязный такой. – Я достаю схему маршрута, достаю записную книжку и показываю названия населённых пунктов, что остались позади и тех, которые ждут меня впереди. – Вот и Алатырь, о котором я вас спрашивал, - я показываю им на схеме этот городок и свой посёлок. Забыл дома две вещи – штормовку и паспорт.

- Телефон какой есть?

- Номер, что ли телефонный?

- Да, номер, узнать хоть, кто ты, да что, - опять сурово спрашивает сержант.

- Да, только номера тебе телефонного не хватало. Перепугаешь насмерть родителей-то. Есть номер, конечно, записывай, - я диктую номер домашнего телефона, сержант, достав из грудного кармана записную книжечку, записывает его, затем записывает моё имя и фамилию.

- Ну, ладно, пусть катит, - говорит водитель. Он видит, что в сумках у меня только походные принадлежности и ничего недозволенного нет. - Извини, парень. Чёрт тебя знает – чужак на велосипеде, вид сомнительный.

- Да ладно уж, чего там. Убить ведь могли дверцей-то. Здорового-то вашего, - я киваю на сержанта, - учили быть добрым и справедливым в школе, а он дверцей по хребту. – Я собираю вещи обратно в сумки. – Вы что, каждого велосипедиста так встречаете?

- Ну ладно, будь здоров, езжай себе, - опять водитель за всех один говорит. Я сажусь на велосипед и спешу скорее уехать подальше. Спустя несколько минут останавливаюсь, достаю записную книжку и в список рядом со словом «штормовка» вписываю слово «паспорт». Прислонив велосипед к берёзке, сажусь завтракать. Да, много событий может произойти от подъёма до завтрака. Спустя полчаса я бреду вдоль насыпи по молодой берёзовой посадке, иногда взваливая велосипед на плечо, иногда даже пытаюсь ехать по тропочке, что вьётся меж берёз. Местные, они всё знают, они всегда путь укажут верный.

Август 2006 года.

Срезал.

Несколько лет назад я предпринял поездку из Карелии от города Беломорска до Севастополя. То было одно из самых замечательных моих путешествий. Карелия порадовала меня чистой водой и удивительными белыми ночами, когда можно было ехать и ехать, невзирая на время суток. Я пил воду прямо из рек и ручьёв, любовался густыми, тёмными лесами из мохнатых, угрюмых елей. У Петрозаводска свернул на старую, безлюдную дорогу, которая бежала на юг, прижимаясь к правому берегу Ладоги, и выскочила на трассу лишь почти у самой Свири. Проехал через Санкт – Петербург и Великий Новгород, а у Волговерховья выслушал от местных жителей целую историю о старой узкоколейке, по которой подвозили снаряды в Великую Отечественную и которую тогда нещадно бомбили немцы. Тогда же на ночь я остановился на краю небольшого круглого овражка, а утром неожиданно обнаружил десятки таких же овражков вокруг, поняв, что это старые, заросшие, с осыпавшимися краями воронки от бомб, и неожиданно нашёл несколько оперённых, проржавевших до дыр, но остающихся страшными до сего времени бомб. Весь путь до Волговерховья я держался старой, едва заметной насыпи, которая то терялась в болотах, и тогда мне приходилось взваливать велосипед и весь скарб на плечи и прыгать с ним с кочки на кочку, держа направление по солнцу, то появлялась вновь, убеждая, что я не сбился с пути. Границу с Украиной пересёк нелегалом, не желая встречаться с официальной дорожной властью. Уже тогда между Украиной и Россией были шероховатые взаимоотношения, но на востоке Украины люди

всё ещё терпимо относились к русскому языку и помнили об общих наших с ними корнях. Я ушёл в сторону от дороги, обходя пограничный пост, проехал несколько километров по лесной тропе и выехал на стоянку украинских мелиораторов, которые стояли полевым лагерем на самой границе. Они накормили меня богатым ужином, но несколько раз всё же обозвали «москалём», высказав пожелание о том, что бы я поскорее сматывался с их стоянки и больше не возвращался. Мне пришлось побывать в гостях у украинских нефтяников и фермеров, купаться в Чёрном море и бродить среди развалин древнего Херсонеса. Но эпизод, о котором я хочу рассказать, произошёл на границе Смоленской и Калужской областей, в центре Нечерноземья. После этого случая, я основательно проштудировал почвенную карту страны и внёс существенные поправки в изложение этой темы на школьных уроках географии.

На то, что передвигаться по Нечерноземью можно лишь по заасфальтированным дорогам мне местные жители указывали не раз. Конечно солдаты Наполеона, которые видели и Египетские пустыни и болота Германии не придали значения предупреждениям об отсутствии дорог в России. За что и жестоко поплатились осенью восемьсот двенадцатого года, буквально завязнув в полях Смоленщины. Каждый человек разумом считает себя уж если не выше Наполеона то, по крайней мере, равным ему. То же касается и меня. Едва я пересёк границу Смоленской области, двигаясь от Ржева к Вязьме, сразу же попал под сильный летний дождь, который успешно переждал под крышей невесть откуда взявшейся придорожной беседки. После дождя с интересом пощупал странного серого цвета почву, которая моментально слиплась под пальцами в плотный глиняный комок, повертел его в руках и беспечно выбросил, упрямо отогнав здравые мысли. «Посмотрим. Там видно будет. Наполеон не русский, это нам не привыкать» - вот, примерно то, о чём я тогда подумал, и на этом все сомнения улетучились, и я продолжил путь на Брянск. Дело в том, что ещё дома, сидя над картами и прорабатывая маршрут, я оставил на стадии недоработки один участок, между смоленским посёлком Угра и находящимся в Калужской области деревенькой Бахмутово. Все карты показывали отсутствие прямого пути между этими населёнными пунктами. Мне не раз ранее приходилось, переезжая из области в область, сталкиваться с отсутствием дорог и я надеялся на то, что уже на месте решу каким-то образом этот вопрос. Трудность состояла в том, что нормальных топографических карт в свободной продаже, в те времена ещё не было. Приходилось надеяться на описания каких-то маршрутов в журнале «Турист», популярном издании тех лет, или пользоваться административными картами, на которых все дороги были нанесены условно, и кроме названий населённых пунктов выжать из них какую-то полезную информацию было просто невозможно.

Утро выдалось солнечным, тихим. Безветрие помогло быстро преодолеть путь от деревеньки Посьмино через Знаменку к станции Угра. «Как бы то ни было, а семьдесят километров позади и всего за каких-то три часа» - эта мысль меня порадовала и отбросила некоторые сомнения, относительно преодоления следующего участка пути. «Распрошу местных, они должны знать округу всё-таки» - решил я и попытался выяснить хотя бы что то о возможности сократить путь и выйти на нужное мне направление. Увы! Бахмутово находится в соседней области и так же интересуется местных жителей, как какой нибудь городок французской Бургундии. «Езжай в объезд, тут километров шестьдесят до трассы, там спросишь». Подсчитываю предстоящий путь. Да, действительно, никак не меньше шестидесяти километров меня ждут – пождут. Должна же быть где-то прямая дорога, не может быть, что бы местные всё время ездили в объезд. С этими мыслями я останавливаюсь у последнего колодца в Угре набрать воды и здесь неожиданно нахожу проводника-знатока. Мужичок невысокий ростом, в полосатой рубашке, старинных галифе и кирзовых сапогах. На голове фуражка допотопная, я такой фуражки никогда и не видел. Мужичок курит самокрутку из газеты скрученную. Она торчит широким концом куда-то вверх. Дым крепкий, зараза, а селянин знай, попыхивает самодельной сигаретой прищурив один глаз, и смотрит на меня, из под густой, выбеленной солнцем брови.

- Что уж в такую-то жару дома вам не сидится? Мыслимое ли дело так париться? – голос у мужичка надтреснутый, конец фразы он сопровождает подкашливанием.

- На людей разве угодишь? Холодно – плохо и жарко тоже плохо, - я кручу ворот доставая ведро с ледяной водой, - вы подскажите, если знаете, путь покорооче на Бахмутово.

- В Бахмутово? Это – с удовольствием! О, зачем тебе в объезд ехать. Тебе вначале на Баскаковку ехать надо. Сейчас проедешь по асфальту пять километров, будет поворот на Баскаковку. Там дорога хорошая, щебёнка, восемнадцать километров. От Баскаковки три километра лесом, выйдешь на трассу, а с трассы прямой путь на Бахмутово. Всего-то напрямик километров двадцать пять. А тут, вкругаля, и-и, милый друг, тут тебе далеко.

- А лесом-то я проеду? Что там за дорога?

- Проедешь, там на чём хочешь проедешь, а уж на велосипеде-то подавно. Давай, парень, жми.

Через семь километров я свернул по щебёнистой дороге в нужном мне направлении. На развилке поглотил меня червячок сомнения, но я его не послушал, ринулся вперёд. Через двенадцать километров щебёнка закончилась, и дальше пошёл песок, рассыпчатый и глубокий. Откуда только он взялся здесь, в краю болот и глинозёмов? Протащив волоком велосипед три километра по песку, я понял, что основательно влип. Поворачивать назад не было смысла, уж больно много времени было потеряно на эти пятнадцать последних километров пути. Ещё час ушёл у меня на борьбу с песком, прежде чем показались крыши домов нужной мне деревеньки. На въезде счётчик показал пройденных полных двадцать семь километров.

- Как бы в Бахмутово проехать? – спросил я у первого, встреченного мною на улице жителя.

- Это просто. Вот твой путь, - и он показывает на ту самую дорогу, по которой я только что приехал, - сначала песок, потом щебёнка, она тебя на асфальт выведет, а там, вокруг, километров пятьдесят и ты на трассе. А уж там спросишь.

- Извините, я только что оттуда и приехал. Мне сказали, что здесь есть более короткий путь.

- Кто это тебе сказал? Это дорога тупиковая. – Дядечка, мой собеседник почесал сначала затылок, потом кончик носа и нерешительно произнёс: – Ну, пошли к Мишке, что ли, к леснику. Если уж он не подскажет, тогда не знаю, что тебе сказать.

Долго идти не пришлось, на мою удачу лесник сидел в машине напротив местного магазина. Дверца была открыта и он, свесив одну ногу наружу, полулежал, покуривая сигарету.

- Привет, Миша. Хорошо ты тут оказался, вот, человека к тебе привёл.

- Жена в магазин пошла, жду её. По какому вопросу-то? – Михаил выпрямился. Молодой, лет тридцати пяти, немного грузноватый, с весёлым блеском глаз лесник оглядел меня с ног до головы. – Что-то я тебя не узнаю. Ты не местный, видимо?

- Да вот, на Бахмутово ему проехать надо, дорогу спрашивает, - опережает меня мой провожатый.

- А чего тут спрашивать? Сам объяснил бы. Вон, по щебёнке пусть катит до асфальта и там до трассы напрямиком. На чём ты?

- Я на велосипеде еду. В отпуске я, забрёл в ваши края и как раз по этой самой щебёнке и приехал. Мне сказали, что здесь прямая дорога через лес есть.

- Э-э! Тут есть одна дорога, вернее была лет пять назад. Лес по ней вывозили. «Кировцами», разбили всю. Сейчас ни на чём, - ни на дизеле, ни на «Кировце» не проехать. Возвращайся, парень. Или электричку жди. Через три часа сядешь на электричку и промчишь километров тридцать до Ершей. А там разберёшься.

- А может быть всё-таки по лесной дороге? – мне не хочется возвращаться, сколько сил потеряно. – Если тут три километра, это же немного.

- Вот, упрямый. Попробуй. Только здесь не три километра, а восемь. Будет деревня (он назвал какую-то деревеньку), там по дамбе через пруд, ещё пять километров и на трассу выйдешь. Заблудишься. Лучше вставай на шпалы, - то ли в шутку, то ли всерьёз говорит он мне, - и по шпалам. Двенадцать километров и от светофора влево. По тропе километров пять и выйдешь на то же село, прямо к дамбе.

- Спасибо. Попробую.

- Вот по этой улице. Она как раз превращается в ту лесную дорогу, которая тебе нужна. - Я сажусь на велосипед и еду в указанном направлении. Оборачиваюсь. Лесник качает головой. Асфальт резко обрывается, не дойдя даже до края села, дальше идёт вязкая глинистая колея. Три последних пары домов стоят вдоль этой колеи. Пытаюсь протиснуться боком, прижимаясь к палисадникам домов подтягивая велосипед за собой. Колёса забиваются густой плотной глиной. Взваливаю его на плечи, делаю несколько шагов вперёд, оставляя позади последний дом Баксаковки. Всё. Огромные куски глины, прилипшие к моим кроссовкам, просто не дают сделать ни шагу с моим грузом. Нечерноземье. Вот тебе и Наполеон. Наполеон был прав, дорог в Нечерноземье нет. Вправо уходит тропка, выводящая на железнодорожное полотно. Достāju отвёртку, сшибаю грязь с кроссовок, тащу велосипед к полотну. По шпалам, пожалуй, не получится. А если по рельсу? Ставлю велосипед на рельс. Как там, не сразу свалится вниз? Повёз. Проходит час, второй. Три часа качу его по рельсу. Несколько раз велосипед слетает, я поднимаю его и вновь ставлю на рельс. Меня обгоняет электричка, едва успеваю прыгнуть на насыпь, но через три часа, преодолев двенадцать километров, я добираюсь до светофора. Отсюда, едва заметная тропа ведёт меня вперёд и всё-таки выводит, через девять километров, сначала к огородам, а затем и к дамбе, о которой упоминал лесник Михаил.

- Что за область? – спрашиваю у женщины, отвязывающей от забора козу.

- Калужская, как и была, - женщина смотрит на меня с удивлением. – А вам-то куда?

- Да в Бахмутово, - отвечаю.

- А-а. В Бахмутово. Сейчас я мужа позову, он объяснит, а то я что напутую.

Выходит муж, красный, как рак, довольный жизнью:

- Я только что из бани. Фу-х, напарился властью! Хорошо жить. Садись, - он указывает мне на лавочку у палисадника. – Так ты говоришь, тебе в Бахмутово?

- Да, в Бахмутово, - отвечаю уже ему.

- Вот по этой дороге девять километров до трассы, - говорит хозяин, - а там по трассе назад, ещё столько же до указателя. Там асфальт. От указателя до Бахмутово километров двенадцать. Можно срезать...

- Стоп, - прерываю добродушного хозяина, - не надо срезать. Я лучше по дороге.

- Так тут короче, напрямик, километров пять всего, на велосипеде должен проехать. – На лице моего собеседника удивление, - как хочешь, ближе ведь.

- Спасибо. Счастливо оставаться. – Сажусь на велосипед и, спеша обогнать заходящее солнце, жму на педали.

До Бахмутово я всё же добрался. Было почти темно уже, но мне так хотелось увидеть указатель с названием этого села, что я даже забыл заполнить бутылки водой по пути. А здесь, в этом селе уже две недели чинили водонапорную башню, и воду можно было увидеть только с семи до восьми утра. Я выехал за деревню, поставил палатку под огромной берёзой и лёг спать, продолжая во сне считать шпалы и сбивать отвёрткой глину с кроссовок.

Июль 2006 года.

Зачем?

Дело было в Севастополе. Я заканчивал маршрут от Белого моря до Чёрного. Севастополь находится на берегу бухты, которая буквально вклинивается в город, разрезает его на две

части. В объезд ехать – делать крюк, километров сорок. Время близилось к вечеру, а мне ужасно хотелось попасть на развалины греческого Херсонеса, и именно сегодня.

«Наверняка существуют какие-то паромы или водные трамвайчики, которые перевозят людей с одного берега, на другой, и где бы найти место посадки?», - с таким вопросом, я обратился к мужчине средних лет, проходящему мимо. Он мне бойко объяснил, всё, что было нужно, а затем не удержался, и спрашивает:

- Откуда путь держишь? Из далека, видимо?
- Из Карелии, - отвечаю, - из Беломорска.
- Мил человек, ответь мне, пожалуйста, зачем тебе это надо? Почему тебе дома не сидится?
- Сам-то, - говорю, - что ни будь, любишь, чем ни будь, увлекаешься? Рыбалкой, охотой?
- Не-ет. Ну её.
- Ну, а выпить?
- О, это всегда, пожалуйста!
- Объясни, зачем. Утром голова болит, жена ругается, руки трясутся...
- Езжай, мил человек, до свидания.

В пути.

Облака, лиловые по нижнему краю, готовые вот-вот лопнуть дождём, медленно, медленно перекатывались по небу. Лишь раз, меж рваных их краёв выглянуло ярко синее, будто тщательно вычищенное заботливой рукой небо, блеснуло на глади омута реки Ловать, вдоль которой бежит наша дорога, и тут же скрылось под вновь накатившей волной тяжёлых туч. Вода в реке сразу потемнела, а цветы на её берегах потеряли яркую окраску. Испуганная ворона, отчаянно молотя крыльями, пролетела над серым полотном дороги и исчезла среди старых осин. Дождь уныло забарабанил по стволам деревьев, капли зашуршали в траве, забулькали горошинами на поверхности реки, мгновенно покрыли огромными кляксами асфальт.

- Скорее под дерево! Вон хороший дубок! – Саша Хохлов налёг на педали изо всех сил, за ним устремились остальные ребята. Вершины старых елей закивали заросшими своими головами в такт порывам ветра, будто удивляясь нашей попытке убежать от непогоды. Мы слетели с обочины под защиту огромного, одиноко стоящего дуба с раскидистыми ветвями. Мальчишки, толкая друг друга наскоро установили велосипеды, прислоняя их один к другому, а сами столпились с другой стороны, стараясь прижаться поближе к старому, трещиноватому стволу.

- Крыло прикрути к заднему колесу, - хлопнул по плечу Сашу Дима Пасечник, - грязь летит во все стороны, - полное добродушное лицо его покрытое каплями грязной воды, растянулось в улыбке. Он достал носовой платок и вытер лоб и щёки. – Невозможно за тобой вслед ехать. – Дождь расходится, стучит по листьям, словно неумелый музыкант колотит по клавишам рояля, не вникая в суть произведения. Ветер стих и капли дождя падают теперь точно сверху вниз, как по невидимому отвесу, пробивая крону дуба и стекая по листьям на траву, пропитывая водой наши куртки и обувь. Запахло болотом.

- Брр! Капля за шиворот попала, - Аня поводит плечами, лёгкая дрожь пробегает по лицу, - неудобно. - Миша Гришенькин незаметно подносит мокрую веточку к Аниной шее и аккуратно сбрасывает капельки воды за воротник её куртки.

- А-а! Вредитель! - Аня шумно возмущается и между ними начинается весёлая потасовка. Остальные мальчишки посмеиваются, но расступаться не собираются.

Утром мы ещё надеялись, что дождик, всё-таки, обойдёт нас стороной. Ветер шумел всю ночь в вершинах деревьев, мы всё ждали, что дождь обрушится на нас, но утром солнце как обычно осветило и лес, и дорогу, отогнало страхи, но вот к вечеру уступило силе. Первые, самые грозные, лохматые тучи ушли куда-то и теперь всё небо заволочило, забило

сплошным слоем низких, наполненных влагой облаков. Дождь превратился теперь в морозящий мелкими – мелкими капельками водяной душ.

- Поесть бы, - Дима тоскливо оглядел стоящих рядом с ним ребят.

- Вот, проглот! – усмехается Виталик Швецов, прозванный «Кулибиным». По привычке он подкручивает какую-то гайку в заднем колесе своего велосипеда, присев на корточки и совсем не обращая внимания на дождь.

- Занепогодило. Это надолго, - говорит наш историк Саша Ануров. - Где останавливаться на ночлег будем?

- Карту посмотрим? – моему сыну тринадцать, он младший, ему всё нравится в путешествии, улыбка не сходит с лица. Его ничего не смущает сейчас, даже капли дождя стекающие по бровям и щекам за пазуху. Не дожидаясь моего ответа, он аккуратно достаёт из висящей на передней раме сумки хорошую топографическую карту. Мы раскидываем её, мальчишки стараются подставить спины под дождь, стараются не мочить листы «двухкилометровки». После недолгого обсуждения решаем дойти до деревеньки Литово. Осталось немного, не больше десяти километров.

- Молока нужно купить, кашу на ужин варить будем. И воды у нас нет, вода нужна. – До деревни ехать нужно обязательно.

- Решено! По коням! – надеваем куртки, садимся на велосипеды и выскакиваем на асфальт.

Наша дорога обходит северный край Валдайской возвышенности и поворачивает на северо-запад к Пушкинским горам. Вообще, маршрут путешествия интересный. Мы начали его из старинного городка Осташкова и проехали сначала вдоль густо заросших тростником берегов Селигера, немислимого по своим очертаниям и красоте озера. Затем километров двадцать пылили по тряской, похожей на стиральную доску грунтовке до Волговерховья. Этот участок пути вывел из строя за короткое время два велосипеда, пришлось срочно останавливаться на внеочередную полуднёвку и крутить-вертеть болты и гайки, вставлять спицы и клепать цепи железных коней. Находящееся при истоке великой Волги Волговерховье оказалось селцом, почти нежилым. Дороги дальше, в Новгородскую область как таковой нет, лишь тракторный след путеводной нитью вывёл нас через густые, дремучие леса Валдайской возвышенности на старую, хотя и заасфальтированную, но ухабистую дорогу. И вот второй день мы крутим вдоль реки, известной по учебникам географии и истории, по пути «из варяг в греки». Нам предстоит попасть в Изборск, где сохранилась в целости крепость четырнадцатого века, а так же в Псков и Санкт-Петербург. Но сейчас основная наша цель, это селение Пушкинские Горы, деревенька Михайловское и Святогорский монастырь.

Полчаса пролетели незаметно. В Литово несколько улиц и почти у каждого дома тщательно укрытый от дождей стог сена. Это радует – будет нам молоко к ужину! Через пять минут на крылечке, под козырьком небольшой терраски крайнего дома наливаем тёплое молоко в свои походные бутылки.

- Спасибо. Может быть подскажете где у вас тут колодец, или родник какой.

- Это – с удовольствием! Вода, ребятешечки, у нас хорошая, родниковая по водопроводным трубам течёт. Старый председатель постарался, дай ему Бог здоровья, - говорит хозяйка дома, пожилая женщина в мужском пиджаке и косынке, повязанной на голове, как бандана. Вид слегка комичный, но такова уж мода деревенских жителей, никуда не денешься. – Вон колонка-то, прямо. Уж и напьётесь вволю, и с собой водички наберёте. У нас вода светлая, лёгкая! – хозяйка оглядывает добрым, внимательным взглядом всех ребят нашей команды. - А что, на рыбалку, или поход какой?

- Точно, поход. Вообще-то в Питер собрались.

- А-а! В Ленинград, значит. Далековато. В Святогорский монастырь вам заехать надо. Могила Пушкина там, в том монастыре, недалеко отсюда, пятнадцать километров всего. А сейчас-то куда поедете? Ведь дождь на дворе, а, туристы? У нас несколько домов пустует, хозяев нет, а всё крыша над головой. Чем не гостиница?

- А что, воспользуемся советом? До Пушкинских гор рукой подать, но, может быть, завтра повезёт с погодой и нам не надо будет прыгать через лужи? – спрашиваю своих молодцов и тут же получаю единогласный утвердительный ответ.

- Вот и решили, вот и хорошо, - говорит наша новая знакомая, - вон тот, второй с краю дом, значит, и враз будет. Хозяев у него нет, так, стоит он один-одинёшенек. Заселяйтесь. Только не сожгите, ради Бога, поосторожнее, пожалуйста.

- Спасибо, не в первый раз.

Дальше всё было, как обычно. Выметали мусор, готовили место для ночлега, варили ужин, прикрыв разведённый во дворе костерок плёнкой от дождя. Дождь то утихал, и тогда голоса наши даже во дворе отдавались глухим эхом отражаясь, видимо от старых, нежилых стен дома, то усиливался, перекрывая грохотом падающих на металлическую крышу больших, тяжёлых капель все звуки наступающего вечера. После ужина, когда мы закутались в свои спальники, долго – долго продолжались тихие разговоры – обсуждение тех нескольких дней, что мы были в пути. Сколько всего произошло за это время!

- Всем осмотреть вещи свои, всё ли взяли, ничего не забыли? Знаю я вас, растеряш, вечно чтонибудь забудете. – Я хожу от велосипеда к велосипеду, проверяя укладку рюкзаков, крепления вещей на багажниках следующим утром. Дождь закончился глубокой ночью и сейчас опять светит солнце и нас ждёт удивительная встреча с пушкинскими местами.

- Всё! В путь, - выезжаем на дорогу и неспеша едем к Святогорскому монастырю. Целый час крутим вверх-вниз по горкам, где когда-то ходил сам великий поэт.

- Вот он, поворот и указатель! – кричит Аня. Она – на взводе. Что поделаешь, поэтическая натура. – Владимир Николаевич, я хочу сфотографироваться у входа в монастырь!

- А кто не хочет, - прерывает её Саша Хохлов, - я уже ищу место, где буду стоять и позировать потомкам.

- Сейчас я вас сфотографирую для истории, - протягиваю руку к своей полевой сумке, которая всегда висит у меня на раме впереди седла, там, в одном из отделений у меня лежит фотоаппарат...!!! – А-а! Караул! Сумки нет! Ёлки-палки, я её забыл! Забыл в доме, где мы ночевали!

- У-у-у! Там же билеты на обратный путь!

- Да не только билеты. Документы, деньги. Я сумку эту поставил посреди комнаты, что бы случайно не забыть, ещё зашёл в дом перед тем, как отъехать, посмотрел всё ли взяли. – Все замерли, испуганно тараща на меня глаза.

- Что же делать? – Аня сморщила нос так, что очки у неё почти на лоб залезли. Рома сел не дыша, глаза закрыл, молчит.

- Чего. Будьте здесь, с этого места никуда. Я буду через полтора часа, – сбрасываю все вещи с багажника, сажусь в седло и, что есть мочи налегаю на педали. Ветер свистит в ушах, я почти ложусь на руль всем корпусом и давлю, давлю на педали, жалея в этот момент, о том, что не могу, не умею крутить сильнее. Перед глазами мельтешит серая лента дороги, дымчатый туман оседает на тёмных лапах елей, несколько раз с обочины взлетают стайки воробьёв, спеша уступить мне дорогу. Тучки опять заслонили солнце, окрасив дальние перелески в монотонный цвет. На повороте чуть не вылетаю с трассы – заднее колесо даже слетает на обочину, но выравниваю велосипед наклоном корпуса, не желая давить на тормоза и снижать скорость. Никогда ни до, ни после этой бешеной гонки мне не удалось так быстро преодолеть пятнадцать километров. Через двадцать минут я увидел дома Литово. Мышцы ног налились усталостью, будто я надел кроссовки в двадцать килограммов каждая и чтобы сделать всего лишь шаг, нужно напрягать все силы. У изгороди «нашего» дома я остановился и сполз с велосипеда. Теперь спешить смысла нет. Подседающей походкой иду вдоль изгороди к крыльцу дома. Ноги не слушаются – с трудом сохраняю равновесие. «- Зря гнал. Ясно, что сумки в помине нет. Если бы я хоть спрятать её, догадался...». Длиннущая ветка яблони перегораживает дорогу. Между веткой и изгородью висит огромный круг паутины «- И когда это ты успел

сплести её, голубчик?» - говорю сидящему с её края пауку. Попробуем обойти – я подныриваю под ветку и поднимаюсь на крыльцо. Пот стекает по лицу, бровям, майка прилипла к спине, натянулась, того и гляди порвётся. Доставая носовой платок из заднего кармана шорт, переступаю порог. Сумка на месте. Стоит родимая! Вытираю носовым платком руки, беру сумку, проверяю целостность содержимого. Всё на месте! Теперь я её, голубушку, ни на миг из рук не выпущу. Выхожу наружу. Опять передо мной ветка яблони. Большие – в кулак величиной яблоки, красные с одного боку, останавливают меня, заставляя перевести дыхание. «- Гляди ты, спелое», - я чуть задеваю одно из них и яблоко падает вниз, на тропку. Наклоняюсь, разминая затёкшую от гонки спину, поднимаю его – кожа с одного бока лопнула, обнажив аппетитную, чуть рыхловатую прозрачную мякоть. Запах свежий и сладкий, не удержаться, кусаю – нет вкуснее яблок нашей – средней полосы. Перевожу дух. Колени не дрожат больше, а то я был готов рухнуть там, у Святогорского монастыря – ноги подгибались. Бурьян у изгороди как разноцветье на лугу. Пчёлы жужжат, активно перелетая с цветка на цветок. Солнце ярко освещает дома деревни, играя цветом на блестящих металлических крышах – тучи опять ушли. Неторопливо еду к монастырю, рассматриваю как следует все пригорки и уходящие в сторону от дороги тропинки.

- Как, Владимир Николаевич!? – ребята бегут ко мне, едва я появился из-за поворота.

- Порядок! Всё в целости, даже странно.

- Ур-ра! Ну, Владимир Николаевич, ну напугал! Нет, так нельзя, отныне я берусь следить за вашими вещами, - Аня качает головой и смотрит на меня. - Отныне вы ничего и нигде не забудете, обещаю.

Мальчишки встают у входа в монастырь, я расстёгиваю сумку, достаю фотоаппарат и делаю несколько снимков.

- Ну, что? В Михайловское? – мы с мальчишками решаем с чего начать осмотр достопримечательностей заповедника спустя сорок минут, - вперёд! Всем осмотреть вещи свои, всё ли взяли, ничего не забыли? Знаю я вас, растеряш, вечно чтонибудь забудете. – Дружный смех перекрывает последние слова фразы. Наше путешествие продолжается.

Август 2006 года.

Глава третья. Продолжение.

В то жаркое лето 2004 года мы с командой верных и дружных мальчишек крутили на велосипедах по дорогам Америки. Путь выдался нелёгким и наполненным самыми различными приключениями. Нас не щадили дожди на Великих равнинах, а в Аризоне встречный ветер был такой силы, что казалось его можно резать на куски обычным ножом. Он моментально сушил горло и заставлял таять наши запасы питьевой воды с необычайной быстротой. Нам повезло – всю Южную Дакоту и Вайоминг мы шли с попутным ветром. Нам помогали заклинания индейских знахарей Пейпстоуна – местечка в южной Миннесоте, где нам посчастливилось принять участие в самом настоящем языческом обряде, дошедшем до настоящего времени из глубины веков – «Танце Солнца». Четыре дня участники обряда истязают своё тело, таская по священному кругу черепа буйволов. Черепа привязаны к ремням, а те, в свою очередь проходят через надрезы на спине приносящего жертву Солнцу человека. Обряд не заканчивается смертью, лишь кровь из порванных порезов стекает по спине, смешиваясь с солнечным светом, когда на исходе четвёртого дня человек освобождается сильным рывком от своей необычной ноши. Так индейцы признают великую силу Солнца и его значение для существования самой жизни на Земле. Так участники обряда получают звание танцора Солнца, необычайно почитаемо в их среде. Мы были не просто зрителями, мы были участниками одной из главных церемоний обряда - церемонии выкуривания трубки. Знахари в тот день назвали моих ребят настоящими воинами. - «Мы танцуем четыре дня.

Вы уже три недели. Вы - настоящие танцоры Солнца» – сказали они, обещая молиться за нас. - «Мы будим просить наших богов послать вам попутный ветер». Ну, никак не должен был быть ветер попутным, – в этих краях он всегда дует с запада на восток. Но будто презрев все законы географии, он гнал и гнал нас вперёд, толкая и толкая в спину до самой Аризоны. Видимо знахари индейцев действительно желали нам доброго пути от всего сердца.

Дважды за путешествие нам пришлось сражаться со страшным ночным штормом, который, казалось, хочет унести нас вместе с палатками далеко за горы, как в старой сказке про Элли и Тотошку из Канзаса. По несколько часов приходилось висеть на стойках палатки, что бы ветер не поломал их, а он, забавляясь своей страшной силой, легко рвал верёвку, держащую стойки и почти сбивал с ног бьющихся с ним ребят.

На юге Юты мы два дня подряд поднимались в перевал, который преподнёс нам неожиданный сюрприз в виде холодного дождя и долгого спуска. Мы оставили дождь наверху, через пять минут спуска высохли, а потом долго-долго катили вниз, наслаждаясь режущей взгляд красотой гор. Мы любовались гордыми благородными оленями и антилопами, которые выходили из нетронутых человеком девственных лесов запада США прямо на дорогу и, закидывая рога далеко на спину и поднимая вверх морду с мягкими губами и чуткими ноздрями, кричали трубно, то ли приветствуя нас в своих владениях, то ли ругаясь за нарушенный покой. Преодолевая страну каньонов в Аризоне, каждого из нас не покидало чувство, что всё происходящее нереально и, казалось всё вокруг, - горы, каньоны, большие орлы и мы сами – персонажи какого-то сна – необычного, чуть волшебного, нереального. Казалось, что дорога, по которой проходит наш путь, лишь сейчас появилась здесь и тут же исчезнет, лишь мы проедем по ней, и останется позади только великий простор, необъятное расстояние и дикая красота. Как Франциско де Коронадо и его испанцы были поражены мы зрелищем, открывшимся нашим глазам, когда, совершив крюк по лесам, горам и резервациям более чем в 300 километров, мы вышли к Большому Каньону – чуду Природы, чуду, которое сотворили Вода, Ветер и Время. Шестдесят километров мы шли вдоль этого грандиознейшего провала Земли. Сила и величие красоты вновь повергли нас в дикий, неопикуемый восторг, заставляли взгляд вновь и вновь возвращаться на причудливо изрезанные водой и временем «внутренности» каньона.

Нас встречали почти повсеместно доброжелательным образом настроенные люди, удивляясь, что мальчишки так легко преодолевают эти тысячи километров, легко идут на контакт, умеют общаться, бережно везут флаг России. Глядя на моих ребят, американцы по-новому глядели на нашу страну. «Если Россия имеет ТАКИХ детей, это великая страна», - говорили они неоднократно.

Я счастлив, что работа и судьба связали меня с этими замечательными мальчишками. Я благодарен им за то, что они не дрогнули перед трудностями, не ныли и ни разу не уронили честь русского человека и честь флага там, за океаном, показав американцам настоящее лицо нашего народа....

Несколько эпизодов того путешествия я сейчас представляю на суд читателя.

Танец Солнца.

...Около тридцати километров пути до городка Рок Рапид, пролетаем за час, затем поворот на север, ещё десять километров и мы в штате Миннесота. Ветер подгоняет. Сегодня последний, самый главный день церемоний священного Танца Солнца у индейцев. Так хочется успеть! Вот появляется на горизонте городок Пайпстоун, цель сегодняшнего дня. Дорога бежит через самую, что ни на есть настоящую прерию. Сухо, скалистые останцы слегка возвышаются то тут, то там, среди волнистых холмов. По сторонам смотреть некогда. Выкатываем на улицы Пайпстоуна. С ходу проскакиваем городок и выезжаем на просёлочную дорогу. Она и ведёт нас дальше, к священному для

коренных американцев месту. Вот впереди и несколько в стороне от дороги показались островерхие палатки – типи, национальные жилища индейцев равнин. Лагерь надёжно укрыт от посторонних глаз холмами, охраняется надёжно индейской полицией. Не каждому дано увидеть священную церемонию, которая дошла до сего времени из глубокой древности. Просто так, постороннему человеку сюда не попасть. Как хорошо, что нас ждут здесь. Мне долго пришлось доказывать свои благие намерения лидерам индейцев. Столько писем, телефонных разговоров, времени потрачено... Стоп. Дорогу нам перекрывают, откуда ни возьмись взявшиеся длинноволосые, смуглолицые молодые мужчины. Индейская полиция. Индейцы. Само это название сразу же переносит воображением в недалёкую глубь истории. Смешно, но ждёшь перья и томагавки. Вместо этого, старший группы достаёт портативную рацию, связывается с лагерем, глядя на нас суровым взглядом, задаёт кому-то несколько вопросов. Выражение его лица смягчается. Он отходит в сторону и рукой показывает нам, что мы можем проехать. Дальше все события бегут с невероятной быстротой. Лагерь. На въезде знак о запрещении фото и видео съёмки. Заезжаем внутрь. Несколько оборотов педалей, и мы в центре индейского становища. Стоят по кругу типи – традиционные индейские жилища. Два десятка шестиметровых жердей одним своим концом установлены по кругу, на равном расстоянии друг от друга. Другие концы связаны вместе наверху так, что бы образовывался своеобразный конус, который и является скелетом будущего жилья. Накрыт весь этот каркас парусиной. В давние времена покрывкой служили шкуры бизонов. Каждая такая палатка расписана яркими красками. Палатки стоят по кругу, как и положено. В центре – костёр, вокруг которого разбросаны низенькие, странного вида, шалаши, неизвестного мне назначения. Всё это взгляд выхватывает сразу, одним махом. Перед нами неожиданно, как и полагается индейцу, появляется фигура. Это довольно пожилой мужчина – индеец. Представляется. Индейское имя ему – Одинокий Волк. Джинсы, майка с изображением волка и мокасины составляют его наряд. Лицо покрыто морщинами. Странно – морщины не старят его. За стёклами очков скрыты выразительные глаза, необычного, для индейца, серого цвета. Взгляд спокойный, рассудительный и чуть снисходительный. Он должен помочь нам разобраться в происходящем. Ставим велосипеды в кучу, сбрасываем рюкзаки, камеру, фотоаппараты – их тут никто не возьмёт – снимаем обувь и устремляемся туда, откуда доносится бой барабанов. Проходит всего несколько секунд, и мы попадаем в священный круг. Бог мой, мы на самом, что ни на есть, языческом обряде! Подумать только. Это ведь не кино! Как будто ожившие персонажи давно прочитанного романа Купера перед глазами. В центре священного круга стоит дерево, с обрубленными нижними ветвями. Круг немаленький – метров сто в диаметре. Имеет четыре входа-выхода, по числу стран света. По периметру круга, выложенного кусками священного камня, проходит тропа, которую, скорее всего, можно назвать колеёй, протоптанную многими и многими людьми. Много лет подряд в этом месте проходит этот обряд. Много лет, приносящие жертву Солнцу люди, ходят и ходят по этому священному кругу, волоча за собой черепа буйволов. Таков уж этот обряд. Знахарь долго готовится к нему, проходит множество очистительных церемоний, прежде чем посчитает, что готов послужить Солнцу. В двух местах на спине под лопатками пробивается кожа и верхний слой мышц, через надрезы протягиваются ремешки, к которым прикрепляются черепа буйволов. Нелёгкие они, каждый весит порядка 12 – 15 килограммов. Долгих четыре дня без еды и питья знахарь везёт их за собой. Мы встаём в круг. Рядом с нами индейцы – мужчины, женщины. Они танцуют. Танец несложный – переступай с ноги на ногу в такт барабанному бою и пронзительному пisku свистков, которыми «вооружены» участвующие в церемонии люди. Четыре человека непрерывно бьют в огромный барабан и выводят высокими гортанными голосами, странную для уха мелодию. Дикую мелодию, пришедшую из глубины веков.

Мы пытаемся петь вместе со всеми песню, которая должна помочь знахарям. Слова не понятны, мы лишь мычим нечленораздельно, стараясь сохранить нехитрый мотив. Вместе

со всеми поднимаем вверх руки, будто прося у Солнца помощи для них, тех, кто сейчас находится в самом центре внимания. Вот главный знахарь – Клод Белькур проходя по кругу, подходит к тому месту, где мы стоим. Ясно видны надрезы на спине и кровь, которая стекает вниз, к поясу. Он устал. Шутка ли, четвёртый день такого напряжения! Я сам в страшном возбуждении от увиденного, а мальчишки стоят просто с открытыми ртами. Вряд ли они способны в этот момент ясно соображать. У меня всё это действие как-то в голове не укладывается, а уж для них, пятнадцатилетних, всё происходящее, конечно, не поддаётся никакому описанию.

Мы танцуем вместе со всеми час, другой, третий. Наступает кульминационный момент. На тропе Священного круга остаётся один человек, - главный знахарь. Он должен освободиться от своей ноши. Освободиться он должен сильным рывком, разорвав кожу надрезов. У входа в священный круг знахарь останавливается, собирается с силами и бросает своё тело вперёд! Ремни натягиваются, кровь брызжет из надрезов, черепа движутся вперёд, попытка неудачна. Всё лицо Клода покрыто огромными каплями пота, бой барабанов переходит на ожесточённый ритм, все, стоящие в кругу люди опускают руки со стоном. Мы тоже там, вместе с ним! Три раза знахарь повторяет свою попытку, три раза его постигает неудача. Силы его на исходе, но он собирает всё своё мужество, и продолжает движение. На салазки садятся женщина и два ребёнка. Нужно усилить вес груза. Это разрешено. Вот Клод приготовился, собрался с духом, рванулся, что есть сил! Раздался треск, от которого стало больно даже нам, стоящим в стороне, сторонним наблюдателям, пришедшим из другого мира. Клод удержался на ногах после этого рывка. Честь ему, и хвала. Вздох облегчения и затем радостные крики пролетели над священным кругом. Черепа остаются на месте! Неподдельная радость охватывает всех, кто помогал знахарям пройти испытание. Мы кричим вместе со всеми слова победы. Главный распорядитель обряда Денис Бенкс объявляет во всеуслышание, что на церемонии присутствуют русские ребята. Что они приехали сюда не на машинах, а дошли своим ходом на велосипедах. Буквально рёв восторга сопровождает его слова. Гордости нет предела, а распорядитель сразу включает нас главными действующими лицами в церемонию выкуривания трубки. Вот это честь! Поучаствовать в церемонии, которая известна любому человеку, читавшему книги об индейцах. Каждый из нас получает трубку, набитую листьями полыни. Полынь особого вида, она применяется индейцами равнин уже не одно столетие. Мы должны пронести трубку по кругу и предложить каждому взять её в руки. При этом барабаны продолжают греметь, свистки – свистеть, все движения в церемонии текут по строго определённом сценарию. Мелькают лица. Женщины, мужчины, кровавые потёки, улыбки. Свистки, барабаны, серьёзные лица, священные трубки, перья орлов. Охватить сознанием всё сразу не получается. Да и не надо. Это потом, по прошествии некоторого времени мозг сам разложит всё по своим местам, своим полкам. А сейчас хочется просто запечатлеть всё как можно ярче в своей памяти. Церемония закончена. Остаётся только поблагодарить всех. Это тоже обязательная часть обряда. Все присутствующие выстраиваются длинной змейкой и, начиная с первого человека, начинают двигаться навстречу друг другу. - «Мингвейч», произносит каждый. На языке народности чиппева, это обозначает «Спасибо». Мы говорим на языке чиппева и добавляем своё русское «спасибо». Индейцам приятно произносить доброе, незнакомое слово. Они с удовольствием повторяют его ещё раз и ещё. - «Вы можете снимать теперь сколько угодно», - говорит Денис Бенкс, - «возьмите с собой священный камень на свою далёкую Родину». И добавляет: - «Сейчас, по обычаю наших Отцов будет большой пир. Вы все приглашены. Ночевать можете в любой палатке – типи». Ну что ж, неплохо. Хватаю камеру, фотоаппарат и бегаю по всему лагерю, снимая всё, что можно. Мальчишки ходят по лагерю, знакомятся с его обитателями, общаются. Их приглашают к себе то одна группа людей, то другая. Пользуясь предоставленной возможностью, они выбирают себе осколки камня. Это особый вид камня, что-то среднее между спрессованной глиной и сланцем. Он мягкий настолько, что

довольно легко режется обычным ножом. Испокон веков здесь, в этих местах его добывают индейцы равнин. Именно для изготовления священных трубок. В прежние времена здесь даже войны прекращались между племенами. Само название городка «Пайпстоун», переводится как «трубочный камень».

Напряжение от всего увиденного за день, постепенно проходит. Набираем еды. Она разнообразна, и, что интересно, есть национальные блюда. Да, индейцы большие гурманы, впрочем, как и остальные американцы. Мясо бизона и арбуз, сладкий салат и жареная курица. Теперь, когда всё закончилось, можно неспеша поесть и, наконец, как следует осмотреться. Лагерь находится буквально на границе небольшого национального парка, который носит то же название, что и городок – «Пайпстоун». Узенькая заасфальтированная дорожка, по которой мы отправились спустя некоторое время, вывела нас поначалу к музею, в котором собраны образцы древних трубок индейцев, а затем к водопаду и скалам, состоящим наполовину из этого священного камня. Всё вокруг находится в первозданном состоянии. Кажется – покопайся здесь, в этой земле как следует, найдёшь и трубки, и наконечники стрел и ещё много всякой древней всячины.

Вечереет. Многие индейцы покидают лагерь. Сворачивают палатки, грузят свои вещи на машины – пикапы и уезжают. Но убрать следы своего нахождения здесь нелегко, и большая группа людей останется здесь ещё на два – три дня. Мы тоже остаёмся на одну ночь. Завтра с утра пораньше отправимся дальше, на запад. Солнце медленно заходит за горизонт, линия которого находится в бесконечной дали, за волнами холмов. Несколько высоких деревьев, лениво шелестя листочками, посматривают, то на нас, то на заходящее солнце. Тишина.

Ураган.

Кто-то мягко, но с необычайной силой попытался сдвинуть меня с места. Это ещё что такое? И что это за дикие крики раздаются снаружи? Приподнимаюсь и окончательно прихожу в себя. Весь двойной слой боковой стенки палатки, подчиняясь немыслимой силе, пытается отбросить меня в центр. Металлические дуги, которые держат свод, согнулись почти до земли, потеряли форму и готовы вырваться из своих гнёзд. Вскрываю, прогнав остатки сна этим стремительным движением, и, стараясь противостоять мощи ветра, выгибаю дуги обратно. Моих усилий явно недостаточно. Но мальчишки начеку, их ветер не помиловал, - разбудил. Они без слов включаются в работу. Саша Воронков упирается, что есть сил в дуги с противоположной мне стороны, Женёк держит боковую стенку, а Саша Медведев бросается на помощь мне. Совместными усилиями нам удаётся спасти наш дом от натиска ветра.

- Стойку держи, скорее! – слышу я, как, стараясь перекричать вой ветра, командует кому-то Лёша. – Унесёт нас сейчас!

Выскакиваю из палатки наружу. Сильнейший порыв ветра почти сбивает меня с ног. Что бы устоять пригибаюсь к самой земле. Не вижу велосипедов. Они стояли здесь, перед входом в палатку. Ладно, некогда сейчас разбираться. Всё небо на юго-западе залито мерцающим светом молний. После очередной вспышки наступает густая, вязкая темнота. Крики мальчишек гаснут в вое и грохоте ветра. Бах! Верёвка, которая держит одну из стоек, лопнула. Надо хватать фонарь, искать запасной шнур. Надо скорее ставить стойку на место! Скорее, скорее. Холодно. Вот и шнур. Олег и Лёша изо всех сил держат стойки, Рома и Дима держат палатку изнутри. Выпрямляем стойку с Олегом, прикрепляем новый шнур. Шарю по траве, ищу колышек, он должен быть где-то здесь. Ромка выскакивает мне на помощь, подсвечивая фонариком. Тьфу ты! Батарейки на исходе. Свет тусклый – тусклый. Неожиданно яркая вспышка молнии освещает поляну. Вот он, колышек. Набрасываю петлю на его конец, хватаю что-то довольно тяжёлое в руку и пытаюсь вбить колышек. П-хх-шш! Это алюминиевый баллончик с жидкостью от комаров. Ещё днём нам

раздали такие баллончики индейцы, предупредив, что вечером бывает много moskitov. И вот сейчас он буквально взорвался у меня в руках, едва я успел глаза закрыть.

- Камень давай! Скорее! – это я кричу Роману, но он уже без всяких указаний несёт увесистый булыжник. Раз, и колышек крепко забит. Быстро оббегаю вокруг палатки, проверяю ещё раз крепёж палатки. Олег с Лёшей ныряют внутрь и уже оттуда придерживают стойки. Я замёрз, но отказать себе в удовольствии посмотреть по сторонам во время самого, что ни на есть настоящего урагана, не могу. Группка деревьев, так нехотя и лениво шевелящие листочками вчера вечером, сейчас мужественно сопротивляются бешеному натиску ветра. У ближайшего к нам дерева ствол согнулся дугой, ветки кроны собрались в одну громадную щепоть и, похоже, не собираются уступать. В лагере суматоха. Кто-то из обитателей спешно грузится в машины, бросая на произвол судьбы свои палатки, и пытается уехать. Машины с трудом передвигаются вперёд. Дорога узкая и вот одну из машин ветер разворачивает поперёк дороги. Пробка. Паника. Похоже, только мы и наш сосед – Одинокий Волк со своей семьёй, ведём себя довольно спокойно. Нет. Вот кто-то пришёл на помощь паникёрам, расставляет по местам мечущихся туда - сюда людей. Всё, вроде бы полный порядок.

Откуда-то сверху с ужасным воющим гулом налетает новый порыв ветра. Едва успеваю запрыгнуть в палатку, как ещё более сильный шквал обрушивается на неё. Что происходит снаружи, я уже не знаю. Мысль одна – надо как-то устоять. Между порывами ветра успеваю удостовериться, что всё в порядке у мальчишек из соседней палатки. Им тяжело приходится, но они держатся. Молодцы. Ветер стихает совершенно неожиданно и больше никак не напоминает о себе. Близится утро, скоро светать начнёт. Больше двух часов ветер куражился над нами. Что ж, похоже, это предупреждение древних индейских богов, – не задерживайтесь, мол, на этом священном месте, езжайте дальше с миром. Будьте покойны, ни на минуту лишнюю не останемся. Дайте нам немного отдохнуть и уж завтра мы постараемся убраться отсюда подальше. Всё. Проваливаюсь в сон.

Глава четвёртая. Путевые заметки. Китайским маршрутом.

В эту загадочную страну стремился ещё древнегреческий учёный, отец географии Геродот. Именно он оставил потомкам полусказочные описания восточных стран, окутал Восток дымкой тайн, и его описания до сих пор будоражат головы людей. Сюда, после долгих странствий добрался знаменитый венецианец Марко Поло, рассказами своими несколько не уменьшив интерес к этой стране. Волшебная империя Хань влекла к себе отважного Христофора Колумба и величайшего русского путешественника Николая Михайловича Пржевальского. Страна изобретателей пороха и компаса. Страна величайших строителей и путешественников, врачей и астрономов. Мне удалось пройти на велосипеде через весь северо-восток современного государства, пройти своим ходом от побережья Жёлтого моря до Забайкалья. Конечно, Н.М. Пржевальскому приходилось труднее, ведь не было в те времена столь хороших дорог, что пересекли страну в настоящее время. Но ведь и я не на автомашине путешествовал. Посвятил эту поездку 150-летию Русского Географического общества и всем русским географам – путешественникам. Первоначально хотелось пройти маршрутом от Жёлтого моря до своего посёлка, но получение визы несколько затянулось, и в итоге пришлось отправиться в путь месяцем позже. Я набил добрую половину сумки сувенирами – деревянными ложками и другими безделушками, упаковал тщательно велосипед и восточный экспресс помчал меня на восток в Пекин. Я покочесил по Великой Китайской равнине, взбирался на Великую Стену, купался в Жёлтом море и в Сунгари, пересёк хребты Большого Хингана. В Китае случилась масса интересных приключений, встреч, случаев. Находясь в гостях, я ел деликатес по-китайски – тухлую рыбу, едва сдерживая приступы тошноты. Незнание языка завело меня в китайский сумасшедший дом, а в одном из районов я был задержан полицейскими и доставлен в участок, как оказалось лишь для того, чтобы просто

попить чаю с начальником полиции и поговорить о наших державах, вспомнив Сталина, Мао и Ленина. Уже в самом конце путешествия, во время перехода Российско-Китайской границы, какой-то китаец-торговец, получив утвердительный ответ на вопрос, понравилось ли мне в его стране, спросил о том, где же лучше, на мой взгляд, - в Китае или России и был очень рад моему молчанию.

В сборник я решил включить два небольших рассказа, написанных после этого путешествия.

Покупка.

Во всех частных лавочках и магазинчиках идёт бойкая торговля. Китайцы торговаться любят, просто невероятно! Называют цену сначала в три – четыре раза больше, чем стоит объект продажи. И, кажется, абсолютно теряют интерес к человеку, который берёт у них товар, не торгуясь. Я брал какую-то безделушку в одной из лавчонок. Мне удалось сбросить начальную цену раз в десять. И даже на самого себя со стороны смотреть было смешно, так всё выглядело. В той лавке, которая привлекла моё внимание, в глаза в первую очередь, бросился товар. Это различного рода статуэтки, подвески, и тому подобные объекты продажи. Они расставлены и развешанные таким образом, что на них падает нужное количество солнечного света. Краски яркие и выразительные. Сам продавец остаётся как бы на заднем плане. А уже потом, когда он видит, что заинтересованный покупатель останавливается перед лотком и начинает что-то с интересом рассматривать, он появляется из тени, со своей хитрой физиономией. И начинается торг. Стою, смотрю, выбираю. Фигурки интересные, скорее всего ручной работы. Раскрашены красиво. Продавец следит за моим взглядом, и ловко выхватывает из груды изделий именно ту фигурку, которая меня заинтересовала.

- Ловко у тебя получилось, - говорю ему по-русски, он, естественно, кивает головой в знак согласия и тут же начинает тщательно упаковывать фигурку китаец-музыканта. – Стоп, стоп, - я останавливаю его движением руки, - сколько? – и я показываю ему пальцами руки, собранными в шепот жест «стоимость», широко известный и применяемый в нашей стране. Не понимает, приостанавливается чуть, кивает головой и вытащив из под стола ещё один лист бумаги продолжает старательно закутывать статуэтку.

- Юаней сколько? Хау мач? – и я показываю на калькулятор. Китаец опять улыбается, кивает головой и быстро выбивает цифру «20».

- Пакс, - говорит он.

- Двадцать долларов, ты что, спятил? – кручу у виска пальцем, стараясь разыграть настоящее возмущение. Он улыбнулся, как мне показалось, предвкушая интересное представление, и предложил назвать свою цену.

- Один доллар, - говорю, - ван бакс, - и для того, что бы быстрее дошло моё предложение до китаец, поднимаю вверх указательный палец. Китаец даже ладошки потёр друг о друга с удовольствием.

- Нет, - говорит, - ты большой, белый господин, а вещь дороже стоит. Доллар, очень маленькая цена.

- Я из России, - говорю, – я не господин, и у меня мало денег, – и делаю вид, что собираюсь уходить.

- Ну, ладно, тебе, как русскому скидка, – и показывает мне на калькуляторе сначала десять, потом шесть, четыре доллара. Видя, что я смеюсь и никак не реагирую на его коммерческие выходки, сбрасывает цену до двух долларов. Я достаю из кошелька пять

юаней, что соответствует примерно пятидесяти центам и протягиваю их владельцу лавочки.

- Нет, ты же говорил, что твоя цена доллар, - с очень хорошо разыгранным негодованием доказывает мне торговец. К этому моменту я уже как-то подробно и внимательно рассмотрел его. Он невысокий, с очень коротенькой стрижкой и лукавыми глазами, одетый в не броскую одежду коричневого цвета. Китаец, и есть китаец! Глаза узкие, ежесекундно улыбается, отчего мелкие-мелкие морщинки разбегаются веером от края глаз к вискам. Куртка висит на нём, как на плечиках вешалки, а рука в запястье настолько тонкая, что кажется переломить её не стоит никакого труда. «Как он руки себе не поломал до сих пор? И вообще, в чём у него душа держится?»

- Не хочешь, дело твоё, - говорю я, и делаю вид, что собираюсь уходить. На третьем или четвёртом шаге тот меня догоняет, просит остановиться и принимает условия. Мне эта статуэтка была не нужна, я просто так, ради интереса и из любопытства затеял всю канитель. Но теперь уж отступать нельзя. Протягиваю ему пять юаней, а он мне статуэтку. Благодарим друг друга и расходимся. Я иду дальше, мой велосипед рядом, держу его за руль, везу, сам смотрю по сторонам. Странно. На каком языке мы разговаривали? Смесь никуда не годного английского языка и жестикуляции? И познания в английском языке у нас с китайцем, были примерно одинаковы. Послушала бы в этот момент меня моя мама – учитель английского, пожалуй, двойку бы постеснялась поставить. Но, тем не менее, мы с продавцом поняли друг друга, цель достигнута.

Консилиум.

Сбился таки я с пути. Унесло меня на запад, туда, где шарит своими шупальцами великая пустыня Гоби. Широкие валы из серого песка и щебня выстраиваются друг за другом, иногда переметая дорогу. Тогда приходится останавливаться и вести велосипед вповоду, узкие колёса режут песок, вязнут глубоко, нарушают ритм движения, заставляя напрягаться изо всех сил. Ветер поднимает вверх тучу пыли и крупнозернистого песка, который забивается в карманы куртки, ложится на смазанную цепь толстым слоем, отчего та проворачивается с хрустом и стеклянным скрежетом. Песок забивается в глаза, хочется прикрыть их на китайский манер, превратив в узкие щели. Ухищрения не помогают. Несколько минут движения и опять нужно доставать платок и протирать глаза, губы, лицо.

Карта на непонятном языке, - на китайском, попробуй разбери эти иероглифы! Вот и увела меня дорога далеко в сторону, в места, где светлокожий человек – редкость. То-то смотрю я, в редких деревеньках смотрят на меня, как на чудо. То, увидев, как это было вчера вечером на въезде в маленькую деревеньку, кричать возьмутся во всё горло, размахивая руками, заставляя криком выскакать всех жителей из домов, и всем скопом возьмутся пальцами на меня показывать, то, прямо на дороге велосипедисты завал устроят, как было сегодня утром. Ехали в школу старшие школьники на двухколёсном транспорте. Здесь, в этих краях, школы не в каждом селении и школьники садятся утром на велосипеды, сумку с книгами – на плечо и крутят на занятия, кто быстрее. Я встал сегодня рано, задолго до восхода - не спалось что-то под утро, и попал в самый разгар утреннего велопотока. Мальчишки меня обступили прямо на ходу, педали крутят изо всех сил, в глазах удивление, рты раскрыты – так и устроили столкновение, человек шесть или семь с велосипедов попадали, а один из них даже с дороги улетел в кювет кувырком. Как жив остался только!?

Но дороги и здесь неплохие, да что там, хорошие дороги. На столбиках только арабские цифры пропали, вместо них всё те же иероглифы. Дома глиняные, не из сырца-кирпича, а попросту из глины. Замешивают в огромном корыте лопатами глину с соломой, потом зачерпывают эту смесь и заляпывают стены избы своей китайской. Как в сказке с зайцем и

лисой, и их жильём – лубяным и ледяным. Только здесь вместо льда глина, а мы русские в этой новой сказке сейчас, похоже, место зайцев занять готовимся?

Да, точно не туда меня ведёт дорога, и в очередной деревеньке она ещё и расходится на две стороны. Выручают молодые, увязавшиеся за мной на стареньком мотоцикле ребята. Сначала мы вместе поднимаемся в недлинный крутой подъём, и останавливаемся наверху, среди небольшой тополиной рощи. Я сажусь есть купленный в придорожном магазинчике виноград, подстелив свёрнутый рулоном полиуретановый коврик, мальчишки – попутчики садятся рядом, отказываясь разделить со мной лёгкую трапезу, и всё только смотрят на мою бородатую физиономию с восхищением, показывают пальцами на свои и мои глаза и бормочут что-то, только им понятное. Задирают рукав моей майки и сравнивают цвет кожи, подставляя поочерёдно каждый свою руку, удивлённо цокают языками, переговариваются скороговоркой, улыбаются мне дружелюбно.

- Да, такой же я человек, как и вы, чего удивляться, - раскидываю перед ними карту и показываю нужный мне город, надеясь на помощь.

- Да, да, - кивает головой один из них, лохматый и в майке-безрукавке, вскакивает неожиданно, активно жестикулирует руками всем видом показывая, что я свернул в нужном направлении. Второй, полненький, стриженный «под бокс» дёргает его за штанину и что-то начинает говорить, проглатывая слова. «Лохматый» садится, хмурится, почёсывает переносицу, смотрит на меня и мой велосипед с озабоченным видом, затем машет рукой, не соглашаясь. Всккивает и вновь начинает что-то доказывать и своему оппоненту, и, видимо, себе самому. Они склоняются все трое над моей картой, что-то вымеряют, высчитывают, спорят. Наконец, видимо согласившись друг с другом, рукой показывают общее направление предстоящего мне пути. Я еду верно, и ещё километров сто проеду легко, но дальше.... Дальше третий, молчавший до сих пор парень, хватается прутик и рисует на земле схему дорог.

- Вот место, где мы находимся, вот городок Шанглин. До него ещё далеко, но он будет, если ты свернёшь здесь и здесь, – прутик оставляет на песке чёрточки, линии, кружочки. Дальше крупная река пересекает мой путь. Моста нет, и как мне переправиться в том месте, они не знают. Мальчишки угощают меня напоследок сливами и бананами, я дарю им по деревянной ложке на память и мы расстаёмся.

День пути и вот я в городке Шанглин. Некоторое время еду вперёд, ориентируясь по солнцу – у меня нет подробной схемы города. Всё. Надо останавливаться и выяснять дорогу. Останавливаюсь прямо в центре небольшой площади, приспособленной под рынок, и обращаюсь с вопросом на языке жестов к какому-то китайскому гражданину. Тот хватается мою протянутую для рукопожатия руку двумя руками, трясёт её, как хороший массажист, одновременно оборачиваясь и крича что-то. Вмиг, побросав свои места, ко мне устремляются десятки торговцев. Хлопают по плечам, улыбаются, в восхищении читают сопроводительное письмо на китайском языке, которое я предварительно взял с собой в дорогу. Каждая фраза письма шумно обсуждается, а тот китаец, к которому я обратился вначале этого разговора стоит, важно выпятив грудь, время от времени обнимая меня за плечи, пожимая руку и снисходительно поглядывает по сторонам. Я, мол, для вас его открыл, я вас всех с ним познакомил! Вдруг он озабочено хмурит лицо, задаёт мне вопрос и бросает тот же вопрос в толпу. Что тут началось! Загудела толпа, как есть потревоженный неумелым пасечником-пчеловодом улей. Через толпу протискивается боком невысокого роста, плотненький мужчина в очках, шляпе-монголке, с широким, приветливым лицом, сияющим от удовольствия. Он важно приближается ко мне:

- Страстуйте! – и спешит пожать руку. «Ура», думаю «есть человек говорящий на русском».

- Здравствуйте, очень рад услышать человека, владеющего русским языком здесь, в самом центре Китая, – толпа чуть притихла в ожидании. Смотрят люди с интересом, их глаза горят, у ближайшего ко мне человека рот открыт, и даже кончик языка выглянул наружу. Как же, - есть толмач!

- Как посиваете? Карасо. Плоко. Мы труся. Русский карасо. – Понимаю, что весь известный ему запас слов иссяк. Он же оборачивается лицом к толпе. Самодовольная улыбка на лице, снисходительно смотрит на стоящего рядом со мной китайца, того, первого с кем я заговорил на площади. Люди рады, их соотечественник свободно, как им кажется, разговаривает с чужестранцем. Они взрываются объяснениями, каждый спешит высказать именно свою точку зрения на преодоление ожидающих меня впереди трудностей. Мой добровольный переводчик рукой останавливает споры, достаёт лист бумаги и начинает что-то рисовать. Каждая проведённая им линия встречает гром аплодисментов и радостных криков. Ближайший ко мне китаец «переводит» на язык жестов значение появившихся на плане линий. Вот, я понимаю, река. Моста нет. Есть лодка, вёсла. Я подхватываю игру языка жестов, хватаю невидимые вёсла и начинаю «грести». Толпа восторженно кричит, визжит, кивает головами. На рисунке появляется паром. Ясно, они чертят путь к паромной переправе. Через несколько минут план-схема готов. «Переводчик – толмач», как окрестил я дядечку в монголке - самый активный из помощников торжественно, под одобрительный гул толпы, вручает мне листок. Несколько человек садятся на велосипеды – они хотят показать мне дорогу на выход из города. Что сказать этим людям так, что бы все поняли?

- Ай лав ю! - нарушая правила английской речи кричу и поднимаю обе руки вверх. Делаю руками движение, как будто хочу их всех обнять. А затем отвешиваю исключительно русский поклон и говорю на русском языке слова благодарности. Замечаю на багажнике бананы и виноград, когда они здесь появились? Целый час меня сопровождают добровольные провожатые, затем машут руками и поворачивают назад. Я снова один, еду и еду вперёд, навстречу новым приключениям, новым встречам, пытаюсь разобрать суперкроссворды из китайских иероглифов.

Июль 2006 года.

Глава пятая. Путевые заметки. В Америке.

Прогресс неумолим, как любят говорить экономисты. Благодаря ему сама суть путешествий видоизменилась. В моих рассказах ничего сенсационного нет и быть не может, ведь я просто еду на велосипеде, и просто кручу педали. Это способ, который даёт мне возможность понять самого себя, понять людей, с которыми сводит дорога, увидеть сохранившиеся традиции, обычаи. Многие люди мечтают в юности узнать как можно больше о своих неосознанных, неиспытанных возможностях. Чаше всего вопросы эти остаются открытыми навсегда. По моему великому убеждению именно велосипед даёт уникальную возможность прочувствовать просторы равнин и высоту гор, увидеть смену природных зон и климатических особенностей, и при этом относительно быстро передвигаться. На велосипеде по Америке я накрутил более двадцати тысяч километров. Побывал в гостях у всамделишных ковбоев, участвовал с индейцами апачи, лакота и навахо в тайных и священных церемониях, пересёк страну каньонов и больших кактусов. Спускался в самую глубокую впадину на североамериканском континенте – Долину Смерти, где даже в феврале температура воздуха выше тридцати градусов. Пересёк Долину Памятников, где изрезанные временем, ветром и водой стоят посреди пустыни скалы – останцы, будто красные крепости, встающие на пути у времени. Я ходил между гигантских секвой, сохранившихся в Сьерра-Неваде, на юго-западе материка подобно Гулливеру, попавшему в страну великанов посекудно задирая голову вверх, пытаюсь разглядеть в высоте макушки деревьев-гигантов. Казалось, вот-вот появятся таких же размеров люди и тут же оживёт старая сказка. Старинная дорога вывела меня к форту Росс, который был когда-то, воздвигнут русскими землепроходцами на севере Калифорнии. Часа два я переходил из башни в башню, от пушки к пушке. И вдруг случайно набрёл на находящееся далеко от стен форта старинное кладбище, существующее со времён первых поселенцев. И здесь, под его православными крестами я,

в общем-то, неверующий, ощутил себя до самых костей русским человеком, и дождь, который всё лил и лил смывал с лица слёзы, появившиеся неизвестно откуда, но которых я почему-то не стыдился в этот момент....

Эти небольшие рассказы не более чем выдержки из путевых дневников.

На закате.

Будто нарочно кем-то расколота надвое и лишённая одной половины вершина, неестественно торчащая из могучего основания горы, щедро окрасилась золотом солнечной краски. Солнце огромной лучистой кистью мазнула по гладкой поверхности излома, задержалась на нелепой макушке и, словно утомившись работой, нырнуло в море, унося с собой в далёкую глубину дрожащее алым цветом пламя вечерней зари.

Два человека в этот час стояли в молчании на берегу. Вот уже зоря стала похожа на далёкий отсвет затухающих угольков, а они всё стояли не шевелясь, не нарушая невольным движением стремительно охватившую всё вокруг тишину.

- А правда Бог даёт хорошую жизнь христианам?

Мужчина, к которому был обращён вопрос, повернул сначала голову, а затем полностью развернулся к неожиданно возникшему собеседнику. На него смотрели способные вобрать в себя весь мир, огромные глазищи десятилетнего мальчишки. Лоб мальчика был напряжён желанием услышать ответ и непременно разобраться с вопросом.

- Бог даёт хорошую жизнь всем, - слегка улыбнувшись, ответил мужчина, - ибо он – Творец и всё, что существует на Земле дело его рук. Как зовут твоего кота? – указывая на удобно расположившегося на руках у мальчика огромного серого кота, спросил мужчина. Лениво свесив лапы и бросив верёвкой хвост, кот дремал, время от времени приоткрывая на всякий случай жёлтый глаз и осматриваясь пронзительно - настороженным взглядом.

- Дымок, - выдохнул мальчик.

- Ты любишь его?

- Конечно, - лицо мальчика озарилось светлой улыбкой. Он ласково посмотрел на кота и, подняв голову, вновь вопросительно взглянул в глаза собеседника.

- Видишь, какую хорошую жизнь дал Бог твоему коту, - у него есть такой добрый хозяин. Складки на лбу у мальчика расправились. Он ещё раз посмотрел на своего кота, на мужчину, который опять повернулся лицом к морю и опять стоял, устремив взор на почти погасшую у горизонта зарю. Мальчик бросил взгляд туда, где несколько минут назад висело над горизонтом солнце и, улыбнувшись, развернулся к затухающей заре. Он знал теперь, что счастье выбирает человека не по происхождению и не по цвету кожи, и что жизнь сама по себе – это уже великое счастье.

Тишина окончательно окутала их, двоих, затерянных в бесконечности.

Май 2006 года.

Церемония.

Аризона встречает меня недружелюбно. Беснуется ветер, швыряя в ярости огромные пригоршни ярко-белого снега на красные скалы. Радует, если удаётся укрыть от глаз огненные скальные выступы, диким хохотом оглашая стены каньонов. Рыдает от бессилья перед незыблемостью гор. Подхватывает меня, одинокого путника-велосипедиста и несёт вперёд на десятки километров, а то, наоборот, встаёт преградой на пути, осыпает дождём и снегом, заставляя вновь почувствовать себя ничтожной букашкой по сравнению с ним – ветром – хозяином пустынных мест, свидетелем минувших времён. Начало марта. Три дня назад я изнемогал под жарким солнцем южной Аризоны. Обнимался с гигантскими кактусами, и, не в силах бороться с почти летним зноем, пил и пил воду в невероятном количестве мгновенно уничтожая её запасы в своих походных сумках, а сейчас, надев всю

тёплую одежду, я с трудом пробиваюсь сквозь ветер, дождь и снег на север, к индейцам навахо. Там, в индейском центре, ждёт меня интересная встреча со старой культурой....

...Перья, иногда орлиные, большей частью гусиные подкрашенные под орлиные, фразы на гортанном, с резкими остановками языке. Стены, расписанные гордыми орлами с распротёртыми крыльями, изуродованные алкоголем лица, тела, не знакомые с физкультурой. Я в центре национальной культуры индейцев навахо. День насыщен до предела. Вечер. Пытаюсь тщательно записать всё, что увидел, услышал, стараюсь ничего не упустить. Суетливый топот и глухой звук ритуального барабана, несколько вопросов на навахо за прозрачной перегородкой неожиданно отвлекают меня....Наверняка будет что-то интересное. Хватаю камеру, на ходу вынимая её из футляра, бегу. Четверо молодых индейцев что-то упорно доказывают пожилому человеку с угрюмым лицом. Тот хмурится, отрицательно машет головой, затем выплёвывает фразу соглашаясь. Молодые хватают барабан, довольные выходят. Иду за ними. Их четверо. Три парня и девушка. Выходят во двор, устанавливают довольно массивный, - поперечником в метр барабан, изготовленный из конской шкуры. Садятся вокруг, ставят банки с кока-колой рядом, поют высокими голосами. Песня, видимо древняя, на языке навахо. Бьют в барабан. Наблюдаю за девушкой. В одной руке колотушка с мягким набалдашником, в другой – сигарета. Затяжка между своеобразным куплетом, смачное отхаркивание, плевков, глоток колы, снова затяжка, продолжение «куплета». Рука продолжает бить в барабан. А девушка стройная – плечи прямые, спина гибкая, лёгкий поворот головы.... Остановка. Снова кола. Отхаркивание, плевков, «куплет», затяжка. Мой интерес пропадает. Ничего не могу поделать с собой, пропадает интерес. Почему-то грустно. Укладываю камеру на место, некоторое время ещё стою. Смотрю, слушаю. Возвращаюсь назад. Опять достаю записную книжку....

Июнь 2006 года.

Традиционная культура.

- У тебя голубые глаза, русский. Ты настоящий белый, - индеанка Сьюзн, женщина средних лет сидит рядом со мной на стуле и чуть насмешливо смотрит мне в глаза. – Что привело тебя сюда в наш центр?

Мы сидим на обязательной утренней церемонии в центре индейской культуры городка Гэллап. Мы, это группа индейцев народностей навахо и апачи человек в шестьдесят, и я, гость центра. Те люди, что сидят рядом со мной, приходят сюда, в этот центр в последней надежде выбраться из глубочайшего депрессивного или алкогольного кризиса. Надеются, что здесь им не дадут сгинуть бесследно. Их подкармливают за счёт центра, и, напоминая об их индейском происхождении, заставляют принимать участие в различных традиционных церемониях. Сегодня утреннюю церемонию ведёт шаман Франклин – довольно крепкого телосложения, семидесятилетний индеец навахо. Именно по его приглашению я, собственно, и нахожусь здесь. Франклин пытается разбудить интерес индейцев к так называемому, традиционному мировоззрению, которое включает в себя целый комплекс из индейских верований, отношения к людям и природе. Сегодня Франклин рассказывает о том, как он слушал ветер ранним утром, наблюдал полёт ворона, смотрел на восходящее солнце. Шаман говорит на английском языке, ведь не каждый из сидящих перед ним индейцев понимает родной язык. Они слушают не перебивая, изредка улыбаются, или бросают короткую реплику, поглядывая на часы – время завтрака приближается.

- Что привело тебя сюда в наш центр? – Сьюзн огромной бесформенной массой полулежит на стуле, её костыли лежат рядом. У неё больные колени, но едва ли медикаменты поставят её на ноги. Действительно, что привело меня сюда?

- Я изучаю вашу культуру. Люди должны знать друг о друге как можно больше, поэтому я здесь, у вас, – смотрю на Сюзн но глаза её не меняют выражения. Меня

неожиданно поддерживает Франклин. Он рассказывает обо мне, поясняет цель моего визита, объясняет, что Россия, это не штат Америки, а государство за океаном.

- Неужели ты приехал сюда из самой России? - берёт меня за рукав сидящий слева человек. Высокий, пожалуй, метр девяносто ростом, в чёрной вельветовой рубашке, заправленной в джинсы, в бейсболке и с жёлтым платком, повязанном по-пионерски вокруг шеи. Волосы седые, стриженные. - Паул Йелоухорс, я апач, с верховьев реки Джилла, - он протягивает мне ладонь для рукопожатия, - из самой России к нам, в резервацию?!

- Да, я читал много книг об обычаях твоего народа, о вашей жизни. Я хочу увидеть всё своими глазами.

- У тебя странного цвета глаза. У индейцев нет таких глаз. Расскажи мне о своей стране.

- Звонок, зовущий на завтрак прерывает наше знакомство. Индейцы встают и спешат занять очередь в столовую.

После завтрака мы продолжаем разговор в жилой части центра. Площадка, размером двести квадратных метров разбита на отдельные клетушки, огороженные друг от друга невысокой, в метр высотой стеной. Я расспрашиваю Паула о жизни в резервации, пытаюсь узнать хоть что-то о происхождении его имени.

- Моя жена осталась дома, в Сандерсе. Зову её сюда в этот центр, не едет. Здесь бесплатно кормят, правда, взамен слушать заставляют всякие лекции, но зато живёшь на всём готовом.

- Привет, Паул, привет русский, - вклинивается в нашу беседу невысокого роста сосед, смуглый и длинноволосый индеец с размытыми по плоскому лицу глазами.

- Это Орлин, он тоже апач с юга, - говорит мне Паул.

- Да, я с юга. Когда-то вождём моего народа был сам Джеронимо. Я апач чирикахауа, - он выпрямляется чуть, распрямляет плечи и глядит на меня гордо, будто Джеронимо – он сам. Чирикахауа, это клан последнего боевого вождя апачей, который до последнего воевал с кавалеристами США в самом конце девятнадцатого века. Кавалеристы регулярных войск спешили уйти с тропы, когда слышали имя Джеронимо. Проезжая через резервации Аризоны я неоднократно видел его фотографии на автозаправках, в административных зданиях. Да и в центральном здании центра на стене имеется красочно выписанное изображение этого вождя.

- Этот русский изучает здесь культуру нашего народа, специально приехал, – говорит Паул.

- А-а. Трудно понять нашу культуру белому человеку, – он снисходительно поглядывает на меня и вдруг, будто вспомнив о чём-то, восклицает:

- Смотри, что у меня есть! – не обращая на меня внимания и заговорчески улыбаясь Паулу, Орлин бросается к своему портфелю. Похоже в этом портфеле все его вещи. Видимо, действительно что-то интересное. Руки индейца дрожат, не слушаются хозяина, когда он открывает портфель. Потомок Джеронимо поочерёдно извлекает из портфеля и отбрасывает в сторону полотенце, блок сигарет, зубную щётку и, наконец, нащупывает что-то, лежащее на самом дне портфеля. Так, археолог берёт в руки древнюю статуэтку, которую долго искал и, наконец, нашёл, так букинист снимает с полки какую-то старинную рукопись, старательно сдувая с неё книжную пыль. Орлин поднимает голову. Глаза широко открыты и горят безумным блеском, язык лежит на нижней губе приоткрытого рта, с угла губы стекает слюна, капая вниз, на свитер. В его руках толстый, с яркими фотографиями порнографический журнал. Апач открывает его наугад и суёт фото в лицо сначала Паулу, затем мне. Паул смеётся, слащаво сощурился, Орлин смотрит на меня, проглатывает слюну и, засуетившись, бережно кладёт журнал в портфель. Не могу отделаться от чувства брезгливости. Видимо и выражение моего лица сказало индейцу всё, что я думаю по поводу его реликвии. Наша беседа с Паулом захлёбывается, не имея продолжения. Неожиданно подходит Франклин и зовёт меня с собой – он приглашает принять участие в подготовке к следующей традиционной

церемонии. Киваю апачам, иду за Франклином. Я в центре индейской культуры в Нью-Мексико.

10 Июля 2006 года.

Вундед-Ни.

Я завернул сюда, в затерянную на задворках Южной Дакоты индейскую резервацию из соседнего штата и сразу попал в главный посёлок резервации. Два предыдущих дня я крутил по безлюдной территории, изредка останавливался, оставлял велосипед у дороги и взбирался на окрестные холмы с видеокамерой, снимая, а иногда просто оглядывая пустынные окрестности. Ехал живописной дорогой, вьющейся между торчащими в разные стороны скалами и объезжая жёлтые холмы, поросшие поверху мохнатыми низкорослыми соснами. Из окон встречных машин смотрели на меня темнокожие черноволосые люди с равнодушно-невозмутимыми лицами – индейцы. И вот сегодня к вечеру дорога вывела меня в главный посёлок резервации. Встречный ветер поднимает тучу едкой противной пыли, которая в тот же миг оседает на одежде и багажных сумках, заставляет слезиться глаза и скрипит на зубах. Ветер гонит через дорогу куски бумаги, грязные пластиковые пакеты, которые тут же цепляются за костыши сухой травы, колючую проволоку, что натянута вдоль дороги, и они бьют и бьют по воздуху как многочисленные бесформенные флаги невидимого войска. Грязные, некрашенные стены домов, фанерные двери, огромные лохматые собаки, не лающие даже, а ухающие утробно и зло, встречают меня на въезде.

Прежде чем зайти в центральный магазин старательно обматываю раму и заднее колесо цепью, навешиваю замок. На всякий случай. Снимаю с багажника рюкзак – в нём у меня документы, деньги, билеты на обратную дорогу, видеокамера. Вешаю рюкзак на плечи – в Америке не возбраняется ходить с рюкзаком по магазину, и, прежде чем зайти внутрь, незаметно оглядываюсь по сторонам. На автостоянке перед магазином с десятков машин. Из окошка ближайшей ко мне автомашины в мою сторону смотрят двое. Один побрит наголо - немислимая причёска для индейца. В ушах огромные серьги из бирюзы и бисера, майка с индейской символикой. Второй, наоборот, с длинными волосами, в старой джинсовой куртке. Оба нетрезвы. У входа в магазин стоит, облокотившись о косяк, неряшливо одетый индеец. Видимо, сегодня он не раз успел приложиться к спиртному, и без помощи косяка ему, похоже, не выстоять. Лицо его, и особенно крупный нос безобразно изъедено оспой. На инвалидной коляске подкатывает крупный и, видимо когда-то сильный мужчина. Ковбойская шляпа с орлиным пером, расшитая бисером куртка, знак участника вьетнамской войны на рукаве. Лицо изувечено алкоголем. Этот, похоже, может связать несколько слов – разговор у нас завязывается. Мы говорим о резервации и о местечке Вундед-Ни, где находится мемориальный комплекс индейцев лакота, куда я держу сейчас свой путь. От центрального посёлка это местечко недалеко, километров тридцать вглубь резервации, но сейчас, к вечеру ехать туда небезопасно. В наш разговор вклинивается ещё один «краснокожий». Они все, что ли, здесь пьяные в это время?! Предлагает поделку из бисера.

- Спасибо. Не надо пока, может быть позже. Здесь есть какой-нибудь кемпинг?

- Кемпинг? Кемпинг есть, в парке, прямо по улице. Сколько стоит? А, бесплатно.

После магазина еду центральной улицей по направлению к парку. Летом в этом месте проходят праздники и священные церемонии. Сейчас картина удручающая. Многолетний мусор покрывает всю территорию парка, забор поломан, строения, находящиеся внутри парка превращены в точки по продаже наркотиков – кругом валяются шприцы, иглы. Кучки сомнительного вида молодых людей стоят невдалеке. Да, кемпингом здесь не пахнет. Как бы на неприятности не нарваться! Поворачиваю назад и, всё-таки еду на Вундед-Ни, может быть повезёт, и я найду приличное место для ночлега по пути туда. Дорога бежит по голым холмам, а вдоль дороги, как преграда для диких животных,

тянется заграждение из туго натянутой проволоки. Изредка попадаются встречные машины. Сидящие в них индейцы с большим удивлением смотрят на меня и, увидев не американский флаг на рулевой стойке, поднимают вверх руку – приветствуют. Отвечаю тем же – поднимаю руку вверх, улыбаюсь – улыбка всем понятна. Ещё тридцать километров позади, но удобного для ночёвки местечка так и не нахожу. Незаметно подкатываю к Вундед-Ни. Сто лет назад американские войска расстреляли в этом месте группу танцевавших индейцев, предварительно разоружив их. Вот кладбище и мемориальный комплекс. Комплекс расположен на небольшом возвышении, спешу к нему. Предчувствия меня не обманывают, он закрыт наглухо, даже следов пребывания человека не видно. Да, дела.... Хоть сделать несколько фотоснимков, что ли? Два индейца поднимаясь в горку, направляются в мою сторону. Видимо, они живут здесь, - неподалёку стоит деревянный дом и несколько вагончиков. Точно, ко мне подходят. Неуверенно как-то. Мужчина и женщина. Мужчина средних лет, взгляд бесцветных глаз тусклый, расплывчатый, лицо испитое, волосы собраны в пучок и уныло свисают на спину. Мужчина подходит вплотную шаркающей походкой, и что-то пытается сказать, женщина стоит молча, слушает, ждёт.

- Здесь ли произошло то событие? – спрашиваю его.

- Да, да. Вот тут, - он указывает на овраг, ручей, протекающий недалеко от места, где мы стоим. Мужчина робко предлагает мне ночлег.

- Душ.... Завтрак, - говорит он, женщина застенчиво кивает головой, подтверждая слова мужчины.

Спускаемся с холма и направляемся к одному из вагончиков.

Говорим о

резервации, о пере орла, что укреплено на руле моего велосипеда, о брате Боба, - так зовут моего собеседника, - сидящего в тюрьме по серьёзному обвинению. Заходим в вагончик.

- Затащи велосипед внутрь, мало ли что, - говорит мне Боб, - располагайся.

Стоп! О цене то мы не договорились!

- Сколько стоит будет? – спрашиваю.

- Тридцать долларов.... Душ, завтрак...., - Боб смотрит в сторону. Тодди, - так зовут женщину, - смотрит с надеждой на меня.

- Нет, - отвечаю, - у меня нет столько. Только десять. Тодди вздыхает с облегчением.

- Хорошо. Десять, - хорошо.

Они приехали недавно из центрального посёлка – обогнали меня на подъезде к Вундед-Ни. Привезли гуманитарную помощь – какую-то одежду, дешёвые продукты. Тодди вскрывает банку компота из персиков, ставит передо мной – ешь, это вкусно. Боб просит у меня деньги прямо сейчас. Да, конечно.... Достают десять долларов, даю ему. Боб тут же исчезает куда-то. Через пять минут появляется – в руке бутылка виски. Уже откупоренная – не дотерпел. Виновато ставит бутылку на стол, старается на меня не смотреть, уводит взгляд. Тодди включает телевизор, ставит видеокассету:

- Фильм. Про индейцев. Можно посмотреть.

Да. Такие вот дела. Показывают мне место для ночлега. Расстилаю спальник, ложимся спать. Ночью грохочет гром, хлещет всю ливень. Вагончик трясётся – вот-вот развалится.

Утро солнечное и тихое. Надо прощаться. Но сначала – обещанный завтрак.

- Пошли в дом сестры, - и мы идём в деревянный, почти по-русски срубленный дом. Обходим привязанную к стене собаку. Она бросается вперёд, заходится в истошном лае. Привязь возвращает её на место, и псина в иступлении и бессильной ярости рвёт металл привязи жёлтыми острыми зубами, вновь бросается вперёд и всё начинается сначала. Около дома несколько старых, видимо брошенных машин, мусор, груда деревянных, разобранных на дрова, ящиков.

- Иди в душ, пока готовится завтрак, - Боб сидит за столом. Волосы аккуратно расчёсаны на пробор по-лакотски. В руке – початая бутылка виски. Семь часов утра. – Вот так.... Да...., - говорит он, опять отводя глаза в сторону. – Куда дальше собираешься ехать?

- Да в Монтану, - отвечаю, - там две резервации на пути. Резервация Чейенов и Кроу. Его глаза темнеют. Он смотрит на меня в упор. Впервые с момента нашей встречи.

- Кроу? – переспрашивает он, - это плохие люди. Не надо ехать к ним, – Тодди утвердительно кивает головой. – Плохие люди, воры.

Когда-то сто с лишним лет назад Кроу и Лакота кроваво враждовали друг с другом. Кроу служили разведчиками у белых кавалеристов, и даже сегодня между двумя индейскими народностями нет согласия.

- Да, ладно, не поеду, - успокаиваю своих хозяев и иду в душ.

После завтрака прощаюсь со своими новыми знакомыми. Боб выходит со мной на улицу. Кладу руки на рукоятки руля. Говорю слова благодарности. Бобби машет головой и вновь отводит взгляд в сторону.

- Душ, завтрак, - говорит он, - десять долларов мало.

Я знаю – видел, что он успел выпить свою бутылку виски почти до дна. Протягиваю ещё пять долларов. Тодди стоит у дверей, молчит. Бобби торопливо хватается бумажку и что-то невнятно бормочет о возможности посетить его ещё раз в будущем. Сажусь на велосипед, машу им рукой. Еду к мемориальному комплексу, фотографирую, снимаю на камеру. Выезжаю на шоссе. Всё, моя дорога серой лентой уходит вверх и скрывается за холмом. Оборачиваюсь. Тодди стоит у своего вагончика. Смотрит в мою сторону, поднимает руку в знак прощания. Может быть, встретимся когда-нибудь ещё раз?

Июнь 2006 года.

Дерево Гризли.

Мне повезло. Целых три недели непогодило. Меня постоянно преследовали дожди и ветра, но два дня назад солнце сдвинуло куда-то к краям горизонта тучи, моментально съело нападавший было снег и расчистило дорогу на перевал. Я обрадовался этой неожиданной помощи и все два дня спешил и спешил оставить позади перевалы хребта Гринхорн, чтобы поскорее очутиться в краю больших деревьев. Здесь, в самом сердце Сьерра-Невады, горной страны, являющейся полноправной частью Кордильер, сохранились остатки реликтовых лесов из гигантских секвой. Увидеть дерево – ровесницу египетского фараона Рамсеса второго – мечта! А вообще, представить трудно. Как-то не укладываются в голове такие цифры. Не верится, что действительно существуют деревья столь почтенного возраста.

С утра третьего дня опять посмурило. Солнце скрылось за облаками, обещавшими к вечеру пролиться дождём. Я гнал и гнал всюю, понимая, что сегодня к вечеру нужно обязательно вырваться из плена гор, иначе снег опять засыплет все входы-выходы, и я окажусь запертым здесь, посреди горных пиков и густых лесов. Благодаря тяжёлому рельефу мои запасы воды очень быстро иссякли. Тот, кому приходилось подниматься на велосипеде в длинный-предлинный подъём, поймёт то чувство жажды, которое охватывает человека в самый разгар этой утомительной работы. В течение некоторого времени я старался сдерживаться и не обращать внимания на многочисленные ручьи талого снега, стекавшие со склонов гор посреди которых пролегал мой путь, но, в конце концов, жажда пересилила. Долго умывался ледяной водой одного из горных потоков, пил, снова и снова наполняя фляжку водой и кинув пару кристаллов марганцовки в бутылку. Наверху вновь пришлось надеть всю тёплую одежду затем, чтобы нести вниз рассекая холодный горный воздух, чуть придерживая велосипед на виражах, пытаюсь чётко вписаться в поворот. Старания даром не прошли, не далее, как к полудню я был на заасфальтированной площадке, откуда начинался собственно осмотр достопримечательной рощи. Здесь, на этой площадке положено оставлять автомобиль, и дальше передвигаться только пешком или на велосипеде. Подтаявший снег, сплошь заваливший площадку, помешал мне трезво оценить ситуацию. Слишком уж я торопился на встречу с секвойями. Только попался мне на глаза указатель с надписью «Дерево

Гризли», как я бросился по старому лыжному следу туда, куда показывала стрелка, оставив на площадке велосипед со всем скарбом, прихватив с собой лишь видеокамеру. Бежал, понимая, что времени у меня немного, а путь по талому снегу труден и утомителен. Кроссовки моментально промокли, но я старался не сбавлять темп и пробивался всё выше, пока, наконец, тропа не растворилась в лесу из гигантских деревьев. Я понял, что проиграл в этой бешеной скачке и, преодолевая отвращение к своей слабости, повернул назад. Возвращаясь, я решил сократить путь, срезая напрямик бегущую серпантинном тропу. Дважды или трижды я пересёк свой же след и уже был готов повернуть к находящейся где-то справа площадке, как вдруг увидел людей, потихоньку бредущих вверх по неширокой заасфальтированной дорожке. «Что такое? Или они идут по моему следу? Что-то непохоже». Я выскочил к ним навстречу и после недолгого разговора понял, что поспешил, ошибся, побежав изначально по тропе, которая бывает открыта только летом. Сейчас там никто не ходит, а к знаменитому дереву ведёт вот эта заасфальтированная пешеходная дорожка, по которой можно подняться почти вплотную к самым величайшим деревьям Земли. Я же в Америке! Неужели американцев заставишь ходить по снегу через лес!? Да, вот ведь попал! Опять бегом спускаюсь на площадку. Вот он, мой велосипед, а вот и главный указатель, как я его не заметил сразу? Вот, ворона! Полтора часа бегал по снегу туда-сюда, ноги промочил напрочь, время потерял. Беда. Хватаю велосипед и кручу вверх, обгоняя немногочисленных посетителей. Километр пути, и я на месте. Хлюпают вода в кроссовках, когда я делаю несколько шагов по направлению к виднеющимся впереди деревьям. Матушка родимая! Да, много чудес мне пришлось увидеть, но такого! Вокруг лежат шишки длинною с диаметр колеса моего велосипеда. Беру одну из них в руки, чтобы убедиться, что всё, что происходит – действительность, а не сон. Огромная, как полено шишка неожиданно срывается откуда-то сверху и падает в нескольких шагах от меня, зарывшись с ходу в снег. Ого! Живые деревья-то! Не тороплюсь. К бесу спешку! Старых и могучих деревьев осталось мало – человек изрядно поработал топором в своё время. Теперь каждая оставшаяся в живых великовозрастная секвойя – великан имеет своё имя. Передо мной во весь свой исполинский рост, встаёт то самое дерево, к которому я так стремился несколько дней. Да что там несколько дней, всю жизнь! Дерево Гризли. Именно это дерево уже росло здесь, когда египетский фараон Рамсес Второй мчался вперёд на колеснице, мечи стрелы в жителей древней Сирии. Это дерево встречало не первую тысячу лет, когда один за другим менялись императоры Древнего и Нового Рима, основывались первые города Древней Руси, менялись в войнах между народами мечи на пушки. И вот исчезли, растворились в бездне времени империи далёких и близких эпох, а дерево это растёт и встречает год за годом всё новые весенние дожди и снега. Прямой толстенный ствол. Крона, состоящая, кажется из корявых многолетних деревьев растущих прямо из центрального ствола, огромные шишки по краям могучих веток. Вот он, современник динозавров, современник гигантских ящеров. Когда-то леса из подобных деревьев господствовали на Земле, а ныне сохранились лишь здесь, в Сьерра-Неваде, на очень маленьких площадях. Группа людей обходит меня и идёт вперёд, к гигантскому стволу. Вот они подходят всё ближе к дереву и будто уменьшаются ростом. Как невелик человек. Их невидно почти, около громадного ствола! Не двигаюсь – смутные картины прошедших времён мелькают передо мной. Землю заливают моря, вулканы грохочут, давая жизнь новым землям, меняя растительность и животный мир. Некогда гигантские хвои и папоротники превращаются в траву, а деревья эти не исчезают насовсем уже много веков, и растут вот себе здесь, и я стою перед ними – маленький человек, чья жизнь в бесконечности – миг. Приближаюсь, неспеша обхожу его, останавливаясь поминутно, смотрю вверх, стараясь запечатлеть навсегда в памяти величие и силу матушки-природы. Оглядываюсь по сторонам. Да, секвойи, стоящие гурьбой вокруг своего вождя – поистине гиганты растительного мира, а лес этот, по праву может называться волшебным...

Рад, что встреча состоялась. Я счастлив сегодня. Не зря, не зря я ринулся через горы сюда! Не зря были эти тяжёлые километры горных дорог, и сейчас я иду к своему велосипеду чуточку другой, изменившийся, я чувствую это.

Переодеваюсь, надеваю сухие шерстяные носки, тёплую одежду – пора продолжать путь. Бросаю прощальный взгляд на дерево под названием Гризли, как на старого доброго, мудрого человека – спасибо тебе за эту встречу!

К вечеру выбираюсь к границе гор и качу вниз – в долину Сакраменто, оставив позади огромные чёрные тучи, пожелавшие висеть на скалах последнего хребта. Здесь – внизу меня встречает солнце, и я еду к океану, спеша закончить свой путь.

25 - 26 июня 2006 года.

Глава шестая. Европейские зарисовки.

Считается, что Зарубежная Европа не очень большой по площади регион мира. Но всё познаётся в сравнении. На территории, которую занимает Франция, уместится более пятнадцати таких регионов, как наша Ульяновская область, Германия вместит десяток, Италия – ещё восемь. Вот и судите сами, что такое небольшая старушка-Европа. Хватает здесь гор и равнин. Вот лесов немного и реки не столь чисты, как, скажем на нашем Байкале. Природа сильно изменена человеком. Не мудрено. На протяжении нескольких тысяч лет существовали здесь самые различные цивилизации. Франки, галлы, арабы, греки, римляне... Не перечислить всех. Пережила Европа и периоды расцвета, и периоды упадка. Здесь закончили жизнь в страшной нищете великие люди, подарившие величайшие открытия человечеству. Чудовищные войны сотрясали Европу со времён Ганнибала и Цезаря. Здесь возвеличивали за самую бесстыдную ложь и сжигали на кострах за правду и за само право называться человеком. Бывали времена страшных болезней и времена чёрной инквизиции. Множество самых разных культур переплелись в тугую Гордиев узел на этом куске суши, площадью в пять миллионов квадратных километров, но каждый народ как за нить Ариадны держится за свою самобытность и не спешит с ней расставаться. Да и как расстаться, если сейчас эта самобытность приносит стойкий доход и в государственную казну, и в личный карман практически каждого жителя. Европа – главный регион международного туризма сейчас. Путешествовать по Европе в настоящее время нетрудно. Для нас – велопутешественников, проложены великолепные велосипедные дорожки, покрытые ровным асфальтом, нередко пролегающие по живописным местам, вдали от основных дорог. Сеть магазинов и кафе обеспечат питанием, а специально обустроенные кемпинги, помогут с комфортом устроиться на ночлег.

В Европе мне пришлось бывать дважды. Первый раз я попал туда лет девять – десять назад. Маршрут путешествия огромной восьмёркой связал Берлин, Лейпциг, Париж, Люксембург, Варшаву, Зелена Гуру. Я пытался оценить свои физические и психологические возможности в этом путешествии. Не обошлось без курьёзов. Однажды, во время очень сильного встречного ветра меня обогнал трактор, я пристроился за ним, спрятался от ветра. Трактор был большим, загородил весь вид, и я, на некоторое время, потеряв ориентировку, в итоге уехал со своей дороги куда-то далеко в сторону. Опомился лишь тогда, когда ширина дороги уменьшилась до двух метров, а тракторист, остановившись и выпрыгнув из кабины, вежливо объяснил мне, что он, конечно, рад приветствовать меня на своей ферме, но незваный гость, как говорится..., не самый лучший гость. Пришлось поворачивать назад и, путаясь в многочисленных дорожках местного значения выезжать полями в нужном мне направлении. Я был неоднократно в гостях, но самое удивительное приглашение получил во Франции, недалеко от небезызвестного города Реймса. Я ехал неспеша по дороге, и вдруг впереди совсем неожиданно притормозил небольшой микроавтобус. Из него вышел молодой, прилично одетый человек, остановил меня и, ни слова не говоря, закинул мой

велосипед к себе в багажник. Попросил сесть в машину, для того, что бы поехать к нему домой в гости. Я поблагодарил его за это странное приглашение и согласился. Во время знакомства неожиданной темой разговора стало обсуждение французских фильмов и артистов. Я вообще-то очень люблю французское кино, знаю многих артистов по этим фильмам и все двадцать километров до дома Шарля (так звали моего неожиданного знакомого), мы кричали, улыбаясь и пожимая друг другу руки:

-А Луи-де Фюнес!

-А Жан Маре!

-А Бурвиль!

-А Жан Поль Бельмондо!

И так далее. Перебрали всех артистов, и все названия фильмов. Дома он познакомил меня со своей женой и сыном, причём на подъезде к дому он всех соседей, что называется, «на уши поднял», крича во всё горло, что привёз русского и приглашает соседей разделить торжественный обед, который состоится по случаю этой самой встречи.

Где-то в середине путешествия, я отравился и целых два дня ничего не ел, несмотря на то, что сумки были забиты продуктами и фруктами, но малейшая мысль о еде вызывала приступ тошноты. Я пытался найти домик Жана Маре в Париже, проклиная себя за забытый дома адрес артиста. Едва перейдя границу Германии и Польши, я попал в район, где властвовала вода взбесившегося Одера. Целых двенадцать километров дорога бежала посреди воды, лишь метр насыпи был, совсем не тронут водой. Некоторые заметки из того – первого путешествия перед вами.

Второй раз мы прошли по девяти европейским государствам больше трёх тысяч километров группой школьников совсем недавно....

Цурюк!

Обычно я везу с собой воду в пластиковой бутылке для умывания, мытья посуды и других подобных целей. Это, так называемая техническая вода. Для питья же стараюсь воду брать в магазине. Я забирался всё дальше к границе Западной Германии. В тот вечер никак не получалось пополнить запасы технической воды. Не попадалась мне на пути колонка. Я остановился у одного из домов крохотного селения Аспах, что бы попросить водицы. В глубине сада, в соломенном кресле сидел хозяин. Может быть, отдыхал, покоем наслаждался, может быть, яблони свои стерёг, не знаю. Я постучал в калитку, привлёк его внимание своим появлением и, показывая, свою пустую бутылку, попросил воды, смешанной русско-английской фразой. Хозяин дома встал и направился ко мне.

- Коммунист?! – приблизившись, произнёс он. – Зольдат?

- Да нет, - говорю, всё ещё улыбаясь. Смешной показалась ситуация. - Ельцин, демократия. А я – учитель, а не солдат. Учитель географии. Путешествую по вашей стране. – А вблизи вижу, что немец в подпитии. И глаза недобрые.

- Плати за воду, - говорит, - бесплатно не налью.

- Нет, спасибо, за воду денег не дам, - отвечаю я, поворачиваюсь и иду к своему велосипеду, который был мною оставлен у столба, недалеко. И вдруг за спиной властный голос:

- Эй, руслан, цурюк! – совсем, как во многих прочитанных книгах о Второй Мировой. Меня аж, как током прошило!

- Ах, цурюк..., - разворачиваюсь и иду ему навстречу, выражая не совсем литературными словами своё к нему отношение. Моя решительность подействовала. Немец сразу вспомнил несколько слов из русского языка – даром, что ли столько времени прожил в Восточной Германии, поспешил извиниться, свести намечавшийся международный скандал к шутке, и, естественно, позволил набрать воды из своей колонки. Я, понятно, на обострение не пошёл, взял воду и преспокойно поехал дальше.

Соревнование.

Шварцвальд в Германии. Восемь часов утра. Дорога поднимается высоко в горы, вверх по течению небольшой реки полностью повторяя все её изгибы. Вчера я заночевал в лесу, на её берегу. Ночёвка получилась хорошая, посреди дремучего леса. Когда палатку ставил, старался даже травы не помять – такой красотой лес одарил. Одно плохо – дорога с самого утра идёт всё вверх и вверх. И так, судя по карте, будет продолжаться ещё добрых пять – шесть километров. Велосипед старенький, трёхскоростной. Я собирал его сам, из деталей различных марок велосипедов. Кручу, терплю, потею. Тяжело. Да и перемолвиться словом не с кем. Неожиданно, слышу позади тяжёлое дыхание, затем щелчок, характерный при переключении скорости у горного велосипеда. Меня обходит велосипедист-немец. Успеваю бросить на него взгляд. По всем показателям, это любитель покататься, хотя специальной велосипедной формы на нём нет, за исключением велошлема. Одет в шорты и майку, как и я. Майка мокрая, капли пота падают на руль. Сидит прямо, из стороны в сторону не елозит. Руки жилистые, икроножная мышца как небольшой кочан капусты. Улыбается мне снисходительно, переводит взгляд на флажок России, прикрепленный к стойке руля, и уходит вперёд. Ну, уж дудки! Не на того напал! Переключаюсь на пониженную скорость, налегаю на педали и догоняю немца. Проезжая мимо улыбаюсь ему чуть злорадно – что, взял? Он качнул головой, усмехнулся. Принял игру. Включился в соревнование. Слышу сзади щелчок, от переключения скорости, и вот уже он опять, улыбаясь мне, уходит вперёд. Мне переключать нечего, но я упираюсь, давя на педали изо всех сил и вновь обхожу неожиданно появившегося соперника, не забыв ему улыбнуться. Рывок даётся тяжело, но что не сделаешь для защиты родного флага и уязвленного самолюбия!? Он опять переключается, догоняет меня, но, поравнявшись, не спешит уехать вперёд. Вместо этого, едва сдерживая дыхание, начинает разговор. Я, честно сказать, рад этому. И вот мы, обливающиеся потом велосипедисты, пытаемся общаться, призвав на помощь все свои познания в английском языке и физические силы, которые тают на подъёме очень даже быстро. Узнаю, что он крутит свой ежедневный круг, протяжённостью сорок километров. В будние дни, ему приходится вставать для этого в пять утра. В субботу и воскресенье можно поспать подольше, именно поэтому мы с ним на этой горке сейчас и встретились. Немца зовут Курт. Он состоит в каком-то клубе и получает за свои тренировки какие-то значки. Ими усыпан специальный вымпел, прикрепленный к рулю. Я, в свою очередь говорю не без гордости, что путь держу из Парижа, а еду домой, в Россию.

- О, из Парижа?! Далёкий путь. Тебе, наверное, тяжело. Твой велосипед старый, музейный. Но тренировка у тебя приличная, - говорит Курт. – Будь осторожен. Дальше будет крутой спуск с опасными поворотами. После тяжёлого подъёма эти повороты проходить нелегко.

Завершив подъём, немец некоторое время сопровождает меня, стараясь одновременно восстановить дыхание, а затем, махнув на прощание рукой, уходит в сторону по какой-то второстепенной велосипедной дорожке. Я продолжаю путь один.

В Марселе

...Всю ночь волны прибоя бились о прибрежные скалы, посреди которых мы нашли себе пристанище. Палатки негде было приткнуть, и мы, бросив на камни в качестве матрацев коврики-пенки и палаточный материал, раскинули спальные мешки прямо на свежем воздухе. Изредка просыпаясь посреди ночи, я слышал лишь скрежет перетираемой волнами гальки и приторный запах гниющих водорослей, смешанный с ароматом незнакомых южных цветов. Коротка летняя ночь. Вот уже первый солнечный луч,

проснувшись, скользнул по вершушкам волн, перебежал на дальний мыс и заискрился на металлическом каркасе маяка. Вода, ещё минуту назад казавшаяся тёмно-зелёной, почти бурой, вдруг заиграла голубым. Зашуршали покрышками первые машины, прохлопали подошвами бегуны-любители. Откуда-то издалека, почти от самого горизонта просигналил пароход, ему ответила сирена из порта. Утро пришло. Впервые о Марселе я услышал в далёком детстве, в те времена, когда ещё как следует не прочитал ни одной книги самостоятельно. Моя бабушка много времени потратила на то, что бы приучить меня к чтению, а я всё как-то ленился, пока, наконец, мне в руки не попала книга Д. Дефо «Робинзон Крузо». Я прочёл её залпом, не отрываясь, жалея, что она так коротка. «- Вот, оказывается, какие замечательные книги существуют! А читать значит, интересно! Просто от книги всё зависит», - подумалось тогда. Я сразу вспомнил разговор родителей о книге Дюма «Граф Монте-Кристо», о каком-то таинственном замке Иф и о городе Марселе. С тех пор этот город был для меня каким-то загадочным, необычным. И вот вчера к вечеру, пройдя через многочисленные пригороды, светофоры и перекрёстки, мы вышли таки к центральной улице Марселя. Ночь, торопливо бежавшая за уходящим солнцем, поспешно накрыла город, практически не оставив нам времени на поиски места для ночлега. Дорога случайно выводит нас на вокзал. В сквере привокзальной площади огромная толпа желающих переночевать бесплатно. Разномастные путешественники и просто бродяги разбрасывают спальные прямо на траве – тепло, лето, юг – крыша не нужна. Разные лица – чёрные, белые, жёлтые. Кто же даст нам профессиональную «консультацию» по поводу безопасности размещения здесь, на бесплатном кемпинге? Прямо перед нами собраты – велосипедисты с огромными баулами опасливо поглядывают по сторонам, готовые в любую минуту дать стрекача. Попытать и нам удачу, расположившись здесь? Неспеша подходим к ним. Трое. Молодые. Два длинноволосых парня в велотрусах и майках, и девушка в джинсах и блузке. Англичане. Видеоаппаратурой увешаны, не знают куда бы её спрятать от назойливых глаз. В раздумье – ставить палатку, или нет. Поставить – можно ночью велосипедов лишиться, не ставить походный дом – как бы без аппаратуры к утру не проснуться. Да, задача... Прямо перед нами на соседней горе стоит, освещённая многочисленными прожекторами церковь Нотр-Дам-де-ла-Гард, а вниз уходит весь в огнях проспект.

- Владимир Николаевич, а там, похоже море? Что-то шумит не по-земному, и какие-то огни вдали? – Санёк Соловьёв, самый младший из нас готов броситься тот час же туда вниз, на берег, к волнам.

- Море, Саша, море. А огни – это корабли, слышишь, гудят, переговариваются меж собой?

- А мы здесь остановимся? – Саше не терпится ехать вперёд, к морю, хоть сейчас он готов броситься вниз.

- Нет, поедem дальше, время есть.

Люди на улицах доброжелательны и учтивы, даже в столь поздний час. - «Проедете старый форт, и там, на берегу позади порта, легко найдёте себе место для стоянки». И вот – утро. Мальчишек не бужу, пусть поспят, рано ещё. Сам же встаю и делаю гимнастику. Позвоночник, суставы. Критерий прост – через сорок минут тело становится послушным, любое движение доступно. Ещё полчаса спустя мы выбираемся на набережную и крутим в сторону, находящейся на вершине огромного холма старой церкви Нотр-Дам-де-ла-Гард. Здесь, ближе к вершине, дома наклеплены один на другой, неширокие улицы ступенями серпантина взбираются всё выше. Мы наверху, вот она – знаменитая церковь. Вот азиатский купол её, напоминающий о завоеваниях Арабского халифата, ворота, завершающиеся поверху римской аркой, панорама города с верхней площадки храма, откуда виден весь город и старый порт, куда некогда входили корабли финикийцев, греков и римлян. Статуя Девы с младенцем внутри церкви, музыка, заставляющая поднять голову кверху и забыть на время обо всём. Переплетение культур, переплетение времён.

- Это что за крепость на острове? – Рома показывает рукой на небольшой островок, отстоящий от берега на пару километров.
  - Это замок Иф, а остров называется Монте-Кристо.
  - Тот самый, что описан Дюма в своём знаменитом романе? Вот это да! – мальчишки в восторге. Мой младший сын Женёк достаёт записную книжку, открывает её на странице буквы «Г» и записывает что-то. Любопытен я, чего греха таить.
  - Что записываешь?
  - Да вот, по приезду надо прочитать Граф Монте-Кристо, а то не солидно как-то – остров видел, замок тоже, а книгу не читал. – Что ж, дело хорошее.
  - А вот старый порт. Хорошее место мы для наблюдения нашли, - говорит Олег, рассматривая внимательно прибрежную часть города. - Сюда заходили ещё римские и арабские корабли когда-то.
  - И греческие, - вставляет своё веское слово Санёк.
  - Всё ты знаешь, Санёк, - слегка поддразнивает его Дима, старший брат.
  - А что, мы по истории учили, правда. Нам Геннадий Александрович рассказывал. Что я врать буду?! Греческие и финикийские.
  - Нет, нет, - спеша защитить Сашу, я вклиниваюсь в разговор мальчишек. – Конечно, Санёк врать не будет. Чьих кораблей только не выдывала эта гавань и этот порт за несколько тысяч лет своего существования. Посмотрите, какой он длинный и узкий, в точности для галер.
- Время бежит незаметно. Солнце повисло где-то на середине своего пути. Арбузы и дыни, купленные нами в небольшом магазинчике лишь слегка освежают, не спасая от горячего воздуха, скопившегося меж узких улиц. Лишь вырвавшись за город, мы получаем, наконец, живительную прохладу, в виде лёгкого ветерка, бегущего с моря...

Несправедливость.

- ...Дорога тянется вдоль берега Средиземного моря. Лес мачт на причалах, запруженные машинами узкие улицы, пальмы, кипарисы, запах миндаля в воздухе. Воздух горячий и днём даже ветер с моря не приносит прохлады. Хочется лишний раз броситься в воду, взбодриться, прогнать сонливость. Мальчишкам не нужно предлагать дважды:
- Сейчас, найдём подходящее местечко и кусочек свободного пляжа.
  - Да, ничего, мы и здесь проскочим! - Ставим велосипеды у металлического бордюра, и мальчишки заходят в море через платный пляж, где можно после купания хорошенько ополоснуться под душем с горячей водой. Заходят прямо со стороны набережной, где «халявных» иностранцев тщательно отслеживают. Наша группа своим внешним видом ставит воспитанных хозяев пляжа в тупик. Олег – не поймёшь сразу, какой он национальности, – каких только кровей не намешано, и чувашская и татарская и русская. Смуглый, - в Италии, он итальянец, во Франции – за француза сойдёт. Дима и Санёк «замес» четырёх кровей, Лёша скандинавскими чертами поражает, Рома смуглый, Женёк смелый и решительный. Идут вперед, и пока владелец пляжа соображает, что это за гвардия, они проходят. Я иду следом за ними - небритый, белобрысый, с явно рязанской физиономией, которая в этих краях равнозначна знаку «стоп». Команду пропускают, а мне – «отбой, кругом, шагом марш». Извините, мол, пляж платный. Мальчишки смеются втихаря, а я иду под шланг с холодной водой – понятно не плохо, но где же справедливость!? Молодым везде у нас дорога, но я припоминаю что-то и про почёт...

Итальянские зарисовки.

...Узкая, чуть больше размаха рук улочка с вымощенной камнем поверхностью. Стены домов с неширокими окнами-бойницами поднимаются вертикально вверх, почти соприкасаясь кровлями крыш в вышине. Полумрак, лишь отблеск кусочка неба,

отражающийся от затёртых тысячами ног камней древней брусчатки напоминает о том, что на дворе день и где-то там, в вышине, висит жаркое южное солнце. Мы ведём свои велосипеды в поводу, изредка вполголоса обмениваясь впечатлениями друг с другом. Слова, глухо ударяясь о стены, торопятся улететь куда-то вверх, в прореху между домами. Время стоит на месте и кажется странным, что сами мы не потеряли способности двигаться. Оглядываюсь на мальчишек. Лица сосредоточены и удивлены. Проходим мимо дома какого-то генуэзского купца времён эпохи Великих Географических открытий и неожиданно попадаем к Порто-Сопрано – высоченным воротам древней крепости. Проходим через ворота и вот мы на площади Данте. Шум многочисленных машин и яркое солнце возвращает нас к реальности, и лишь дом Христофора Колумба, стоящий на самом краю площади, пытается удержать невидимую ниточку связи времён. Генуя.

- Вот это да! Домик самого Колумба! Все равно никто мне не поверит! – Саша пытается фотографироваться так, что бы была видна табличка подтверждающая факт его местонахождения.

- Сколько кораблей ушло из порта Генуи в дальние края, - Женёк опять записывает что-то в свою записную книжечку.

- Да, это, пожалуй, и не подсчитать – Лёша, наш математик умудряется и географию мигом перевести в математику.

- Подсчитай а ты, - Рома перемигивается с Олегом, желая найти поддержку, но Олег вновь вспоминает огромную каравеллу, около которой мы провели утром часа два, заглядывая в каждую пушку и иллюминатор.

- Вот это каравелла, вот это кораблик. Ходили на таких кораблях через океаны.

- А море синее, да? – Санёк, как всегда непосредственным своим полувопросом сбивает какую-то мысль. – Вот я накупался сегодня! А волны-то были, как горы! А город какой большой, всё едем и едем. А центр старый.

- Старинный, Саша, а не старый, - Дима старается неукоснительно держать должность наставника младшего брата.

- Для кого старинный, а для меня – старый, - бормочет Санёк, стараясь остаться при своём мнении, и вновь подходит к домику Колумба. – А там дальше памятник какой-то, - он указывает куда-то рукой, мы садимся на велосипеды и едем к памятнику Гарибальди. Долго кружим по городу. Старый город невелик. Его не трогают строители, только время, но старая кладка проверена временем – стоит, держится. Покидаем старый город и держим путь на восток, через Аппенины.

...Мы стоим на вершине горного хребта. Длинный тягучий подъем, завершившийся плотным серпантинном, закончился минут десять назад. Кислый полудикий виноград на стоящей вдоль дороги изгороди и плоские крыши домов тех редких селений, через которые пробегает дорога, напоминают о том, что мы находимся не дома. Солнце, ещё часа три назад стоящее прямо над головой, быстро уплывает за горизонт. Апеннины. Лишь позавчера мы были в Пизе, в этом не очень большом, но на весь мир известном городке итальянской Тосканы. «Площадь Чудес», на которой находится Кафедральный собор, баптистерий и, конечно же, знаменитая падающая кампанила (колокольня). Горели встречей, едва лишь въехали в этот городок, и всё равно главная достопримечательность Пизы появилась внезапно. Сочетание невероятной мощи собора и колокольни с тонкой внешней отделкой каждого фрагмента памятника поразительно. В памяти живо встаёт воспоминание о потрясении, которое испытал в Русском музее, что находится в Санкт-Петербурге у картин Васильева и Айвазовского. Выраженная в их работах красота и сила жизни вызвали невероятный восторг и желание радоваться всему на свете. Красота вечна. Понятна каждому нормальному человеку. Убеждаюсь в этом и здесь. Мои мальчишки бросают велосипеды и забывают о них надолго. Фотографируются. Перебегают с места на место и вновь фотографируются. Иногда просто подолгу стоят и смотрят. Наслаждаются красотой творенья рук человеческих, не скрывая восторга и радости. А на следующий день - Флоренция. Вновь узкие улочки старого города выводят нас то к старинному

дворцу, то к домику Данте, опять заставляя на миг забыть о неумолимо бегущем времени. И вот Апеннины. Вечереет. Высота перевала приличная – около тысячи метров. Становится прохладно. Одеваемся – и вниз, к Адриатическому морю. Достаю камеру и снимаю на ходу. Мальчишки поют песни, радуются длинному спуску. Теперь не жаль затраченных на подъём часов, мигом прибавляем к дневному километражу три десятка вёрст. Повороты дороги крутые – едва удаётся, положив велосипед почти горизонтально вписаться в рисунок дорожного полотна, но так не хочется сбавлять скорость! Дорога выносит на улочку маленького городка, приходится сбавить скорость и искать взглядом магазин – нужно брать что-то на ужин.

...Сквозь сон чётко слышу шум лодочного мотора. Волна бьёт о камни совсем близко. Неожиданно просыпаюсь, прихожу в себя. Точно. Мы же в Венеции. И не просто в Венеции, а в самом центре старого города. Вчера к вечеру, пройдя сквозь дождь, который ужасно досаждал нам в течение ста километров пути, мы достигли старого города. Здесь-то и застал нас вечер, и мы решили просто расположиться на одной из набережных под козырьком тихого переулка. Людная центральная улица города совсем близко, метрах в семидесяти, там магазины, бары, ночные кафе. Здесь – тишина. Ступеньки уходят прямо в воду, словно когда-то вместо воды каналов были проложены добротные дороги, и неожиданно все они были заполнены водой. Ступени скользкие, поросшие кое-где мохом, мыльным на ощупь, – нужна известная сноровка, что бы спуститься вниз и удержаться на ногах, не плюхнуться в воду. Уже ночью, когда мы спали, подошла к набережной лодка. Подошла тихо – мотор хозяин выключил метров за сорок – пятьдесят, лодка к месту причала двигалась лишь по инерции. Вода сразу забеспокоилась, заметалась волнами от одной стенки узкого канала до другой, бросаясь брызгами вверх, едва не залив наши спальники. Человек в длинном, средневекового покроя плаще с капюшоном выпрыгнул осторожно на ступени, бросил цепь на берег, укрепил замком. Как тень пролетел мимо нас и скрылся в одной из дверей тёмной улочки. Вновь наступила тишина, не нарушаемая более ничем до самого рассвета. Дождь капал всю ночь и вот сейчас, под утро стих.

- Вот это ночь! В центре Венеции! – Леша не устаёт удивляться. Мальчишки вторят ему, протирая глаза и потягиваясь.

- По правде говоря, на велосипеде по Венеции не очень-то покрутишь, – Рома поглаживает натёртое за вчерашний вечер плечо.

Спустя час мы движемся в сторону площади Св. Марка. Рома прав, мостов и мостиков самого разного калибра величайшее множество и приходится то и дело взваливать на себя своих верных коней и упражняться в переноске тяжестей. Если бы только одни велосипеды, то ничего. Сумки с пожитками весят не меньше самих велосипедов и лишь только в поле зрения попадает очередная арка моста, вздох проносится по рядам моих верных спутников.

- Пожалуй, все мосты пересчитаем, – стараясь не терять бодрости в голосе, произносит Женёк.

- Ничего, зато всю Венецию обошли. А велосипед что, я привык его таскать. Любишь кататься, люби и саночки возить, – Саша легко справляется со своим велосипедом. Из груза у него на багажнике лишь спальник, а сам велосипед весит килограммов девять.

- Саша, не умничай, – опять приостанавливает его речь Дима, старший брат, еле втаскивая на очередной пролёт свой велосипед. Он снимает панаму, бросает взгляд на влажную внутреннюю поверхность её, чуть покачивая головой при этом, а затем вытирает мокрое от пота лицо. – Вот так, Санёк. Но – красиво, давно я мечтал побывать здесь.

- Да уж. А улочки какие узкие! Олег, Олег попробуй протиснуться, наверное, плечи едва уместятся! – Лёша ставит велосипед к перилам моста и спешит за Олегом к узкому проходу меж домами, который улицей назвать как-то язык не поворачивается. Я вожусь с видеокамерой, а мальчишки забыв о велосипедах, устремляются за Олегом и Лёшей. Через три минуты они возвращаются.

- Там, дальше, она расширяется, превращается в широкий, вместительный двор. - Рома, он прагматик, любит расставить все точки над «и».
  - Зато отсюда, с бульвара выглядит, как щель, – Олег разводит руками. - Вот ведь, живут. Как тараканы, право. Странно.
  - А двери есть и в стене! Мужчина вышел – видели? – Женёк не скрывает эмоций.
  - Да видели. Здесь щель, а там, за дверью может быть, огромная квартира, - Дима ещё как следует не проснулся. Глаза заспанные. Он обычно оживает к обеду.
  - Двинулись дальше? – Рома, не ожидая ответа, берёт за «рога» свой велосипед и ведёт его дальше – ехать всё равно возбраняется, приходится везти велосипеды в поводу.
- Мы «едем» дальше, смотрим по сторонам, держа наготове фотоаппараты и записные книжки. Миг, и вот в личном фотоархиве остаётся гондола – венецианская лодка, ведомая ловкой рукой гондольера. Скользит она, перевозя любопытных туристов, а рядом бежит водяной трамвай, следующий строго определённым маршрутом по Большому каналу. Ещё один взгляд в сторону – и вот характерное, пожалуй, только для Венеции такси-катер. Маски венецианского карнавала продающиеся в многочисленных ларьках. Мальчишки меряют их, смеются, фотографируются, выбирают сувениры в память об этом чудесном городе. Городе туристов и туризма. Мы - единственные велосипедисты на его улицах. Часа два-три езды, и Венеция остаётся лишь в памяти, а мы опять продолжаем путь.

По велодорожкам Австрии.

...Облака, висящие на вершинах гор. Мосты, не одну сотню метров высотой, переброшенные от одной горы к другой. Аккуратные велодорожки, снабжённые указателями и площадками для отдыха, нередко проходящие через густые леса и центры небольших чистеньких деревенок. Старинные замки, угрюмые, тяжёлые, тщательно охраняемые и превращённые в туристические центры. Это Австрия. Мы уходим всё дальше на север, поднимаясь и поднимаясь вверх на перевал Альп. День быстро бежит к закату, солнце, здесь в горах торопится закатиться за покрытые хвойным лесом вершины. Темнота наступает быстро, обволакивает всё вокруг вязкой сетью-накидкой, лес вмиг превращается в бесформенные, потерявшие очертания, косматые дебри. Мы вынуждены остановиться на берегу реки с ледяной, бегущей с гор водой. Купания не получается – уж больно холодна вода.

- Вот это обрыв! – кричит самый младший из команды - Санёк Соловьёв, когда утром мы пытаемся добраться до перевала, и с удивлением отмечаем, что никакой защиты у края дороги нет. Серпантинном наслаивается асфальт, прижимая петлю дороги к петле слоёным пирогом плотно, поднимая нас на высоту вершин стоящих перед глазами хребтов. Зато вниз после перевала ехать весело и интересно, - сразу видно, что в этой стране живут люди, которые стремятся к совершенству, ибо заботятся о сохранении природной и рукотворной красоты. Велодорожка выкатывает к небольшому городку Friesach, который привлекает наше внимание полуразрушенной крепостной стеной, башнями замка, стоящего на высоком холме и аншлагами, неназойливо зазывающими посетить один из известнейших в стране туристских комплексов. Ров, заполненный водой, зубцы крепостной стены, шпиль местного Нотр - Дама, машина для пыток, выставленная на всеобщее обозрение. Городок невелик, мы это понимаем, едва въезжаем внутрь, через главные ворота. В центре сталкиваемся с человеком, одетым в старинную одежду.

- Гарольд - представляется он, - фюрер.
- Фюрер? - переспрашивает, скорчив страшную гримасу Женёк. Я не успеваю с пояснениями, Гарольд опережает меня, понимая, очевидно, что слово «фюрер» слишком режет слух русского парня.
- Я – глава, глава старого города, - и поясняет, что некоторым строениям здесь, более 1100 лет, таких городков-музеев в Австрии всего три, и нам повезло, что мы не проскочили мимо. Сегодня начинается еженедельный фестиваль, мы попали вовремя. –

Слышите? - спрашивает он, застыв на секунду в позе ожидания. Где-то за стеной завывали рожки, застучали барабаны, зазвенели металлом музыкальные тарелки. – Фестиваль начинается, прошу извинить, - Гарольд спешит покинуть нас, а мы ещё несколько минут рассматриваем старинные флаги и стены, алебарды и латы, выставленные перед входом во внутренний двор главного здания центрального замка городка. Затем, оставив велосипеды на брусчатке перед входом, проходим внутрь. Каждый шаг отдаётся гулко, словно мечется меж стен короткое эхо, бьётся о них, прежде чем вырвется наружу, создавая полное представление о мрачности эпохи раннего средневековья. Дворик широк. Вдоль западных стен стоят и сидят многочисленные зрители с фотокамерами и видеокameraми, зато с противоположной стороны люди в старинных одеждах и рыцарских доспехах. Наш старый знакомый – Гарольд открывает фестиваль. Должность дана ему неспроста. Оказывается, он ведёт свой род из глубины веков, и его предки когда-то носили точно такую же одежду здесь, в этом городке. Они, несомненно, открывали рыцарские турниры и сражались на стенах с врагами.

Вновь завопили рожки и вперёд выступили мужчины в рыцарских латах. Тяжело переставляя ноги и гремя металлическими пластинами, они пошли по истёртой за сотни лет тысячами ног выложенной камнем площади, неся в руках тяжеленные щиты с выгравированными гербами и девизами. Недлинные копья с флажками у наконечников слегка покачиваются в такт шагам. Самое удивительное, что перед нами идут прямые потомки тех самых рыцарей, которые проживали в Friesach много лет назад – ведущий праздника во всеуслышание поминал их родословную! Затем было не представление, а скорее восстановленный исторический эпизод. Рыцари декламировали стихи, обменивались любезностями с дамами, одетыми соответственно эпохи средневековья и вовсе не спешили хвататься за оружие. Этот фестиваль не просто игра, не просто прихоть или дань моде и прошлому, это просто кусочек той, ушедшей жизни. Этот фестиваль, прежде всего, нужен им, самим участникам. Чтобы не забыть историю, чтобы не потерять тонкую нить связывающую людей друг с другом и с прошлым. Счастливы эти люди, совершившие сейчас путешествие во времени, почтившие своих предков.

Будто очнувшись, смотрю на часы. Они возвращают к действительности. Точно, три часа дня, время пролетело незаметно, надо ехать дальше. Велодорожка ведёт нас вперёд, то удаляясь от основной дороги на пару километров и заезжая во все малюсенькие деревеньки, то подходит к самому полотну основной дороги. Нырять в густой, тёмный лес и не теряться среди огромных елей и буков. Чудно видеть здесь узкую, двухметровой ширины асфальтированную дорожку. Чудно, непривычно. Опять работаю камерой прямо на ходу, не слезая с седла велосипеда, ловлю в объектив довольные лица своих спутников. Всё ближе Вена...

Ещё в Париже я опасался, что мальчишки пресытятся архитектурной стариной. Рад тому, что опасения оказались напрасны. Архитектурные памятники разных стран неодинаковы. Светлая, белого мрамора архитектурная композиция де-ла-Гард в Марселе, с успехом противостоит готическому собору Шартра, давно ставшему классикой. Выполнен он в традиционных для раннего средневековья серых тонах, с многочисленными, высеченными из камня фигурами и старинными витражами. А дворцы – будь то Княжеский дворец Монако, Венский дворец или Дворцовые постройки Лувра просто заставляют наслаждаться бесконечной гармонией линий.

Сентябрь 2005 – август 2006 года.

Послесловие.

Как заканчивается любое путешествие, подошла к концу эта книга. Хотелось бы надеяться, что вы не считаете время, проведённое за чтением её напрасно потерянным. Но нашу жизнь составляет не только погоня за рублём, и мне кажется, что хорошая,

добрая беседа, это тоже полноценная часть нашей жизни. Да, я призвал Вас в слушатели, но, думаю, Вы не раз что-то говорили мне во время чтения, надеюсь, мне удалось втянуть Вас в диалог. Хотя сейчас я понимаю, что очень, очень многое из того, что уже написано, не вошло в рамки этой книги. Хотелось бы сразу поведать обо всём. О том, как лёд колот в ручье Понка-крик, для того, чтобы найти минипрокол и, наконец, починить камеру у велосипеда. О том, как утром, выбираясь из палатки, старался не задевать потолка, чтобы не сбить огромные седые бороды инея, свисающие сверху – не очень-то хочется получить сразу после сна порцию искрящейся свежести за шиворот. О том, как заехав в резервацию австралийских аборигенов и попав в главный посёлок резервации, очутился в щекотливой ситуации - ни один из аборигенов не был трезвым, а меня спасло лишь умение играть на гитаре и плохое знание английского языка. Хотелось бы рассказать о тех километрах, что я исползал с видеокамерой, стараясь снять пасущихся кенгуру и о многочисленных встречах с людьми в пути. Много раз мне приходилось рассказывать этим людям о своём путешествии. Для многих из них возможность совершения подобного просто выходит за рамки понимания. Но когда в процессе разговора они узнавали, что я – русский, необходимость доказывать, что-то проходила сама собой: - «А, русский, ну тогда всё понятно». Были моменты, когда они брали у меня автографы, и давали адреса для переписки. Да, я – русский, и мне приятно это говорить. Этим всё сказано.

После возвращения из любого путешествия, у меня бывает множество встреч с самыми разными людьми. Со школьниками и взрослыми, с учителями и преподавателями высших учебных заведений. В последнее время, бывшее популярным в недалёком прошлом слово и понятие “досуг”, почти выпало из обихода жителей нашей страны. Необходимость во что бы то ни стало найти деньги, вытеснила все занятия, которые могут забрать время. А жаль. В погоне за деньгами мы потихоньку теряем себя.

У меня уже написана и ждёт своего часа книга об одном из самых удивительных моих поездок - путешествии по Австралии и о первом, самом трудном для меня путешествии по Америке, когда в кармане у меня было лишь 380 долларов. Когда перед самым стартом я оказался перед выбором – ехать или нет, а в путь отправился в конце октября, и на отрезке пути по горным штатам старательно обходил встающие на пути горные массивы, настойчиво убегая от снежных буранов. Но, закончив маршрут в Сан-Франциско и пройдя 6000 километров, замкнул кольцо вокруг света по северному полушарию.